

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

На правах рукописи

Александрова Ольга Юрьевна

**ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

Специальность 12.00.09 – уголовный процесс,
криминалистика и судебная экспертиза;
оперативно-розыскная деятельность

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук,
доцент С.Э. Воронин

Красноярск 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	12
1.1. Понятие, сущность оправдательного приговора и его место в системе уголовно-процессуальных решений.....	12
1.2. Требования, предъявляемые к оправдательному приговору.....	36
1.3. Основания постановления оправдательного приговора.....	60
ГЛАВА 2. СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА.....	91
2.1. Понятие судебного усмотрения и его пределов при постановлении приговора.....	91
2.2. Пределы судебного усмотрения при постановлении оправдательного приговора судом присяжных.....	112
2.3. Пределы судебного усмотрения при постановлении оправдательного приговора иными судами общей юрисдикции	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	167
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	171
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Конец XX и начало XXI веков стали переломными не только для социально-экономического, но и правового обустройства России. При этом продолжающаяся в стране судебнo-правовая реформа, затрагивающая практически всю правоохранительную систему, вызывает необходимость пересмотра многих концептуальных положений, касающихся статуса и роли судьи в современном уголовном судопроизводстве. Эта необходимость возникает в связи с принятием УПК РФ, появлением простых, более мобильных составов суда (мировой судья), сложного альтернативного судопроизводства (суд присяжных), позволяющих в полной мере реализовать принцип состязательности в судебном разбирательстве и приближающих отечественный уголовный процесс, традиционно романо-германского типа, к англосаксонскому варианту. После принятия нового УПК РФ кардинально изменились и приоритеты объектов судебной защиты в уголовном судопроизводстве, и требования законодателя к процессуальным решениям суда (судьи) в условиях состязательного судебного производства. Одним из важнейших процессуальных актов, очевидно, был и остается приговор, подводящий итог деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

В системе процессуальных решений, на наш взгляд, особое место занимает оправдательный приговор. И это не случайно, так как уголовно – судебная статистика последних лет свидетельствует об увеличении количества оправдательных приговоров в России вообще, и в Сибирском федеральном округе, в частности.

Так, по данным Судебных департаментов с 1999 по 2003 гг. наблюдается увеличение удельного веса оправданных лиц от осужденных в Республике Хакасия с 0,5 % до 1,2 %, в Алтайском крае с 0,6 % до 1,4 %, в Красноярском крае с 0,2 % до 0,5 %, в Кемеровской области с 0,3 % до 0,4 % и в Ростовской области с 0,5 % до 0,9 %, при этом общее число осужденных лиц (и соответственно поступивших и рассмотренных уголовных дел) в судах

общей юрисдикции данных субъектов Российской Федерации в среднем снизилось на 44,6 %.

Судебная практика постановления оправдательных приговоров ставит перед исследователями данной проблемы множество вопросов. Вот лишь некоторые из них:

Оправдательный приговор – это результат некачественной работы органов предварительного расследования или тенденциозности суда (судьи)?

Оправдательный приговор – это результат судебно-следственных ошибок или реализации принципа состязательности в уголовном процессе?

Ответить на эти и другие вопросы возможно лишь при наличии комплексного, системного подхода к изучению понятия, сущности, свойств и оснований оправдательного приговора. Основным методом в методологии комплексного подхода к изучению оправдательного приговора, на наш взгляд, должен являться структурно – функциональный метод, позволяющий рассмотреть данное правовое явление в статике и динамике.

Вторым вопросом, тесно связанным с первым и как раз характеризующим функциональную сторону оправдательного приговора, является проблема судейского усмотрения при принятии данного процессуального решения. Новое уголовно-процессуальное законодательство заставляет по иному взглянуть на роль судейского усмотрения при постановлении оправдательного приговора, а также гносеологию внутреннего убеждения судьи. Данная научная проблема в таком аспекте на монографическом уровне исследуется впервые.

Общеизвестно, что при рассмотрении уголовных дел судья обладает достаточной процессуальной и психологической свободой в принятии решений, однако закон все же устанавливает рамки, определенные правовые ограничители такой свободы, чтобы создать условия для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Очевидно, что установление для суда (судьи) слишком широких пределов усмотрения может поколебать его уверенность в законности принятых решений; и наоборот, чрезмерное ог-

раничение границ усмотрения (или его полное исключение) не позволило бы в полной мере учесть индивидуальные особенности совершенного деяния, тем самым добиться реализации справедливости. Необходим диалектический учет объективного и субъективного начал, законности и целесообразности в процессе постановления оправдательного приговора, что и актуализирует тему настоящего диссертационного исследования, которая представляет собой попытку теоретического осмысления понятия и сущности оправдательного приговора, а также процесса его постановления в условиях современного состязательного уголовного судопроизводства.

Научная разработанность проблемы. В юридической литературе проблема приговора достаточно подробно исследовалась в работах Г.Н. Агеевой, В.Д. Адаменко, Н.А. Ахундова, Ю.М. Грошевого, В.Я. Дорохова, В.Г. Заблоцкого, А.С. Кобликова, Е.Ф. Куцовой, А.М. Ларина, Р.Н. Ласточкиной, Е.А. Матвиенко, С.Г. Мирецкого, Т.Г. Морщаковой, И.Д. Перлова, И.Л. Петрухина, М.С. Строговича, Ф.Н. Фаткулина и др.

Отдельные авторы обращались и к проблеме оправдательного приговора: В.Д. Арсеньев, А.Я. Дубинский, Ю.А. Иванов, В.З. Лукашевич, М.Ф. Маликов, Я.О. Мотовиловкер, Р.М. Оганесян, П.Ф. Пашкевич, В.М. Савицкий, Ю.Н. Седлецкий, Н.Н. Скворцов и др.

В исследовании проблемы судейского усмотрения, имеются лишь единичные работы; например, таких авторов, как В.Ф. Бохана, Е.Г. Веретехина, Ю.М. Грошевого и др.

Вышеуказанные работы посвящены исследованию лишь отдельных аспектов оправдательного приговора и процесса его постановления, все теоретические стороны же данного правового явления комплексно в научной литературе до настоящего времени не изучались.

Недостаточная научная разработанность этих вопросов при большой их теоретической значимости обусловила выбор темы настоящего исследования.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в изучении теоретических основ, законодательных и правоприменительных проблем постановления оправдательного приговора, в разработке рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики.

Достижение указанной цели обеспечивалось путем постановки и решения следующих задач:

- раскрыть понятие, сущность и значение оправдательного приговора;
- проанализировать требования, предъявляемые к оправдательному приговору и выявить их особенности;
- раскрыть сущность оснований постановления оправдательного приговора;
- определить место оправдательного приговора в системе уголовно-процессуальных решений;
- сформулировать определение понятия «судейское усмотрение»;
- раскрыть содержание и проанализировать элементы судебного усмотрения в отдельности и системе;
- определить пределы судебного усмотрения при постановлении оправдательного приговора судом присяжных заседателей и судом районного звена.

Объектом и предметом исследования. Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся при постановлении оправдательного приговора в уголовном судопроизводстве. В предмет исследования входят нормы Конституции Российской Федерации, УПК РФ, иных законов, регулирующих отношения, связанные с оправдательным приговором, а также теоретические основы и судебское усмотрение при его постановлении.

Методологической основой исследования послужили современные положения теории научного познания общественных процессов и правовых явлений.

Методику исследования, наряду с общенаучными методами, составили следующие частнонаучные методы: системный (использован при всестороннем, многоаспектном описании института оправдательного приговора, и рассмотрении его как динамичной, развивающейся целостности), метод структурно-функционального анализа, логический (в ходе теоретического анализа содержания и определения понятий, входящих в предмет исследования), статистические (опрос, анализ материалов судебной практики, изучение статистических данных и архивных материалов) и другие методы.

Теоретической базой исследования послужили труды ученых в области права, управления, философии и социологии.

Выводы, содержащиеся в диссертации, опираются на положения действующего конституционного, уголовно-процессуального и уголовного законодательства.

Исследованию подвергнуты также постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, определения Судебной коллегии по уголовным делам и постановления Президиума Верховного Суда РФ, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации.

Эмпирическая база исследования. Достоверность и обоснованность выводов, полученных в результате исследования, подтверждается эмпирическими данными. Их репрезентативность, как важнейшая предпосылка научной обоснованности и достоверности полученных результатов, подтверждается объемом, содержанием, а также географией собранного и проанализированного эмпирического материала.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в период с 1999 по 2003 гг. в Республике Хакасия, Алтайском и Красноярском краях, Кемеровской, Московской и Ростовской областях. Были изучены материалы уголовных дел, по результатам рассмотрения которых, постановлены оправдательные приговоры в отношении 780 лиц. Кроме того, по специально разработанным анкетам был проведен опрос народных и присяжных заседателей, судей Красноярского края.

При подготовке работы использовались результаты эмпирических исследований, полученные другими авторами по проблемам, имеющим отношение к теме диссертации.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе анализа уголовно-процессуального законодательства, практики его применения, существующих точек зрения и собственного видения темы предпринята попытка комплексного рассмотрения теоретических основ и решения проблем постановления оправдательных приговоров, что позволило разработать ряд теоретических и практических положений, выводов и рекомендаций, имеющих значение для теории уголовного процесса и совершенствования уголовно-процессуального регулирования порядка постановления оправдательных приговоров.

В более конкретной форме научную новизну диссертации отражают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Оправдательный приговор – это основной акт правосудия, обладающий свойствами обязательности, исключительности, неизменности, преюдициальности, истинности, завершающий стадию судебного разбирательства в частности, и уголовное судопроизводство в целом, сущность которого состоит в установлении судом невиновности лица в совершении преступления, инкриминируемого ему органами предварительного расследования.

2. Онтологические (бытийные) аспекты оправдательного и обвинительного приговоров имеют одинаковую природу, так как в основе принятия и того, и другого процессуального решения лежат материалы предварительного расследования, устанавливающие пределы судебного разбирательства. Иная ситуация обстоит с гносеологическими аспектами данных процессуальных актов, так как психолого-правовые механизмы постановления оправдательного и обвинительного приговоров существенно отличаются друг от друга. Связано это с отказом государства от обвинения на судебных стадиях, а, значит, с признанием судом низкого качества проведенного предварительного расследования.

3. Свойства оправдательного приговора определяют его внутреннюю форму (структуру), при этом внешнюю форму образуют требования, предъявляемые к нему законом как уголовно-процессуальному решению. В этом состоит диалектическое единство внутренней и внешней форм оправдательного приговора, где свойства приговора и требования, предъявляемые к нему, внутренне обусловлены и взаимозависимы.

4. Сущность оправдательного приговора заключается в негативной оценке государством деятельности органов предварительного расследования; в признании судом незаконности, необоснованности и несправедливости процессуальных решений, принятых в досудебном производстве.

5. Под судебским усмотрением следует понимать зоны процессуальной самостоятельности судьи, принимающего на основе доказательств и своего внутреннего убеждения, а также руководствуясь законом и совестью, окончательное решение по уголовному делу в соответствии с требованиями законности, обоснованности и справедливости, предъявляемыми к приговору и другим решениям по уголовным делам.

6. Внутреннее убеждение является одним из элементов судебного усмотрения, образующих его содержание. Иначе говоря, судебское усмотрение – это внутреннее убеждение судьи, облеченное в процессуальную форму. Если внутреннее убеждение – это область психологической свободы судьи при принятии решения, то судебское усмотрение – это зона его процессуальной самостоятельности.

7. Ядром мотивационно-смысловой структуры личности судьи, принимающего процессуальное решение по делу, является его совесть как элемент судебного усмотрения, которая выступает в качестве основы человеческого фактора в состязательном уголовном процессе.

8. Пределами судебного усмотрения является законность, обоснованность и справедливость судебного решения, т.е. требования, предъявляемые к приговору вообще, и оправдательному в частности, которые призваны ограничить процессуальную и психологическую свободу судьи.

9. Пределы судейского усмотрения в составе суда районного звена являются более широкими, чем в суде присяжных. Председательствующий имеет здесь больше возможностей и для восполнения пробелов в материалах предварительного расследования, и для оценки доказательств по уголовному делу.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическое значение исследования заключается в комплексном исследовании на монографическом уровне проблемы судейского усмотрения при постановлении оправдательного приговора, а также изучении сущности, содержания оправдательного приговора и его места в системе уголовно-процессуальных решений с учетом изменения роли суда в общем механизме государственной жизни, а также изменившихся целей и задач уголовного судопроизводства.

Практическое значение результатов исследования обусловлено его направленностью на совершенствование практики применения уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок постановления оправдательных приговоров. Изложенные в диссертации положения, выводы и предложения могут быть использованы:

- в правотворческой деятельности по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства применительно к рассматриваемой проблеме;
- в правоприменительной деятельности судебных и правоохранительных органов в целях разрешения проблемных ситуаций, возникающих при постановлении оправдательных приговоров;
- в процессе преподавания курса «уголовного процесса» в высших и средних специальных учебных заведениях, юридических институтах МВД РФ, а также в системе повышения квалификации работников судебных и правоохранительных органов;
- в научно-исследовательской деятельности, направленной на дальнейшую разработку проблемы судейского усмотрения.

Апробация и внедрение результатов исследования. Полученные результаты и рекомендации исследования излагались на ежегодных международных научно-практических конференциях «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе» (Красноярск, 2004, 2005), на межвузовской научной конференции «Молодежь, наука и цивилизация» (Красноярск, 2003).

Основные положения, выводы и рекомендации исследования отражены в учебном пособии «Пределы судейского усмотрения при постановлении оправдательного приговора» и 4 научных публикациях общим объемом 3,4 п.л.

По результатам исследования подготовлены методические и учебные материалы, которые используются в практической деятельности Федерального суда Советского района г. Красноярска, а также в учебном процессе Сибирского юридического института МВД России.

Структура и объем работы обусловлены характером исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1.1 Понятие, сущность оправдательного приговора и его место в системе уголовно-процессуальных решений

Общеизвестно, что одним из фундаментальных методов исследования различных явлений, в том числе правовых, является метод структурно-функционального анализа. В методологии настоящего диссертационного исследования данному методу отведена особая роль. В соответствии с основными каноническими положениями структурно-функционального анализа любое явление правовой действительности можно рассмотреть с точки зрения структуры (в статике) и назначения или функции (в динамике). Оправдательный приговор – правовое явление, которое также можно подвергнуть структурно-функциональному анализу для того, чтобы ответить на вопросы, что такое оправдательный приговор, является ли он результатом судебно-следственных ошибок или реализации принципа справедливости и состязательности в судебном разбирательстве, а также – какое место он занимает в системе уголовно-процессуальных решений. Полагаем, данное правовое явление можно рассматривать в трех аспектах:

1. Оправдательный приговор как процессуальный акт (структурный аспект).
2. Оправдательный приговор как правовой институт (структурно-функциональный аспект).
3. Оправдательный приговор как совокупность уголовно-процессуальных отношений (функциональный аспект).

Последний аспект, характеризующий функциональную сторону исследуемого явления, в большей степени относится к процессу постановления оправдательного приговора и будет подробно исследован нами во второй главе диссертационного исследования, в том числе, применительно к специфике судебного разбирательства в суде присяжных и районном федеральном

суде. В настоящем параграфе речь пойдет о структурных особенностях оправдательного приговора как процессуального акта.

В юридической литературе вопрос о том, что такое приговор вообще и оправдательный приговор, в частности, до сих пор является достаточно дискуссионным. Точное определение места приговора среди правовых актов, на наш взгляд, возможно при признании справедливости тезиса о необходимости деления всех процессуальных актов на *основные и вспомогательные*. Критерии такой классификации выдвигаются различные, и наш взгляд, имеют право на существование.

Так, одни авторы полагают, что основные правоохранительные акты выражают завершающие действия органов государства, содержат итоговую оценку обстоятельств дела и властное предписание относительно подлежащего разрешению вопроса. Вспомогательные – это акты, которые опосредуют правоохранительную деятельность органов государства. Они, как правило, не содержат итоговой оценки обстоятельств дела и не разрешают его по существу¹. Следует признать, что вспомогательные акты создают юридические предпосылки для вынесения основных².

Другие ученые предлагают делить акты на *основные и дополнительные* в зависимости от стадии, где они были вынесены, относя к основным лишь акты главной стадии – судебные акты, а именно приговор и определение о прекращении дела³. В то же время основные относительно существа дела акты принимаются и в других, кроме судебного разбирательства, стадиях⁴. Уточняя данную позицию, следует отметить, что основными актами все же будут являться акты, завершающие любую стадию судопроизводства, а

¹ См.: *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. – М.: Юрид. лит, 1976. – С. 26.

² См.: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Курс лекций: учебное пособие. – Свердловск, Вып. 1., 1963. – С. 212.

³ См.: *Бажанов М.И.* Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Харьков., 1967. – С. 6.

⁴ См.: *Лупинская П.А.* Указ. соч. – С. 27.

вспомогательными – промежуточные по сравнению с завершающими стадию акты.

Если рассматривать процессуальную форму как последовательность действий¹, то акты, завершающие стадии, будут вспомогательными для основных актов в последующих стадиях. К примеру, постановление о возбуждении уголовного дела завершает первоначальную стадию производства и служит здесь основным актом, но является промежуточным для актов стадии предварительного расследования: постановления о прекращении уголовного дела либо обвинительного заключения; обвинительное заключение будет вспомогательным актом для постановления приговора, а тот вспомогательным – для кассационного определения и т.п.

Таким образом, приговор служит основным актом не только в результате постановления его в главной, центральной стадии судопроизводства, но и потому, что он завершает стадию, являясь конечным актом судебного разбирательства.

Приговору в системе процессуальных актов принадлежит исключительно важное, особое место по ряду причин.

Во-первых, приговор – это единственный из процессуальных актов, который постановляется от имени государства, что закреплено законодательно. В силу ст. 296 УПК РФ все суды, входящие в систему России и функционирующие на ее территории, выносят приговоры именем Российской Федерации. Недаром в литературе подчеркивается, что вынесение приговора именем суверенного государства является одной из главных черт правосудия², обязательным признаком приговора³. Р.В. Литвинов по этому поводу замечает: «При помощи приговора государство охраняет общество граждан от преступных посягательств. Именно в приговоре суд от имени государства дает

¹ См. о процессуальной форме и различии взглядов: *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980. – С. 31-37.

² См.: *Оганесян Р.М.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1972. – С. 23.

³ См.: *Перлов И.Д.* Приговор в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1960. – С.13.

общественно-политическую оценку преступлению и лицу, его совершившему»¹.

Во-вторых, приговор с государственных позиций дает оценку ранее предъявленному обвинению, служит средством разрешения обвинения в материально-правовом смысле². Поэтому вряд ли можно согласиться с В.Я. Дороховым, отстаивавшим положение, согласно которому «предметом исследования суда является не обвинение, а то деяние, которое действительно совершил обвиняемый»³.

Более точной, на наш взгляд, является позиция М.Ф. Маликова, согласно которой предметом разбирательства по уголовному делу является именно обвинение определенного лица в совершении вмененного ему преступления. Суд не исследует тот или иной факт «вообще», он судит подсудимого, который обвиняется в совершении конкретного преступления. В своем приговоре суд должен, прежде всего, признать установленными или не установленными те факты, которые входят в состав обвинения⁴.

Очевидно, что само по себе деяние – преступное действие или бездействие – представляет собой лишь один из элементов обвинения в материальном смысле. Однако есть и другие, не менее важные элементы, составляющие главный доказательственный факт – субъект, субъективная сторона, объект. Прокурор утверждает обвинительное заключение с тем, чтобы оно стало предметом судебного разбирательства полностью, но не частично; суд (судья) исследует обвинительный тезис при постановлении приговора, а также при поступлении дела в суд. В конечном итоге, суд разрешает все обвинение по существу, детально проверяя все обстоятельства предмета доказы-

¹ Уголовного процесс РСФСР: учебник под ред. В.Е. Чугунова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. – С. 298.

² См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и судебный приговор. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. – С. 135; *Зинатуллин З.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: учебное пособие. – Ижевск: Дектив-Информ, 1989. – С. 10-17.

³ *Дорохов В.Я.* Изменение обвинения в советском уголовном процессе // Учен. зап. Перм. ун-та. – Вып. 4. – Т.10. – 1955. – С. 139.

⁴ См.: *Маликов М.Ф.* Эффективность приговора в советском уголовном процессе. Вопросы теории и практики. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – С. 46-47.

вания (ст. 73 УПК РФ). Однако «характеристика судебного приговора не может считаться полной, если приговор отрывается от обвинения в материально-правовом смысле»¹.

В-третьих, приговор представляет собой акт уголовного процесса в целом, сердцевину принимаемых до и после его вынесения решений, а не только завершает этап судопроизводства. Мало того, что приговором завершается стадия производства по уголовному делу – здесь окончательно разрешаются главные вопросы уголовного судопроизводства как «конечный результат деятельности правоприменительных органов с точки зрения фактических и юридических последствий принимаемых решений»².

Предыдущие судебному разбирательству решения, полагаем, следует рассматривать в качестве предварительных, подготовительных для постановления приговора актов, а последующие акты в кассации, судебном надзоре, в стадии исполнения приговора – как проверочные, контрольные, исполнительные акты. Именно в судебном разбирательстве окончательно устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ) и принимаются именем государства по ним решения. На наш взгляд, совокупность названных признаков позволяет выделить приговор среди других процессуальных актов и называть его основным актом правосудия.

Кроме того, приговор будет основным актом правосудия и ввиду того, что лишь в нем одном решается вопрос о наказании либо об освобождении от наказания виновного или об оправдании невиновного лица. С названным положением связано свойство возможности пересмотра приговора вышестоящим судом в порядке, установленном Федеральным законом (ч.3 ст.50 Конституции РФ). Т.Г. Морщакова в связи с этим справедливо отмечает: «Приговор не может вступить в законную силу и стать общеобязательным, если

¹ См.: Маликов М.Ф. Указ. соч. – С. 47.

² Рахимов Ю.Р. Системный анализ процессуальных решений (методология уголовно-процессуального подхода): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1989. – С. 14.

осужденному не предоставлено право возбудить производство по проверке приговора. Это отличает приговор от других правоприменительных актов, включая акты следователя и прокурора, и от большинства других решений суда, выносимых в ходе рассмотрения уголовного дела, которые, как правило, вступают в законную силу немедленно, независимо от обжалования или опротестования»¹.

Полагаем, сущность и значимость приговора вообще, и оправдательного в частности, необходимо рассматривать через следующие свойства приговора:

1) В первую очередь, приговор обладает свойством, которое состоит в *свободе его обжалования до вступления в законную силу*. Оно означает, что любое лицо, заинтересованное в исходе дела, наделяется правом апелляционного и кассационного обжалования (ч.ч. 4, 5 ст. 354 УПК РФ). Свобода обжалования выражается также в свободной форме изложения жалобы и представления, хотя на результативность пересмотра могут повлиять мотивированность и обоснованность обжалования. Однако сам факт обжалования обязательно влечет кассационный пересмотр дела, и суд во всех случаях обязан проверить дело в той части, в которой оно обжаловано.

Приговор подлежит реализации, а наказание – фактическому исполнению лишь по вступлении его в законную силу. Причем, как справедливо полагает Т.Г. Морщакова, «приговор исполняется, как бы его ни оценивали те, к кому он обращен. Поэтому вступивший в законную силу приговор обладает свойством исключительности и имеет преюдициальное значение»².

На наш взгляд, более точен в определении данного свойства приговора Е.А. Матвиенко, когда пишет: «Законная сила приговора – важная правовая категория. Будучи выражением силы закона, проявлением его непоколебимости, она наделяет приговор особыми качествами, способствует повышению

¹ *Уголовный процесс: учебник для вузов*. Под общ. ред. П.А. Лупинской. – М.: Юрист, 1995. – С. 373.

² *Морщакова Т.Г.* Указ. соч. – С. 373-374.

авторитета суда и выносимых им решений. Посредством ее достигается стабильность приговоров, создается атмосфера определенности и последовательности при отправлении правосудия. Именно в законной силе приговора реализуется воля законодателя по принуждению конкретных лиц к определенному поведению... Сущность законной силы состоит в совокупности свойств (качеств), которые приобретает приговор или иное решение после вступления в законную силу и которые влекут за собой определенные правовые последствия. Такими свойствами являются обязательность, исключительность, неизменность и преюдициальность. Именно они наиболее полно раскрывают суть законной силы приговора, передают ее важнейшие черты»¹.

2) *Обязательность* приговора предусматривает его безусловное, неременное исполнение всеми лицами и органами, интересы которых в нем затрагиваются. Иными словами, вступивший в законную силу приговор приобретает свойства нормы права, носящей индивидуальный характер. М.С. Строгович отмечал, что «закон обязателен для всех предусматриваемых им отношений, приговор же – закон лишь для конкретного дела, окончательно разрешающий лишь те отношения (уголовно-правовые), которые были содержанием этого дела»².

Следует заметить, что обязательность обусловлена именем государства, от которого постановляется приговор, который является важнейшим актом уголовного судопроизводства. Е.А. Матвиенко по этому поводу замечает: «Ни одно государственное или общественное учреждение, предприятие и организация, должностное лицо или гражданин... не могут игнорировать факта постановления приговора, отказаться от его исполнения, не подчиниться ему, если он их касается. Равным образом они обязаны оказывать необходимую помощь и содействие тем органам, которые призваны осуществ-

¹ Матвиенко Е.А., Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 31, 33.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. – Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – М.: Наука, 1970. – С. 324.

лать фактическое исполнение приговора»¹. Указанное свойство приговора, на наш взгляд, обусловлено также задачами уголовного процесса, согласно которых отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение справедливого наказания.

3) *Исключительность* состоит в том, что при наличии вступившего в законную силу приговора не допускается принятие (вынесение) иного решения в отношении того же лица по одному и тому же обвинению. Свойство прямо вытекает из законодательных актов: ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Никто не должен быть вторично судим и наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан»², ст.50 Конституции Российской Федерации: «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление», п.4 ч.1 ст.27 УПК РФ, устанавливающий, что уголовное преследование прекращается при «наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению».

Данное свойство устраняет конкуренцию приговору со стороны других видов процессуальных решений. К тому же исключительность служит гарантией реализации прав и интересов обвиняемого. Развивая данное суждение, Е.А. Матвиенко уточняет, что суть этой гарантии – не быть судимым дважды за одно и то же преступление. Особенно важна гарантия для лиц оправданных по суду, а также отбывших назначенное им наказание: они должны иметь уверенность, что не будут вторично привлечены к уголовной ответст-

¹ Бекешко С.П., Гапанович Н.Н., Кобликов А.С. Уголовный процесс БССР: учебное пособие под ред. С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. шк., 1979. – С. 434.

² *Международный пакт о гражданских и политических правах* от 19 декабря 1966 г. Ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 23 марта 1976 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР*. – 1976. № 17. – Ст. 291.

венности и осуждены за действия, которые были уже предметом рассмотрения суда¹.

Повторное рассмотрение дела возможно только после отмены приговора в порядке судебного надзора (в широком смысле: пересмотр как не вступивших, так и вступивших в законную силу приговоров, возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств). В порядке надзора пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, а также пересмотр обвинительного приговора (определения и постановления суда) в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного не допускается (ст. 405 УПК). Однако пересмотр оправдательного приговора допускается в порядке производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств лишь в течение года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств (ст.414 УПК РФ).

4) *Неизменность приговора* означает невозможность отмены его тем же или равнозначным судом первой инстанции. Смысл неизменности, непоколебимости приговора необходимо усматривать в устойчивости принимаемых судом от имени государства решений, без чего немислимо правосудие в государстве.

Конечно, изменения в приговор вправе вносить суд кассационной инстанции. Но тут приговор еще не вступил в законную силу, и действуют иные положения, гласящие: «Правом на стабильность обладает только законный и обоснованный приговор. Если приговор вынесен с нарушением закона, ... является неправильным по существу, он должен быть незамедлительно исправлен»². Вступивший в законную силу приговор пересмотреть возможно, лишь в исключительных стадиях судопроизводства.

¹ См.: Матвиенко Е.А. Приговор суда и его исполнение. – Минск: «Вышэйш. Школа», 1968. – С. 30.

² Бекешко С.П., Гапанович Н.Н., Кобликов А.С. Уголовный процесс БССР: учебное пособие под ред. С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. шк., 1979. – С. 436.

5) *Преюдициальное значение приговора.* Следует отметить, что действующим уголовно-процессуальным законодательством впервые введено понятие «преюдиция», т.е. обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле (ст. 90 УПК РФ).

Как верно подмечает Т.Г. Морщакова, данное свойство приговора «...заключается в том, что содержащиеся в нем выводы об установленных по делу фактах являются обязательными для судов, рассматривающих те же обстоятельства в порядке гражданского судопроизводства, и других правоприменительных органов»¹.

Очевидно, что свойство преюдициальности покоится на той предпосылке, что процессуальные правила доказывания, определенные законом, едины. Поэтому нет никаких оснований полагать, что суждения другого суда относительно фактов, бывших уже предметом судебного исследования, обладают большей предпочтительностью, являются более правильными. Если приговор вынесен с соблюдением всех предусмотренных законом условий, если вышестоящие суды при его проверке не обнаружили в нем дефектов, он признается истинным, приобретает преюдициальный характер»². В то же время в основе данного свойства лежит презумпция истинности вступившего в законную силу приговора и, как отметил В.К. Бабаев, «преюдиции производны от презумпции истинности приговора или решения суда»³.

б) *Истинность приговора.* Данный вопрос является достаточно дискуссионным в юридической литературе, особенно в части разграничения пре-

¹ Уголовный процесс: учебник для вузов под общ. ред. П.А. Лупинской. – М.: Юрист, 1995. – С. 374.

² Уголовный процесс БССР. – С. 437.

³ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1969. – С. 6.

зумпции истинности приговора и его истинности как таковой. В связи с этим заслуживает внимания позиция Ч.С. Касумова, который полагает, что «...после вступления в законную силу обвинительного приговора действует презумпция его истинности. Если же дело переходит в надзорное производство, презумпция истинности приговора продолжает действовать (поскольку приговор еще только проверяется, он не отменяется), но уже вместе с презумпцией невиновности. При оправдании же презумпция истинности приговора действует совместно с презумпцией добропорядочности, которая в случае пересмотра дела в порядке надзора вновь трансформируется в презумпцию невиновности»¹.

На наш взгляд, автор здесь не совсем последователен в отстаивании своей позиции. Во-первых, две взаимоисключающие презумпции (презумпция невиновности и презумпция истинности приговора) одновременно действовать не могут. Во-вторых, нельзя согласиться с утверждением Ч.С. Касумова, что сам факт принесения протеста (по УПК РФ – представления – ст.402) в порядке надзора (по УПК РФ – в надзорной инстанции – ст. 409) на вступивший в силу обвинительный приговор восстанавливает действие презумпции невиновности. Это значит, что уже с принесением протеста приговор теряет законную силу. Однако лишить законной силы приговор, полномочен только суд, рассматривающий дело в порядке надзора. В связи с этим И.Л. Петрухин, на наш взгляд, правильно отмечает, что презумпция истинности вступившего в законную силу приговора основана на предположении, что процессуальных гарантий обычных (обязательных) стадий процесса достаточно для установления истины по уголовному делу. Поэтому приговор суда презюмируется истинным².

Презумпция истинности предусматривает положение, согласно которому после вступления приговора в силу юридические факты считаются ус-

¹ Касумов Ч.С. Презумпция невиновности в советском праве. – Баку: ЭЛМ, 1984. – С. 28.

² См.: Теория доказательств в советском праве. / Под ред. Н.В. Жогина. – М.: Юридическая литература, 1973. – С. 359.

тановленными и достоверно выясненными судом, их незачем вновь исследовать и они подлежат реализации. Любой суд, вновь касающийся этих же фактов и правоотношений, обязан принять их такими, какими они зафиксированы во вступившем в законную силу приговоре, освобождаясь от необходимости вторично их устанавливая путем доказывания. Этим, во-первых, достигается процессуальная экономия, и, во-вторых, исключается возможность вынесения противоположных решений по одним и тем же вопросам»¹.

Отсюда можно сделать вывод, что презумпция истинности приговора существует только до тех пор, пока он не вступил в законную силу. После вступления приговора в законную силу, полагаем, следует говорить только об истинности приговора, а не о презумпции истинности.

Презумпция истинности признается далеко не всеми учеными. Оппоненты истинности приговора исходят из «опровержимости ее в исключительных стадиях процесса, вероятности содержащихся в приговоре выводов»². Очевидно, что выводы суда по вступлению приговора в законную силу уже не вероятны, а законны и подлежат реализации. В то же время следует согласиться с тем, что в исключительных стадиях – производстве в надзорной инстанции, возобновлении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств – истинность приговора опровержима. Причем истинность приговора опровергается не только тогда, когда устанавливается невиновность осужденного, но и тогда, когда возникает необходимость изменить квалификацию, исправить процессуальные ошибки, а также, когда изменяется мера наказания. Приговор истинен, пока не установлено обратное. Контрольная стадия (в том числе кассационная) проверяет возникшие сомнения с позиции действующего законодательства, но контроль не подменяет истинности. В контрольных стадиях проверяется соблюдение принципиальных положений уголовно-процессуального закона, «среди которых

¹ Уголовный процесс БССР. – С. 437.

² Курьлев С.В. О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. – 1968. – №1. – С. 75.

видное место занимает презумпция невиновности»¹, а при опровержении истинности принцип уступает место презумпции невиновности и дело подлежит пересмотру по существу. Отсюда можно сделать вывод, что преюдициальность приговора основана на его истинности, пока иное не будет установлено законным порядком.

Представляется, что истинность приговора – одно из самых сложных его свойств. Уяснение природы данного свойства всегда вызывает гносеологические трудности у исследователя, поэтому не случайно, что законодатель вообще не упоминает об истинности приговора в тексте УПК РФ, так же как отказался от истины как цели доказывания в уголовном судопроизводстве.

Названные свойства приговора тесно взаимосвязаны. Вступивший в законную силу приговор общеобязателен и преюдициален для всех других правоприменительных органов, пока приговор не будет отменен в предусмотренном законом порядке.

Очевидно, что всеми перечисленными свойствами должен обладать и оправдательный приговор. Он, по своей природе, так же обязателен для исполнения, исключителен, неизменен, имеет преюдициальное значение для других процессуальных решений. При всей совокупности названных качеств и отказе государства от обвинительного утверждения в отношении подсудимого, презюмируется истинность данного судебного решения.

Чтобы понять сущность оправдательного приговора, его необходимо рассмотреть с точки зрения механизма принятия данного процессуального решения. Такой методологический подход, на наш взгляд, позволит наиболее точно определить место оправдательного приговора в системе процессуальных актов.

Проблема принятия решений участниками уголовно-процессуальной деятельности является комплексной проблемой, выходящей за рамки теории уголовного процесса. В зоне пересечения данного вопроса оказываются

¹ Ларин А.М. Презумпция невиновности.– М.: Наука, 1982. – С. 36.

предметы науки управления и психологии принятия решений, административной деятельности. Причем УПК РФ настолько сильно сместил акценты в подходе и к процессуальной форме, и процессуальной самостоятельности участников уголовного процесса, что игнорировать комплексный, системный подход в исследовании данной научной проблемы было бы методологически неверно и ошибочно.

Общеизвестно, что вынесение процессуальных решений представляет собой правовой акт, который влечет за собой реализацию правовых предписаний, и тем самым обеспечивается защита прав и законных интересов участников процесса.

Решения, выносимые в уголовном судопроизводстве, могут повлечь за собой появление, изменение и прекращение процессуальных отношений. Их роль может сводиться и к подтверждению фактически уже возникших материально-правовых отношений.

Это относится главным образом к процессуальным актам, содержащим ответы по уголовно-правовым вопросам, о наличии преступления, о вине лица и др. В этом случае процессуальное решение подтверждает уголовно-правовые отношения, возникшие между государством и лицом, совершившим преступление. Процессуальные решения в этом случае подтверждают наличие обязанности лица, совершившего преступление, нести ответственность за свои действия. Разрешение вопросов уголовно-процессуального права включает установление наличия (или отсутствия) тех или иных фактических обстоятельств, влекущих определенные правовые последствия и решение о действиях, направленных на обнаружение тех или иных обстоятельств или вытекающих из их установления.

Общими чертами всех принимаемых в процессе решений являются следующие:

- 1) они могут быть вынесены только управомоченными лицами и органами и только в пределах их компетенции; 2) они должны являться результатом всестороннего, полного и объективного исследования и оценки совокуп-

ности доказательств; 3) для их вынесения необходимо наличие определенных, предусмотренных законом условий. Прежде всего, они должны отвечать требованиям законности, обоснованности и справедливости, а также быть мотивированными.

Механизм принятия уголовно-процессуальных решений может быть рассмотрен в чисто *юридическом аспекте*, а именно в плане регулирования правом самого акта правоприменительной деятельности, прав и обязанностей субъектов и т.п., а также в *социальном аспекте*, что означает рассмотрение того, каким путем с помощью каких средств правовые требования, нормативные предписания законов и иных юридических актов переводятся в социальное поведение на всех уровнях его действия – общества, коллектива, малой социальной группы, личности. В настоящей монографии будет исследован механизм принятия решений в юридическом аспекте.

Общеизвестно, что в орбиту уголовно-процессуальной деятельности ежедневно вовлечены десятки тысяч людей, уголовно-процессуальные отношения между которыми изменчивы, полиметричны и могут носить характер трехсторонних, четырехсторонних и более связей. Поэтому, очевидно, что прописать и подробно регламентировать все уголовно-процессуальные механизмы принятия решений на всех стадиях уголовного судопроизводства было бы, мягко говоря, утопией. Законодатель решает эту проблему иначе – путем диспозитивности, регулируя поведение участников уголовного процесса достаточно тонкими и эффективными инструментами юридической техники, а именно – относительно определенными нормами УПК, устанавливающими весьма условные границы процессуальной самостоятельности субъектов уголовно-процессуальной деятельности (пределы усмотрения). По существу, законодатель предлагает примерную программу, алгоритм поведения при принятии решения, который участник уголовного процесса может выбирать, сообразуясь с принципом диспозитивности и сложившейся по делу уголовно-процессуальной ситуацией.

Принятие решения как акт применения права проходит три основные стадии: установление и оценка фактических обстоятельств дела; выбор и анализ норм права; собственно решение дела, выраженное в акте применения права.

Выделяя эти основные стадии правоприменительной деятельности, большинство исследователей данного вопроса правильно подчеркивает известную условность этого деления в силу единства фактической и юридической сторон правоприменительной деятельности¹.

Первые две из указанных стадий правоприменительной деятельности носят в значительной степени подготовительный характер. Они дают возможность установить фактические данные, составляющие основу для применения права.

Стадии принятия решения как акта применения права по существу охватывают те два основных момента (или акта), которые присущи принятию решения в любой области социальной практики. Это – сбор информации, которая приводит к выводам о наличии (или отсутствии) определенных фактических обстоятельств, и собственно принятие решения о действии, на основе обратной информации. В этом втором акте имеющаяся информация сопоставляется с нормативными условиями принятия решения и целями, которые должны быть достигнуты решением, принимается собственно решение о действии, а уже в стадии установления фактических обстоятельств, поскольку закон регулирует и порядок их установления, служащих предпосылкой для принятия решений.

Доказывание фактических обстоятельств дела строго регламентируется законом, происходит по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом. Поэтому применением уголовно-процессуального права является не только само решение, но и весь процесс установления фактических обстоя-

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Курс лекций: учебное пособие. – Вып. 4. – Свердловск, 1960. – С. 24; *Недбайло П.Е.* Применение к советских правовых норм. – М., 1960. – С. 216.

тельств уголовного дела. Это создает необходимые гарантии законности и обоснованности решений. Первые две стадии применения права являются одновременно стадиями подготовки к принятию решения. При этом деятельность правоприменительных органов уже в процессе установления фактических обстоятельств дела выступает как государственно-властная деятельность. Поэтому этим органам в процессе установления фактов предоставлено право совершения властных действий (вызов на допрос, обыск, выемка, осмотр, освидетельствование и другие), дающих возможность обнаружить необходимые по делу доказательства.

На первой стадии принятия решения особое значение приобретает оценка доказательств как деятельность, ведущая к признанию наличия или отсутствия тех или иных обстоятельств, а также оценка этих обстоятельств, с точки зрения наличия в них тех признаков, которые указаны в норме права и влекут за собой определенное правовое решение. Оценка доказательств не является самоцелью, она всегда служит принятию соответствующих решений по делу и осуществлению практических действий. Поэтому правильность решения по существу, его законность, обоснованность и справедливость в значительной мере зависят от соблюдения закона при оценке доказательств.

Очевидно, что оценка доказательств и установленных обстоятельств обуславливает, в конечном итоге, решение правового вопроса. Ввиду того, что оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению, здесь отсутствуют заранее установленные правила о силе и значении отдельных доказательств. Оценка доказательств, ведущая к установлению обстоятельств по делу, то есть, что относится к первому акту принятия решения, только в определенных пределах регулируется законом. Поэтому важное значение имеют разработка и поиски средств, обеспечивающих получение достоверной информации и ее правильную оценку.

Вторая стадия принятия решения – решение о действии – связана с проявлением такого общего свойства всех решений, как наличие выбора способа действия. При этом выбор решения в любой социальной деятельности

должен быть обусловлен целями и задачами деятельности. Таким образом, на данной стадии решения происходит выбор одного из возможных ответов на вопрос о том, «с чем мы имеем дело», что именно установлено, каковы фактические обстоятельства дела. Такого рода выбор делают следователь, прокурор, суд, оценивая доказательства и решая вопрос о фактических обстоятельствах дела в пределах предоставленных полномочий. Ответы на эти вопросы влекут за собой выбор нормы, которая применяется к этим фактическим обстоятельствам.

Процесс выбора нормы, которая подлежит применению в данной уголовно-процессуальной ситуации, может усложняться в зависимости от того, как отражены в самой норме случаи и условия, на которые она рассчитана, является ли ее гипотеза абсолютно-определенной или относительно-определенной.

В силу особенности предмета правового регулирования большинство норм уголовно-процессуального права носит абсолютно-определенный, императивный характер. В них способ действия, поведение правоприменительного органа определены законодателем категорически. Это означает, что законодатель предписывает тот способ действия, который должен быть избран при наличии указанных в законе фактических обстоятельств.

В этих нормах права и обязанности ее адресатов выражены определенно и не предусматривают возможность избрать иное решение, исходя из особенностей данного случая.

Для лица или органа, исполняющего императивную норму, не может быть выбора в способе поведения. При наличии определенных фактических обстоятельств они обязаны действовать в соответствии с предписанием нормы. Их задача в данном случае состоит в том, чтобы точно, в соответствии с законом установить фактические обстоятельства дела и правильно выбрать ту норму, которая предписывает определенное поведение применительно к установленным обстоятельствам, признакам, т.е., иначе говоря, решить дело в соответствии с предписанием закона. Поэтому вынесение решения в уго-

ловно-процессуальной деятельности предполагает и выбор нормы уголовно-процессуального закона, предусматривающей данный случай, и закрепление этого решения в соответствующем процессуальном акте.

Среди императивных норм по характеру содержащихся в них указаний можно выделить:

а) *нормы, предписывающие* определенные решения, а, следовательно, и обязывающие действовать тем путем, который выбран законодателем для данных обстоятельств.

Так, например, ст.303 УПК предусматривает, что исправления в приговоре *должны быть оговорены и удостоверены* подписями всех судей в совещательной комнате до провозглашения приговора.

б) *нормы, запрещающие вынесение решения*. К их числу, например, относится ст.8 УПК: никто не может быть признан виновным в совершении преступления, и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном УПК РФ.

В тех случаях, когда в законе указан точный перечень обстоятельств, при которых решение должно быть принято, установление этих обстоятельств, определяет и выбор способа действия. Правильность решения зависит от того, насколько точно и объективно установлены эти обстоятельства.

Выбор правильного решения в случае применения нормы с абсолютно-определенной гипотезой и диспозицией зависит только от правильного установления тех оснований и условий, которые предусмотрены в законе для данного решения.

Например, оправдательный приговор может быть постановлен при наличии одного из оснований, абсолютно определенно указанных в законе (ч.2 ст.302 УПК).

В связи с тем, что в ряде норм уголовно-процессуального закона прямо предписаны те действия, которые должны следовать за установлением указанных в законе обстоятельств дела, неизбежно возникает вопрос: включает ли такого рода решения характерный для природы любого решения при-

знак – наличие выбора. Не случайно, что вокруг необходимости и целесообразности выделения в системе принципов уголовного процесса принципа диспозитивности, как раз предполагающего такой выбор, научные споры не утихают до настоящего времени.

По нашему мнению, то обстоятельство, что закон в ряде случаев категорически предписывает, какое именно решение должно быть принято при наличии определенных фактов, не меняет в целом природы решения.

Условием важнейших процессуальных решений, например, таких, как обвинительный приговор, является подтверждение виновности подсудимого совокупностью, исследованных судом доказательств.

Альтернатива, на наш взгляд, всегда присутствует в механизме принятия решений судьей, который на основе оценки доказательств (согласно ст.299 УПК) при постановлении приговора в совещательной комнате дает ответы на основные вопросы, составляющие предмет доказывания. Причем, вектор ответов – утвердительный или отрицательный – и будет определять, какое из возможных решений, скорее всего, должно быть принято: например, постановлен обвинительный или оправдательный приговор. Таким образом, принятие процессуального решения всегда является актом выбора, правильность которого проверяется совокупностью собранных по уголовному делу доказательств.

Даже в тех случаях, когда законодатель не предоставляет альтернативы в выборе вариантов поведения в конкретной уголовно-процессуальной ситуации, акт принятия решения в целом не утрачивает свойство выбора, поскольку оно имманентно ему и по своей природе неотделимо от механизма принятия решения по существу дела.

Действительно, до того, как выяснены обстоятельства дела, до проведения судебного следствия – судьи должны исходить из того, что результатом рассмотрения и разрешения ими дела может быть оправдательный или обвинительный приговор. Какой именно приговор должен быть постановлен в конкретном случае, судьи смогут решить лишь после рассмотрения дела.

Здесь выбор одного из возможных решений определяется фактическими обстоятельствами дела.

Изучение материалов судебной практики показывает, что неправильно принятое решение о том, какой приговор должен быть постановлен в конкретном случае, объясняется в большинстве случаев неполно и некачественно проведенным судебным следствием, а также не установлением вины подсудимого в совершении преступления. Иначе говоря, не были созданы надлежащие условия, необходимые для принятия судом законного, обоснованного и справедливого решения.

Законность и обоснованность решений находится в прямой зависимости от полноты, объективности и всесторонности предварительного и судебного следствия, как бы законодатель не стремился отказаться от данного принципа уголовного процесса.

Наряду с нормами абсолютно-определенными уголовно-процессуальный закон включает и нормы с относительно-определенной гипотезой и диспозицией. Эти нормы, регулирующие принятие целого ряда процессуальных решений, дают возможность учесть при принятии решения конкретные обстоятельства данного случая и выбрать применительно к ним один из возможных вариантов решения, перечисленных в законе или вытекающих из закона.

К таким, например, относятся нормы закона, регулирующие решения о порядке исследования доказательств в суде (ст.274 УПК), об отсрочке исполнения приговора (ч.2 ст.398 УПК) и др.

При выборе такого рода решений закон оставляет больший или меньший «люфт» – простор для усмотрения лица, принимающего уголовно-процессуальное решение. В этой связи, полагаем, определенный научный интерес вызывает вопрос о влиянии конкретных обстоятельств дела на выбор решения, а также о пределах судейского усмотрения при выборе решения и гарантиях, предупреждающих проявление субъективизма в решениях.

Следует отметить, что в некоторых нормах права относительно-определенная гипотеза сочетается и с относительно-определенной диспозицией.

Обычно диспозиция в нормах относительно-определенных выражена не в категорических предписаниях «должен», «обязан», а в предоставлении права, что выражается в норме словами: «может», «вправе», «по усмотрению», «в необходимых случаях» (ч.2 ст.275, 284, 289 УПК и др.).

К сожалению, УПК РФ изобилует оценочными категориями относительно-определенного свойства, которые, на первый взгляд, расширяя границы процессуальной самостоятельности участников уголовного процесса, в информационном плане не дают ничего – ни одного точного указания на вариант их возможного поведения, особенно необходимого на третьей, заключительной стадии принятия решения, когда судьей (судом) принимается окончательное решение по делу, выраженное в акте применения права.

Таким образом, можно сделать вывод, что онтологические (бытийные) аспекты оправдательного и обвинительного приговоров имеют одинаковую природу, так как в основе принятия и того, и другого процессуального решения лежат материалы предварительного расследования, устанавливающие пределы судебного разбирательства. Иная ситуация, на наш взгляд, обстоит с гносеологическими аспектами данных процессуальных актов, так как психолого-правовые механизмы постановления оправдательного и обвинительного приговоров существенно отличаются друг от друга. Ведь в первом случае речь идет об установлении судом невиновности лица на судебных стадиях, то есть о признании судом низкого качества предварительного расследования, а, значит, незаконности, необоснованности и несправедливости всех процессуальных решений, принятых на стадиях досудебного производства по уголовному делу. Такой методологический подход, полагаем, позволяет, наиболее точно определить место оправдательного приговора в системе процессуальных актов с точки зрения механизма принятия окончательного решения по уголовному делу.

Подводя итог сказанному, можно определить *оправдательный приговор как основной акт правосудия, обладающий свойствами обязательности, исключительности, неизменности, преюдициальности, истинности, завершающий стадию судебного разбирательства, сущность которого состоит в установлении судом невиновности лица в совершении преступления, инкриминируемого ему органами предварительного расследования.*

После уяснения сущности оправдательного приговора закономерен вопрос: в чем состоит его значение?

На наш взгляд, *социальное значение* оправдательного приговора усматривается, во-первых, в том, что государство публично отказывается от обвинения лица, признав тем самым факт допущенной процессуальной ошибки и восстановив социальную справедливость. Оправдательный приговор официально признает социальную необоснованность и нецелесообразность уголовного преследования лица, не совершавшего преступления. Всем своим содержанием оправдательный приговор служит осуществлению целей и задач правосудия, обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Во-вторых, оправдательный приговор, утверждая невиновность конкретного лица при его непричастности к совершению преступления, в то же время для обеспечения прав потерпевшего инициирует органы предварительного расследования на раскрытие преступления, в результате чего реализуется принцип неотвратимости наказания.

Воспитательное значение оправдательного приговора состоит, во-первых, в том, что он оглашается, открыто и имеет воздействие не только на оправданного, но и других участников уголовного судопроизводства.

Во-вторых, приговор выступает важным средством пропаганды оправдания за несовершенно совершенное преступление, а также справедливости наказания только за совершенное преступление, что служит задачам общей и частной превенции, предупреждая совершение преступлений неустойчивыми гражданами.

Процессуальное значение оправдательного приговора состоит в следующем:

Во-первых, он является основным актом правосудия среди прочих процессуальных актов деятельности правоохранительных органов по уголовному делу.

Во-вторых, он подводит итоги деятельности органов предварительного расследования и суда первой инстанции, дает негативную оценку досудебному производству. Если на предварительном следствии фактам дается оценка *предварительная*, то в приговоре вопросы предмета доказывания оцениваются *окончательно*, причем эта негативная оценка производится от имени государства.

В-третьих, государство обеспечивает всей силой своего аппарата безоговорочное исполнение каждого вступившего в законную силу приговора. Ни одно учреждение, предприятие и организация, должностное лицо или гражданин не могут игнорировать факта постановления оправдательного приговора, отказаться от его исполнения, не подчиниться ему, если он их касается.

В-четвертых, оправдательный приговор – первая ступень судебного разрешения вопросов по уголовному делу, первооснова для дальнейшего развития всех форм судебного надзора в апелляционном, кассационном, надзорном производстве и возобновлении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Постановлением оправдательного приговора, очевидно, не исчерпываются возможности участников процесса, в том числе оправданного и потерпевшего, отстаивать свои права и защищать интересы как до, так и после вступления приговора в законную силу.

Перейдем к исследованию системы требований, предъявляемых к оправдательному приговору.

1.2 Требования, предъявляемые к оправдательному приговору

В предыдущем параграфе мы рассмотрели свойства оправдательного приговора, определяющие его внутреннюю форму (структуру). Логика научного изложения определяет необходимость более детально исследовать и внешнюю форму данного правового явления. На наш взгляд, содержанием внешней формы будут выступать требования, предъявляемые к оправдательному приговору. Это, прежде всего, законность, справедливость, обоснованность, мотивированность, культура (язык и стиль) оправдательного приговора. Все указанные требования тесно взаимосвязаны, обуславливают друг друга и отделить их друг от друга можно лишь умозрительно. Однако каждое названное требование имеет особенности и отражает различные стороны оправдательного приговора, а нарушение любого из названных требований приводит к тому, что система, элементами которой и являются требования к внешней форме оправдательного приговора, неизбежно разрушится, что чревато отменой данного судебного решения.

Требование *законности* к оправдательному приговору вытекает из общего принципа¹ законности, который присущ всему уголовному судопроизводству, его стадиям и отдельным институтам. Как справедливо отмечает С.Г. Мирецкий, «... законность приговора состоит в строгом соответствии требованиям уголовно-процессуального законодательства, а также нормам иных отраслей права, подлежащих применению при разрешении уголовного дела... Поэтому законность приговора означает не только то, что форма его изложения и существо принятых судом решений по делу соответствует закону, но и что судебный процесс проведен с соблюдением требований закона и постановлен приговор законным составом суда»². Это означает, что оправда-

¹ Принцип – основное положение какой-нибудь теории, учения, науки и т.п. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. 9-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – С. 547.

² Мирецкий С.Г. Приговор суда. – М.: Юридическая литература, 1989. – С. 5.

тельный приговор должен быть вынесен с точным соблюдением закона и только на основании закона.

Требование законности не сводится лишь к выполнению судом норм, регламентирующих постановление приговора, как ошибочно считали некоторые юристы в пятидесятых годах¹. В более позднее время требование законности приговора стало толковаться гораздо шире.

Так, П.П. Якимов уточняет, что оно включает обязанность суда проверить соблюдение всех уголовно-процессуальных норм в стадии предварительного расследования органами дознания и следователем, которые подготавливали для суда материалы, положенные после их исследования в основу приговора². Кроме того, законность приговора включает соблюдение предписаний закона в отношении процессуальной формы³, оснований и условий совершения всех процессуальных действий, начиная с возбуждения уголовного дела, включая реализацию прав и интересов участников процесса, компетенцию ведущих судопроизводство органов и заканчивая провозглашением приговора. Следует отметить, что несоблюдение предписаний закона при формировании доказательств органами расследования впоследствии при рассмотрении дела в судебном разбирательстве зачастую приводит к признанию доказательств недопустимыми, что также может привести к распаду обвинения и постановлению оправдательного приговора.

Приговор должен быть ясен всем участникам процесса, и потому следует согласиться с предложением Т.М. Сыщиковой о том, чтобы в ст. 310 УПК РФ после оглашения приговора предусмотреть возможность спросить подсудимого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика о

¹ См.: *Каз Ц.М.* Правовая природа приговора в советском уголовном процессе. – Саратов, 1951. – С. 150; *Агеева Г.Н.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1952. – С. 3; *Строгович М.С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. – М.: Изд-во Акад. наук СССР., 1956. – С. 65.

² См.: *Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.Н.* Судопроизводство по новому УПК РСФСР. – Свердловск., 1962. – С. 322.

³ Процессуальная форма понимается нами как последовательность действий.

том, понятен ли им приговор и разъясняет порядок и сроки обжалования¹. Фактически, подобное имеет место в практической деятельности всех судов, и речь идет лишь о закреплении в законе сложившейся судебной практики.

Законность в качестве требования предусматривает также соблюдение судом при постановлении приговора уголовных законов. Уголовно-правовой принцип гласит, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом, применение уголовного закона по аналогии не допускается (ст. 3 УК РФ). В производстве по уголовному делу этот принцип «...означает не только правильность квалификации деяний подсудимых, т.е. применение норм особенной части уголовного кодекса, но также выполнение требований общей части уголовного права»². Законность – это правильное использование судом и норм других отраслей права (гражданского, уголовно-исполнительного, трудового и др.), к которым вынужден обращаться суд при решении вопросов по уголовному делу. Так, например, по уголовному делу №1-1457/2000 за недоказанностью участия подсудимых в совершении преступления оправданы Трефелова и Федорова, обвинявшиеся в тайном хищении продуктов питания по предварительному сговору группой лиц, с незаконным проникновением в хранилище и причинением значительного ущерба (пп. «а», «в», «г» ст. 158 УК РФ). В ходе рассмотрения кассационного протеста, суд пришел к выводу, что следствием не установлен размер похищенного, его стоимость определена произвольно по показаниям потерпевшей и документально не подтверждена, при этом суд первой инстанции не принял мер к установлению рыночной стоимости похищенного. Кроме того, вышеуказанные лица частично признали себя виновными в краже, и оспаривали лишь объем похищенного. Однако, суд не установив объем и сумму похищенного, преждевременно пришел к выводу о невиновности подсудимых в связи с недоказанностью их

¹ См.: *Сыщикова Т.М.* Уголовно-процессуальная деятельность народного судьи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1987. – С. 16.

² *Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.Н.* Судопроизводство по новому УПК РСФСР. – Свердловск, 1962. – С. 323.

участия в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «в», «г» ст. 158 УК РФ. Данное основание оправдания не соответствовало приведенным в приговоре доказательствам. Судебная коллегия совершенно обоснованно признала вышеуказанный оправдательный приговор незаконным и направила уголовное дело на новое рассмотрение, по результатам которого в отношении Трефеловой и Федоровой постановлен обвинительный приговор¹.

Законность тесно связана с целесообразностью, вернее целесообразность предусмотрена законом и облечена в правовую форму. П.А. Лупинская в связи с этим правильно уточняет, что «о целесообразности решений можно судить только в пределах закона, на основании закона, в соответствии с законом, а не вопреки закону, не в отступлении от закона. Поскольку в самом законе заложена его целесообразность, то точное и неуклонное его применение есть одновременно и целесообразное его применение»². Поэтому никакой целесообразностью нельзя оправдать встречающиеся еще на практике нарушения судом требования законности.

Представляется, несколько иная ситуация возникает тогда, когда закон предусматривает альтернативность в выборе решения. Такое может возникнуть при постановлении обвинительного приговора и назначении наказания за совершение преступления, квалифицированного по уголовному закону, санкцией которого усматриваются различные виды и меры наказания. Здесь наиболее отчетливо возникает необходимость оценки всей системы доказательств с учетом как тяжести содеянного, так и личности осужденного, отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств в их совокупности и каждого в отдельности, всех конкретных обстоятельств дела. Кроме того, «в случаях, когда закон предоставляет возможность выбора решения, с учетом конкретных обстоятельств дела, определенное значение для оценки этих обстоя-

¹ Уголовное дело № 1-1457/2000 // Архив Киселевского городского суда Кемеровской области за 2000 г.; Уголовное дело № 1-655/2000 // Архив Киселевского городского суда Кемеровской области за 2000.

² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. – М.: Юрид. лит, 1976. – С.137.

тельств имеют нравственные, моральные нормы. В ряде случаев они помогают ответить на вопросы, имеющие правовое значение, например, можно ли признать создавшиеся обстоятельства «исключительными», препятствующими немедленному отбыванию наказания»¹.

Законность приговора, на наш взгляд, подразумевает исключительность, преюдициальность, обязательность и его неизменность, т.е. включает в себя свойства оправдательного приговора. В этом, полагаем, состоит диалектическое единство внутренней и внешней форм оправдательного приговора, где свойства приговора и требования, предъявляемые к нему, внутренне обусловлены и взаимосвязаны, отделить их друг от друга можно лишь умозрительно.

Обоснованность оправдательного приговора

Понятие «обоснованность» приговора является одним из дискуссионных в правовой науке. Полагаем, дискуссии, развернувшиеся вокруг данной научной категории, связаны с гносеологической сущностью явления. Прежде всего, достаточно сложно установить генетическую связь «обоснованности» и «достаточности», отражающую философские аспекты диалектического перехода количества в качество. Закономерны вопросы: сколько нужно доказательств, чтобы считать оправдательный приговор обоснованным? Чем отличается обоснованность от мотивированности приговора? Какими признаками характеризуется диалектическая связь обоснованности оправдательного приговора и допустимости доказательств? Попытаемся найти ответы на эти вопросы.

В юридической литературе под обоснованностью приговора обычно понимают соответствие выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела, установленным судебным разбирательством и закрепленным в протоколе судебного заседания². Обоснованность предполагает, с другой

¹ Там же. – С. 141.

² Аналогичные определения с некоторыми несущественными различиями см.: *Дорохов В.Я., Николаев В.С.* Обоснованность приговора. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – С. 24; *Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.Н.* Судопроизводство по новому УПК РСФСР. –

стороны, истинность, несомненность, правильность социальной и правовой оценки выводов.

Обоснованность, как принято считать, усматривается в том, что суд в приговоре не может ссылаться на доказательства дознания и предварительного следствия, на материалы учреждений, предприятий и организаций, должностных лиц и граждан, если они не были исследованы в судебном заседании. Доказательства должны быть обязательно изучены, проверены и отражены в протоколе судебного заседания, то есть в основу приговора кладутся не любые данные, а обстоятельства, исследованные судом и отраженные им в протоколе судебного заседания.

Данное требование вытекает из общих условий судебного разбирательства, в частности, таких как непосредственность и устность, предусмотренных ст. 240 и ч.4 ст.302 УПК РФ. Общие условия, отмечает Н.А. Дудко, «характеризуют социально-психологический механизм установления истины»¹, «непосредственность является методом, а устность – формой исследования доказательств судом и участниками процесса»². Отступление от названных общих условий судебного разбирательства приводит к необоснованности приговора в виде односторонности и неполноты судебного разбирательства дела.

Обоснованность к тому же включает необходимость соответствия выводов суда материалам дела и исключает внутренние противоречия в описательно-мотивировочной части приговора (ст.ст. 305, 307 УПК РФ). Иными словами, требование обоснованности приговора относится ко всем выводам, логично вытекающим из обстоятельств дела и соответствующим им. Приговор не будет обоснованным, если не будет содержать истины. Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам

Свердловск, 1962. – С. 323; *Кобликов А.С.* Судебный приговор. – М.: Юрид. лит, 1966. – С. 8; *Мирецкий С.Г.* Указ. соч. – С. 5 и др.

¹ *Дудко Н.А.* Общие условия судебного разбирательства и система гарантий социалистического правосудия: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1985. – С.11.

² Там же. – С.15.

уголовного дела служит основанием отмены или изменения приговора в кассационном порядке (ст.ст. 379, 380 УПК РФ).

Законность и обоснованность взаимообусловлены и взаимосвязаны. С.В. Бородин пишет: «Понятие законности приговора включает и его обоснованность, поскольку требование его обоснованности сформулировано в уголовно-процессуальном законе. Из этого следует, что необоснованный приговор всегда оказывается незаконным. В тоже время незаконность приговора может означать и его необоснованность, так как нормы уголовно-процессуального закона устанавливают такой порядок судопроизводства, который позволяет обеспечить надлежащее обоснование приговора. Но в некоторых случаях обоснованный приговор может оказаться незаконным»¹.

Как определяется достаточность доказательств? Здесь нет никаких четких количественных критериев, оценка достаточности осуществляется на основе внутреннего убеждения судьи. По мнению Ю.К. Орлова, в отличие от других свойств достаточность характеризует не одно, отдельно взятое доказательство, а их совокупность. Определение достаточности является заключительным и, пожалуй, наиболее сложным этапом оценки доказательств. Все предшествующие этапы осуществляются именно для него, являются лишь его предпосылкой. Каждое доказательство, если оно не забраковано по какому-то признаку, должно быть положено в основу совокупности и сыграть там какую-то роль. Именно для этого предварительно определяется его достоверность, сила и другие свойства².

Достаточность доказательств означает, что на основе данной их совокупности может быть сделан достоверный вывод и принято соответствующее решение по делу³.

¹ *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР* / под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 453.

² См.: *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе: научно-практическое пособие. – М.: «Проспект», 2000. – С. 63.

³ Многие промежуточные решения (например, о возбуждении уголовного дела, о применении меры пресечения) принимаются на основе не достоверного, а вероятного знания.

На наш взгляд, достаточность доказательств составляет внутреннее содержание (внутреннюю форму) обоснованности приговора. Сама этимология слова «обоснованность» связана с оценкой достаточности чего-либо, в данном случае уголовно-процессуальных доказательств для обоснования каких-либо выводов. Но если достаточность доказательств представляет внутреннее содержание обоснованности приговора, закономерен вопрос: что является внешней объективированной формой обоснованности приговора? Полагаем, таким внешним, объективированным фактором выступает *мотивированность приговора*.

О понятии «мотивированность приговора» в литературе высказаны различные точки зрения. Так, одни авторы склонны к отождествлению мотивированности с обоснованностью¹, другие считают ее процессуальным выражением обоснованности², третьи связывают мотивированность с обоснованностью и законностью, указывая и на ее самостоятельность³. Думается, последние авторы находятся на более правильном пути.

Полагаем, для разрешения научной дискуссии необходимо обратиться к самой этимологии слова «мотивировка». Согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова мотив – это побудительная причина, повод к какому-нибудь действию. Кроме того, С.И. Ожегов раскрывает понятие «мотивировка», под которой понимается совокупность мотивов, доводов для обоснования чего-нибудь⁴.

Этот вопрос исследован другими авторами (Лупинская П.А., Костенко Р.В.) и здесь не рассматривается.

¹ Куцова Э.Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. – М., 1957. – С.96 и др.

² Перлов И.Д. Приговор в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1960. – С. 114-115; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. – Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – М.: Наука, 1970. – С. 327 и др.

³ Уголовный процесс РСФСР под ред. В.Е. Чугунова, Л.Д. Кокорева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. – С.299 и др.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1987. – С. 311.

Уже из этого определения четко просматривается внешнее выражение, проявление какой-нибудь потребности. В исследуемой проблематике такой потребностью является постановление приговора, т.е. принятие обоснованного решения по существу дела. Поэтому прав П.М. Давыдов, с позицией которого следует согласиться, в том, что «... мотивированность приговора представляет собой изложенные в нем с соблюдением правовых норм и логических правил системы доказательств, а также других аргументов и суждений, для подтверждения выводов и решений суда. Мотивировка приговора является выражением, объективизацией его обоснованности»¹.

Данная позиция вполне согласуется с концептуальным подходом нашего исследования, рассматривающего мотивировку как внешнюю форму обоснованности приговора.

В отличие от обоснованности, означает фактическое, логическое и правовое обоснование выводов суда по существу дела. В обоснование такого суждения С.Ф. Шумилин отмечает: «Направленность мотивировки характеризуется кругом вопросов, которые решаются данным процессуальным актом, а потому подлежат обоснованию. Критерий правильности мотивировки определяется теми правовыми и фактическими основаниями, с которыми закон связывает правомерность принятия того или иного решения»².

Раскрывая природу мотивировки, Е.А. Матвиенко отмечает: «Заключая в себе анализ и оценку собранных по делу данных, отражая логическую и правовую связь между выводами суда и имеющимися в деле материалами, мотивировка приговора содействует вынесению обоснованного приговора, делает его убедительным, повышает его воспитательное и предупредительное значение... Мотивировке подлежат все выводы, содержащиеся в приговоре. Суд обязан мотивировать как фактическую, так и юридическую стороны обвинительного или оправдательного приговора, приведя те выводы, на

¹ Уголовный процесс: учебное пособие / под ред. П.М. Давыдова, И.Я. Дерюгина. – Екатеринбург, 1992. – С. 218.

² Шумилин С.Ф. Законность и обоснованность судебных решений, принимаемых в стадии предания суду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1981. – С. 8.

основании которых он пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого из подсудимых»¹.

По нашему мнению, суд – всегда субъект доказывания. Представляется именно, исходя из этого, С.А. Шейфер приходит к верному выводу о том, что «суд, в отличие, например, от прокурора, приступая к исследованию доказательства, не имеет заранее сформулированного тезиса, который намеревается обосновать. Вместе с тем он обязан исследовать все имеющиеся в деле, а также вновь представленные сторонами доказательства, подвергнув их испытанию на относимость, допустимость и достоверность, отразив результаты исследования в протоколе. Этим суд формулирует доказательственную базу для будущего вывода, т.е. осуществляет доказывание в широком смысле слова. Вывод суда, изложенный в приговоре, должен быть обоснованным и мотивированным»². Причиной этому часто выступает слабая позиция и неподготовленность государственного обвинителя к обоснованию обвинительного тезиса. И суд вынужден самостоятельно формировать доказательственную базу с целью последующего обоснования постановленного им приговора.

Следует уточнить, что в ст. 297 УПК РФ, предъявляющей требования законности, обоснованности и справедливости, вообще не идет речь о мотивированности. В то же время имеется коллизийная норма ч. 4 ст. 7 УПК РФ, согласно которой определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. В очередной раз, на наш взгляд, законодатель допустил неоправданную подмену понятий, фактически отождествив понятия, не совпадающие ни по объему, ни по содержанию.

Обоснованность и мотивированность, как свойства приговора раскрываются в ст.ст. 305, 307 УПК РФ, требующих приведения в приговоре доказательств, на которых основаны выводы суда, и мотивов, по которым суд от-

¹ Бекешко С.П., Гапанович Н.Н., Кобликов А.С. Уголовный процесс БССР: учебное пособие под ред. С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. шк., 1979. – С. 416.

² Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 65-66.

верг другие доказательства. Приводя доказательства в обоснование своего вывода о виновности или невиновности, суд осуществляет доказывание в узком смысле слова. И при этом также не имеет значения, что акт доказывания, т.е. приговор, обращен к последующему адресату доказывания не непосредственно, а как предмет будущего кассационного производства¹.

Специфика оправдательного приговора в части формальных требований, предъявляемых к нему, на наш взгляд, заключается в том, что его описательно-мотивировочная часть имеет иную структуру (содержание), чем обвинительный приговор. Так, согласно ст. 305 УПК оправдательный приговор должен отражать мотивы, по которым суд отверг доказательства, представленные стороной обвинения и мотивы решения в отношении гражданского иска. Особое внимание уделяется ответам на вопросы, когда имеются противоречивые доказательства или обстоятельства, предусматривающие различные варианты ответов.

Однако не всегда суд выполняет данные требования закона. Так, например, по уголовному делу № 1-380/2000 возбужденному органами дознания по ст. 119 УК РФ по факту угрозы убийством привлечен Гассельбах. В процессе рассмотрения дела суд пришел к выводу о не доказанности участия подсудимого в совершении преступления, в связи, с чем постановил оправдательный приговор. Однако государственный обвинитель в кассационном протесте справедливо поставил вопрос об отмене оправдательного приговора в связи с неполнотой судебного следствия и существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Указал, что суд первой инстанции постановил оправдательный приговор в отношении Гассельбах на неполно исследованных обстоятельствах, а именно, суд не привел доводы, отвержения показаний участкового инспектора, а также не дал анализа показаниям потерпевшей и свидетелей, изменившим их в судебном заседании. При этом в ходе дознания они не предупреждались об уголовной ответственности за дачу за-

¹ См.: Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 1996. – №9. – С. 65-66.

ведомо ложных показаний. Поэтому показания свидетелей и потерпевшей не могут быть положены в основу обвинения, и их нельзя признать достоверными. Однако в судебном заседании указанные лица опрошены поверхностно, не выяснена причина изменения показаний, и не дана им оценка в совокупности. В резолютивной части приговора суд не указал основания постановления оправдательного приговора, предусмотренного законом. В связи, с чем суд кассационной инстанции отменил приговор ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, повлиявших на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора. В ходе нового рассмотрения данного уголовного дела Гассельбах осужден к 8 месяцам лишения свободы¹.

Полагаем значение мотивировки, заключается в анализе и оценке собранных по делу данных, которые отражают логическую и правовую связь между выводами суда и имеющимися в деле материалами. Мотивировка приговора содействует вынесению обоснованного приговора, делает его более убедительным, повышает его воспитательное и предупредительное значение. Мотивировке подлежат все выводы, содержащиеся в приговоре. Суд обязан мотивировать как фактическую, так и юридическую стороны обвинительного или оправдательного приговора, приведя те выводы, на основании которых он пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого из подсудимых².

И, наконец, необходимо остановиться на анализе связи обоснованности и допустимости доказательств. Особый научно-практический интерес, на наш взгляд, представляет проблема «асимметрии» правил допустимости доказательств. Сформулированная еще в 80-х годах прошлого столетия данная

¹ Уголовное дело № 1-380/2000// Архив Березовского городского суда Кемеровской области за 2000 г.; уголовное дело № 1-232/2001// Архив Березовского городского суда Кемеровской области за 2001 г. См. также уголовное дело № 1-71/ 1998 // Архив Гурьевского городского суда Кемеровской области за 1998 г, уголовное дело № 1-195/1998 // Архив Гурьевского городского суда Кемеровской области за 1998 г.

² См.: *Бекешко С.П., Гапанович Н.Н., Кобликов А.С.* Уголовный процесс БССР: учебное пособие, под ред. С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. шк., 1979. – С. 416.

концепция особенно актуальна на современном этапе в условиях состязательного уголовного судопроизводства.

Суть «асимметрии» правил о допустимости доказательств в том, что процессуальные нарушения, допущенные при получении доказательств, должны влечь разные последствия для обвинения и защиты. По мнению сторонников этой концепции, доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого (например, опознающий не опознал обвиняемого), остаются допустимыми, несмотря ни на какие процессуальные нарушения, поскольку в противном случае нарушается право обвиняемого на защиту¹.

К данной концепции было различное отношение. Одни авторы считают, что требования допустимости должны быть одинаковыми для сторон обвинения и защиты². По мнению других, «асимметрия» должна действовать, но с определенными ограничениями (например, кроме случаев, когда в производстве следственного действия участвовал защитник, который не заявил возражений против незаконных действий следователя)³.

Представляется, при решении этого вопроса нужно исходить только из гносеологического критерия. Доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, не могут использоваться только в случаях, когда к этому имеются неустранимые препятствия гносеологического характера. Поэтому при процессуальных нарушениях первого рода (связанных с гарантиями достоверности доказательств) нужно стремиться максимально их нейтрализовать либо заменить непригодное доказательство другими. И только когда это оказалось невозможным, исходить из правила о толковании сомнений: факт, свидетельствующий в пользу обвиняемого, если он достоверно не подтвержден и не опровергнут, считается существующим.

¹ См.: *Стецовский Ю.И., Ларин А.М.* Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. – М.: Наука, 1988. – С. 303.

² См.: *Некрасов С.* Допустимость доказательств: вопросы и решения // *Российская юстиция.* – 1998. – №1. – С.9.

³ См.: *Кипнис Н.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. – М.: Юристъ, 1995. – С. 97-98.

Нарушения второго рода (сопряженные с ущемлением прав личности), если они никак не колеблют достоверность доказательства, на судьбе обвиняемого отражаться не должны. Он не должен страдать из-за некомпетентности или недобросовестности обвинения. Поэтому при отсутствии препятствий гносеологического характера такое доказательство, если оно свидетельствует в пользу обвиняемого, остается в силе. Например, по делу об изнасиловании следователь провел допрос несовершеннолетней потерпевшей с грубыми процессуальными нарушениями и путем угроз добился от нее признания, что все доказательства были сфальсифицированы по настоянию ее матери с целью принудить обвиняемого к браку или хотя бы получить от него крупные «откупные». Такое доказательство подлежит тщательной и всесторонней проверке и, если получит объективное подтверждение, может послужить основой для реабилитации обвиняемого, поскольку не его вина, что следователь не смог или не захотел получить данное доказательство законным путем¹.

Таким образом, концепция «асимметрии допустимости» вполне оправдана и обоснованна. «Убытки» доказывания должны ложиться на ту сторону, по вине которой они наступили.

А.М. Ларин обосновывал правомерность введения в правоприменительную практику асимметрии правил о допустимости доказательств, анализируя данную проблему на примере такого следственного действия, как опознание, проведенное с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, в том случае, когда опознающий заявляет, что предъявленное ему лицо он не знает, что это не тот, кто совершил преступление. Автор полагал, что протокол данного опознания должен быть признан допустимым оправдательным доказательством. При этом он исходил из того, что «недопустимым доказательство становится не в силу формального, а существенного нарушения закона. Согласно, ст. 381 УПК РФ «основаниями

¹ См.: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. – М.: «Проспект», 2000. – С. 50-51.

отмены или изменения судебного решения судом кассационной инстанции являются такие нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора». Предварительный допрос опознающего, предъявление опознаваемого вместе с другими схожими лицами, выбор места среди них, запрет наводящих вопросов – все это гарантии против ложного опознания, т.е. гарантии права обвиняемого на защиту. Устранение данных гарантий практически может лишить обвиняемого данного права. Но если опознающий не смог опознать обвиняемого, эти гарантии не понадобились и попытка лишить обвиняемого права на защиту не достигла цели, а потому не устранила допустимости акта опознания как защитительного доказательства¹.

Мы разделяем позицию Н.М. Кипниса и полагаем, что с А.М. Лариным можно было бы согласиться, если поставить решение вопроса о применении в каждом конкретном случае асимметрии правил о допустимости доказательств в зависимость от того обстоятельства, участвовал ли защитник в деле на стадии предварительного расследования. Очевидно, что если защитник не участвовал в деле на следствии, он не мог воспрепятствовать нарушению уголовно-процессуального закона соответствующим лицом, проводившим конкретное следственное действие. Правомерно ли лишать защиту права использовать сведения, полученные таким путем, в качестве оправдательного доказательства? Ведь гораздо большее психологическое воздействие окажет на формирование внутреннего убеждения судей и присяжных заседателей, например, тот факт, что лицо не было опознано, нежели тот, что опознания по делу не проводилось вообще, признание протокола опознания недопусти-

¹ См.: *Стецовский Ю.И., Ларин А.М.* Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. – М.: Наука, 1988. – С. 303.

мым позволяет защите лишь утверждать, что не проведение опознания лишило обвинение возможности подкрепить свои доводы.

Если лишить защиту возможности требовать признания доказательства, полученного с нарушением закона, допустимым на том основании, что допущенное нарушение не ограничило право обвиняемого на защиту, то в таком случае защита, очевидно, будет поставлена в неравное положение с обвинением¹.

Таким образом, «асимметрия» правил о допустимости доказательств, на наш взгляд, подобна неисправным качелям, амплитуда «раскачивания» которых в условиях состязательности процесса, как правило, изменяет судьбно-следственные ситуации в интересах стороны защиты. Обоснованным решение судьи в условиях существующих правил допустимости доказательств будет только тогда, когда он даст этим доказательствам сбалансированную оценку без учета корпоративных интересов участников уголовного судопроизводства. Это как раз то, что раньше в УПК РСФСР именовалось полным, всесторонним и объективным исследованием обстоятельств дела, а в современном уголовном процессе называется законным, обоснованным и справедливым решением по существу дела.

Справедливость оправдательного приговора

Справедливость является скорее морально-этической категорией, чем процессуальной. Это и определяет ее оценочный характер, порождающий многочисленные толкования понятия и, особенно, его связи с категориями «совесть» и «внутреннее убеждение». Несмотря на определенную схожесть этих понятий, на наш взгляд, «справедливость» как научная категория имеет право на самостоятельное существование.

Наиболее наглядно справедливость самостоятельна при постановлении обвинительного приговора при наказании осужденного, когда санкция уголовного закона предоставляет суду альтернативу выбора вида и меры наказа-

¹ См.: Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. – М.: Юристъ, 1995. – С. 97.

ния в пределах, установленных законом. Здесь следует согласиться с С.Г. Мирецким в его наставлении: «И хотя любое наказание в этих пределах формально будет соответствовать закону, суд обязан назначить не любое, а именно справедливое для данного случая наказания»¹. В процессуальной литературе подобное понимание предлагается считать справедливостью в узком смысле слова². Справедливость возможно, рассматривать и в широком смысле, основываясь на законности и обоснованности приговора, и тогда, как полагает Т.Г. Морщакова, она «означает правильное по существу и по форме разрешение дела, отвечающее не только правовым, но и социально-нравственным принципам отношения к человеку и совершенному им деянию»³. Следует отметить, что применительно к постановлению оправдательного приговора, по нашему мнению, можно вести речь о справедливости лишь в широком понимании, так как узкое понимание относится к назначению наказания по отношению к обвинительному приговору.

В.Д. Адаменко считает, что справедливость относительно приговора нельзя рассматривать отдельно в узком и широком понимании. Требование едино, и нет смысла его искусственно разъединять либо отдавать предпочтение одной части требования. Требование едино, его компоненты дополняют друг друга и реализуются совместно. К примеру, если признать, что справедливость предусматривает «определение размера возмещения причиненного преступлением вреда с учетом имущественного положения виновного и степени вины потерпевшего»⁴, то подобный вывод невозможно сделать без обоснования морально-правовой значимости причиненного ущерба. Приговор полностью справедлив тогда, когда отвечает требованиям законности и обоснованности, невиновный оправдан объективно, а виновному назначено наказание в соответствии с тяжестью совершенного деяния, личностью под-

¹ Мирецкий С.Г. Приговор суда. – М.: Юридическая литература., 1989. – С. 8.

² См.: Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. П.А. Лупинской. – М.: Юристъ, 1995. – С. 377.

³ Там же. – С. 377.

⁴ Мирецкий С.Г. Указ. соч. – С. 8.

судимого и с учетом социально-нравственных принципов общества. Вряд ли допустима справедливость приговора в случаях его незаконности и необоснованности выводов в нем.

Кроме того, справедливость необходимо увязывать еще с целесообразностью принятого решения. В связи с этим интересны суждения П.А. Лупинской: «Нецелесообразность может быть результатом несоответствия между установленными по делу обстоятельствами и избранным решением, которое при данных обстоятельствах не может быть оценено как наиболее практически полезное с точки зрения целей всей деятельности или конкретного акта»¹, откуда вытекает логически правильный вывод: «Справедливость решения, как нравственная оценка его обоснованности и является его законностью, потому что справедливость, как и целесообразность решения не может быть противопоставлена законности решения»². Мы разделяем данную позицию, которая полностью согласуется с концепцией настоящего исследования.

На наш взгляд, отдельно следует остановиться на *гуманизме*, как одном из составных элементов справедливости.

Законодатель четко закрепил в ст.7 УК РФ задачи уголовного права. В соответствии с данной статьей «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Во-первых, в уголовном процессе гуманизм связывается, в первую очередь, с законностью собирания, проверки и оценки доказательств (ст.ст. 85, 86, 87, 88 УПК РФ), которые затем кладутся в основу приговора. Незаконность получения, проверки, оценки информации означает отсутствие у

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. – М.: Юрид. лит, 1976. – С. 140.

² Там же. – С. 141.

нее свойства допустимости и невозможность использования таковой в качестве доказательства на всех стадиях судопроизводства и, конечно, в приговоре суда. Приговор, основанный на доказательствах, признанными судом недопустимыми, не может считаться законным, имеет нарушения уголовно-процессуального закона, а также несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела являются основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной и кассационной инстанции (ст.ст. 369, 279, 380, 381 УПК).

Во-вторых, гуманизм в отношении преступника предлагает «достижение целей наказания мерами минимальной репрессивности. Физическое принуждение и унижение человеческого достоинства несовместимо с целями уголовного наказания»¹ и методами ведения уголовного судопроизводства.

В-третьих, в уголовном процессе к лицам, в том числе и преступившим закон, не должны применяться пытки и иные средства физических страданий, вымогающие у них так называемые «правдивые показания».

В-четвертых, назначенное наказание, в отдельных случаях достаточно суровое, должно оказывать сдерживающее влияние на преступных членов общества, предупреждать совершение преступлений, обеспечивая, таким образом, защиту общества и прав отдельного человека.

Убедительность в качестве самостоятельного требования к приговору следует выделить ввиду того, «что приговор не только должен быть законен, обоснован и справедлив, но он должен быть вынесен в результате так проведенного судебного разбирательства и таким образом изложен, мотивирован, чтобы для общественности было ясно: суд правильно разрешил дело, осужденный заслужил назначенное ему наказание, оправданный действительно невиновен»². Требование убедительности, в отличие от ранее названных, ад-

¹ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации под ред. Н.Ф. Кузнецовой.* – М.: Зерцало, 1998. – С.16.

² *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. – Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – М.: Наука, 1970. – С. 326.

рисуется не суду, а непосредственно общественности и несет заряд воспитательного воздействия. Е.А. Матвиенко резонно замечает, что «каждый приговор должен быть настолько убедительным, настолько раскрывать обоснованность вынесенного в нем решения, чтобы его убеждающая сила была непререкаема, чтобы мнение суда, выраженное в приговоре, разделили все присутствующие в зале судебного заседания»¹.

Следует признать, что убеждающая сила приговора достигается его мотивированностью и непосредственно с ней увязывается. В то же время не только одна мотивированность оказывает влияние на убедительность, в связи, с чем вызывает сомнение тезис: «Мотивированностью достигается такое качество приговора, как убедительность, столь необходимое условие воспитательного значения уголовного процесса»².

Действительно, мотивировка имеет огромное воздействие на убедительность приговора. Но вряд ли возможно признать убедительным приговор, в котором не реализованы другие предъявляемые к нему требования. Явно не будет убедительным приговор, где заложены обстоятельства, основания к отмене или изменению его. Иначе говоря, убедительность приговора зависит как от мотивированности, так и от законности, справедливости, обоснованности, гуманности.

Следует подчеркнуть, убедительность приговора зависит и от эффективной реализации принципа гласности (ст. 241 УПК). Трудно говорить об убедительности приговора, когда участием общественности в судебном заседании создаются препоны, судебная статистика «подтасовывается». Здесь следует уточнить, что все же во многом искажение судебной статистики зависит от средств массовой информации, которые иногда искусно умудряются из рядовых судебных процессов произвести сенсацию.

¹ Бекешко С.П., Гапанович Н.Н., Кобликов А.С. Уголовный процесс БССР: учебное пособие под ред. С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. шк., 1979. – С. 419.

² Уголовный процесс: учебное пособие / под ред. П.М. Давыдова, И.Я. Дерюгина. – Екатеринбург, 1992. – С. 217-218.

Культура (язык и стиль) оправдательного приговора. Ранее в ст.312 УПК РСФСР были сформулированы предписания об обязательности составления приговора в понятных и ясных выражениях. Однако в действующем УПК (ст. 303) данные предписания отсутствуют. Полагаем, это не означает отсутствие данного требования к приговору.

Вряд ли возможно выполнить какое-либо из рассматриваемых требований к оправдательному приговору, если язык и стиль изложения не способствуют четкости и ясности понимания данного процессуального документа. Напомним, что речь идет об экстраординарном процессуальном решении, в котором содержится негативная оценка судом всей деятельности участников стороны обвинения. Поэтому язык и стиль оправдательного приговора должны с очевидностью раскрывать мотивы и причины такого судебного решения.

В п.22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 года № 1 «О судебном приговоре» подчеркивается: «... в приговоре недопустимо употребление неточных формулировок, использование непонятных сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах, а также загромождение приговора описанием обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. Приводимые в приговоре технические и иные специальные термины, а также выражения местного диалекта должны быть разъяснены»¹.

Ясность приговора достигается посредством специальной, правовой речи. Юридическому языку здесь присущи следующие свойства: во-первых, точное и умелое употребление специальных правовых и иных терминов в точном соответствии с их смыслом; во-вторых, в целях словесного разнообразия замена этих терминов без искажения смысла сообщаемой информации близкими по значению понятиями-синонимами; в-третьих, использование

¹ *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 года №1 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 403.

нейтральных стилистических оборотов и слов, в том числе из специальной юридической терминологии¹. К тому же, здесь применимо «специальное использование языковых средств: их единообразное употребление, наличие (обилие) специальных терминов (в данном случае юридических), стандартные обороты (клише или штампы) и др.»².

Правила русского языка предусматривают употребление слов в точном соответствии с их смыслом, иное влечет неясность мотивировки приговора. Мирецкий С.М. отмечает: «Суть специальных требований к выбору и употреблению слов... сводится к следующему: юридические термины и синонимы должны использоваться в строгом соответствии со своими смысловыми и стилистическими характеристиками; употребление элементов, не обеспечивающих стилистическую однородность текста... недопустимо»³.

Следует согласиться с Н.А. Якубович, которая, исследуя обвинительное заключение, называет такие черты итогового решения, как: 1) преобладание стилистически нейтральных и книжных слов; 2) широкое употребление профессиональной терминологии и стандартных речевых оборотов; 3) использование глаголов и оборотов со страдательным значением; 4) строгий порядок в предложении и количественное преобладание сложных предложений над простыми, широкое употребление причастных и деепричастных оборотов⁴. Названные Н.А. Якубович черты свойственны приговору, в том числе оправдательному, не в меньшей степени, чем обвинительному заключению.

К языковым и стилевым особенностям текста, делающим приговор более кратким и ясным, следует причислить ... изложение акта в третьем лице и нежелательность привнесения в него прямой речи⁵. Это признаки официально-делового стиля, который используется для написания любого докумен-

¹ См.: Зубарев В.С., Крысин Л.П., Статкус В.Ф. Язык и стиль обвинительного заключения. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 25-31.

² Мирецкий С.Г. Приговор суда. – М.: Юридическая литература, 1989. – С.99.

³ Там же. – С. 99-100.

⁴ См.: Якубович Н.А., Громов С.М. Обвинительное заключение: методическое пособие. – М., 1987. – С. 27.

⁵ См.: Мирецкий С.Г. Указ. соч. – С. 103-104.

та, в том числе и приговора. Использование отглагольных существительных (подозрение, обвинение, задержание, осуществление и т.п.), к тому же, устраняет стилистическое однообразие в виде повторений одних и тех же глаголов, способствует непосредственному восприятию текста.

Краткость изложения приговора следует зачислять в число обязательных свойств. Она «достигается, с одной стороны, отражением в тексте лишь необходимой для разрешения дела информации, а с другой – экономичным использованием языковых средств»¹.

Кроме всего прочего, до настоящего времени в приговорах встречаются исправления, не оговоренные судьями. Они «могут состоять в зачеркивании текста, дополнениях (вставках), замене слова или части текста другим текстом. Оговорить это достаточно повторением сделанного исправления после указания на порядок обжалования...»². Подобное суждение, на наш взгляд, ставит под сомнение сам факт исправления до оглашения приговора и непосредственно в совещательной комнате.

Верховный Суд Российской Федерации в связи с этим рекомендует: «Обратить внимание судей на необходимость неукоснительного соблюдения требования закона о том, что исправления в приговоре должны быть оговорены и оговорки подписаны всеми судьями в совещательной комнате до провозглашения приговора. Не оговоренные и не подписанные судьями исправления, касающиеся существенных обстоятельств (например, квалификации преступления, вида и размера наказания, размера удовлетворенного гражданского иска, вида исправительно-трудовой или воспитательно-трудовой колонии) являются основанием для отмены вышестоящей судебной инстанцией приговора полностью либо в соответствующей части»³.

¹ См.: *Мирецкий С.Г.* Указ. соч. – С. 101.

² Там же. – С.9.

³ *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 года №1 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 403.

Если исправления значительные по объему или количеству, то страницу желательно переписать во избежание неряшливости текста, характеризующей недостаток профессиональной культуры¹.

Перечисленные нами требования носят универсальный характер и относятся, в равной мере, и к оправдательному, и к обвинительному приговору. Законодатель дает достаточно жесткий перечень данных требований, однако, полагаем, он может быть расширен, так как судебная практика непрерывно находится в поиске оптимальных форм судебных решений, вырабатывает новые требования к приговорам в изменяющихся правовых условиях, которые фиксируются в актах легального толкования, в частности, в решениях Пленумов Верховного Суда РФ, и являются для судей руководством к действию наравне с уголовно-процессуальным законом.

И, в заключении сформулируем выводы по данному параграфу:

1. Если свойства оправдательного приговора определяют его внутреннюю форму (структуру), то внешнюю форму образуют требования, предъявляемые к нему законом как уголовно-процессуальному решению.

2. Требованиями к оправдательному приговору являются его законность, обоснованность, справедливость, мотивированность, а также культура (язык и стиль) процессуального акта.

3. Законность оправдательного приговора подразумевает исключительность, преюдициальность, обязательность и его неизменность, т.е. включает в себя свойства данного процессуального решения. В этом как раз и состоит диалектическое единство внутренней и внешней формы оправдательного приговора, где свойства приговора и требования, предъявляемые к нему, внутренне обусловлены и взаимозависимы.

¹ См.: *Мирецкий С.Г.* Указ. соч. – С. 10.

1.3 Основания постановления оправдательного приговора

Принятый в 2001 г. УПК РФ впервые в истории отечественного уголовно-процессуального права предпринял попытку, на наш взгляд, в целом удачную, регламентировать основания постановления оправдательного приговора. В соответствии со ст.302 УПК оправдательный приговор возможен в случаях, когда:

- 1) не установлено событие преступления;
- 2) подсудимый не причастен к совершению преступления;
- 3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления;
- 4) в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

Полагаем, анализ данных оснований позволяет сделать вывод, что в 1, 2 и 3 описанных уголовно-процессуальных ситуациях речь идет либо о следственной ошибке, либо о некачественно проведенном предварительном расследовании.

В научной литературе достаточно подробно исследован вопрос о природе следственной ошибки, допускаемой в досудебном производстве.

Однако, на наш взгляд, на монографическом уровне, за исключением единичных, практически нет работ, посвященных проблеме перерастания следственных ошибок в судебные, влекущие постановление оправдательного приговора¹. Представляется, что эта проблема в судебной практике является достаточно актуальной. При этом, прежде всего, возникают разночтения в толковании термина «следственная ошибка». Для обозначения «ошибок предварительного расследования» употребляют множество определений: «следственные ошибки», «процессуальные ошибки предварительного следствия», «упущения предварительного следствия», «пробелы предварительного следствия», «недостатки предварительного расследования», «нарушения

¹ См.: Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. – Санкт-Петербург, 2003. – 321 с.

законности», «нарушения норм права» (процессуального, материального), в том числе – «существенные нарушения...», «уголовно-процессуальные правонарушения», «отступления от норм закона» и т.д. Очевидно, все эти понятия не совпадают ни по объему, ни по содержанию.

Коллективом ученых-процессуалистов НИИ Генеральной прокуратуры РФ¹ дано следующее, на наш взгляд удачное, определение понятия «следственные ошибки» – это незаконные и необоснованные действия следователя по привлечению к уголовной ответственности и заключению под стражу граждан, приостановлению, прекращению, передаче прокурору с обвинительным заключением для направления в суд уголовных дел, которые по ошибочному представлению следователя являлись правомерными и якобы были направлены на обеспечение задач уголовного судопроизводства².

В.И. Власов считает, что следственные ошибки – «это любые непреднамеренные нарушения закона, недостатки и упущения, допущенные при возбуждении уголовных дел, всякая неправильность в процессуальной деятельности, в том числе и мыслительном процессе компетентного лица, носителя соответствующих прав и обязанностей»³.

Данный подход представляется нам достаточно спорным. Приведенное выше определение не включает в себя, к примеру, преднамеренных, но не преступных нарушений следователем законов, что также в конечном итоге приводит к следственным ошибкам. В то же время нельзя понимать под ошибкой «неправильности ... в мыслительном процессе компетентного лица», так как невозможно выявить ошибочность мыслительного процесса до тех пор, пока он не найдет отражения в конкретном действии должностного лица и соответствующем процессуальном решении.

¹ В состав авторского коллектива входили ученые: В.Н. Исаенко, Л.П. Исмакаев, В.А. Лазарева, А.А. Леви, В.Н. Махов, Е.С. Радутная, А.Б. Соловьев (рук. колл.), М.Е. Токарева (зам. рук.), С.А. Шейфер.

² См.: *Соловьев А.Б.* Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. – М., 1991. – С. 7-8.

³ *Власов В.И.* Расследование преступлений. Проблемы качества. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1988. – С. 63.

А.Д. Бойков под следственной ошибкой понимает «любое незаконное или необоснованное решение, вызванное неправильным действием или бездействием»¹. В число ошибок он включает грубые процессуальные нарушения, совершаемые вполне осознанно, и неправильное применение уголовного закона, незаконность и необоснованность которых констатирована соответствующим должностным лицом или органом. Указание в определении таких признаков ошибки, как «незаконность» и «необоснованность» решения, каждого самостоятельно, имеет значение, поскольку позволяет различать ошибки по характеру их образования и точно установить способ их исправления.

По мнению А.Д. Назарова, следственная ошибка – это не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие следователя, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, выразившееся в неполноте и односторонности исследования им обстоятельств дела, несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона и направленное, по субъективному мнению следователя, на выполнение целей и задач уголовного судопроизводства, но объективно препятствующее их достижению².

В целом мы поддерживаем данную точку зрения, полагая, что она наиболее полно отражает существенные признаки термина «следственная ошибка». Однако, на наш взгляд, все же не имеет смысла выделять в данной категории такой признак, как несоблюдение конституционных прав и свобод граждан, так как он соотносится с существенными нарушениями закона, как часть и целое.

¹ Бойков А.Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. – М., 1988. – С. 14-15.

² См.: Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2000. – С.14.

Наряду с понятием «следственные ошибки» достаточно часто используется термин «процессуальные ошибки».

Так, А.М. Баранов под процессуальной ошибкой на предварительном следствии понимает «непреднамеренное нарушение процессуального закона, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении его требований следователем либо иным процессуальным органом и признанное таковым компетентным субъектом в соответствующем правовом акте»¹. Согласно этому воззрению А.М. Баранов не признает в качестве ошибок преднамеренные нарушения закона. Мы же являемся сторонниками того, что к ошибкам можно относить преднамеренные, осознанные действия или бездействия следователя, если они не являются преступными и, по мнению следователя, направлены на достижение задач уголовного судопроизводства.

Кроме того, в юридической литературе существует точка зрения, согласно которой процессуальная и следственная ошибка отождествляется.

Одним из сторонников такого взгляда является Ю.В. Деришев, который, по нашему мнению, допускает смешение понятий «процессуальная ошибка» и «следственная ошибка». По мнению Ю.В. Деришева, под ошибкой следует понимать «любые упущения предварительного следствия: неточность, пробелы и погрешности, неверные или ложные шаги; заблуждения, вызванные разночтениями в толковании закона у различных правоприменителей, их недостаточным образовательным и профессиональным уровнем, низкой эффективностью прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным следствием»².

Очевидно, при всей стройности и логичности классификации следственных ошибок Ю.В. Деришева, в то же время, автор допускает формально логическую ошибку, тем более недопустимую, когда речь идет о классификаторе научной системы. Опираясь термином «процессуальная ошибка», ав-

¹ Баранов А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения. Лекция. – Омск, 1996. – С.11.

² Деришев Ю.В. Основные процессуальные ошибки, влекущие необоснованное привлечение к уголовной ответственности // Законодательство и практика. – 1998.– №1. – С. 19.

тор говорит и о гносеологической, и об операционной, и о собственно процессуальной ошибке, которые традиционно, в криминалистике объединяются термином «следственная ошибка». Полагаем, из этого можно заключить, что понятие следственной ошибки в криминалистическом аспекте более широкое, нежели понятие процессуальной ошибки, связанной лишь с нарушениями процессуального закона, что необходимо учитывать в научной классификации.

Ученые, исследовавшие проблемы следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса, предлагали различные варианты их классификации¹.

При этом, анализ уголовных дел, по которым в 1999-2003 гг. вынесены оправдательные приговоры, позволяет дать классификацию следственных ошибок, которые непосредственно ведут к его постановлению.

1. Ошибки, связанные с неправильной оценкой доказательств на предмет их достаточности для предъявления обвинения.

Это наиболее часто встречающиеся просчеты предварительного следствия, допускаемые в связи с невысоким профессиональным уровнем и отсутствием следственного опыта сотрудников, принимавших данные решения, а также неудовлетворительным процессуальным контролем со стороны руководства следственных подразделений.

Так, по уголовному делу № 1-87/2001 возбужденному СУ при Центральном РУВД г. Красноярск по ч.1 ст.228 УК РФ по факту приобретения и хранения наркотического средства гашиша весом 0,17 гр. привлечен к уголовной ответственности гр. Деев. Будучи допрошенным, в качестве обвиняе-

¹ См.: *Баранов А.М.* Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения. Лекция. – Омск, 1996. – С.11; *Дершиев Ю.В.* Основные процессуальные ошибки, влекущие необоснованное привлечение к уголовной ответственности // Законодательство и практика. – 1998.– №1. – С.19–21; *Назаров А.Д.* Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие.– Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2000. – С. 15-18; *Власов В.И.* Расследование преступлений. Проблемы качества В.И. Власов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1988. – С. 64 -96 и др.

мого, свою вину он не признал и пояснил, что наркотическое средство у него было изъято сотрудниками милиции из кармана куртки, которую он приобрел с рук у незнакомого мужчины на Центральном рынке незадолго до его задержания. При этом он не знал о том, что в кармане куртки находится наркотическое средство. Вследствие недостаточности собранных для подтверждения вины доказательств судом Центрального района г. Красноярска в отношении Деева вынесен оправдательный приговор за недоказанностью его вины.

В основу обвинения гр. Горячева (по уголовному делу № 1-64/2000) в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.228 УК РФ, СО Шушенского РОВД положены только показания обвиняемого Ваулова о приобретении по предварительному сговору с Горячевым наркотического средства. Сам обвиняемый Горячев в предъявленном обвинении не признал и пояснил, что наркотическое средство ему не принадлежит, неизвестно каким образом оно оказалось в его автомобиле. В 1998 г. уголовное дело дважды направлялось в суд с обвинительным заключением, хотя доказательств, подтверждающих вину Горячева, в ходе расследования добыто не было. В результате судебного рассмотрения Шушенским районным судом Красноярского края гр. Горячев оправдан за недоказанностью его вины¹.

2. Ошибки, связанные с нарушением порядка формирования доказательств либо с неправильной оценкой их допустимости.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.95 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» обратил внимание судов на «необходимость выполнения конституционного положения о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч.2 ст. 50 Конституции РФ), а также выполнения требований ч.1 ст. 75 УПК РФ, в силу которой доказательства, по-

¹ Уголовное дело № 1-64/2000 // Архив Федерального суда Шушенского района Красноярского края за 2000 г.

лученные с нарушением закона не могут быть положены в основу обвинения». Пленум также разъяснил, что «доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если 1) при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или 2) установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также, если 3) собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо 4) в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами»¹.

Тем не менее, по уголовному делу № 1-287/2003 (9064239 выделенному из материалов уголовного дела № 9063116) в отношении несовершеннолетнего Баруткина по признакам состава преступления, предусмотренного п.п. а, б ч.2 ст.166, ч.3 ст.158 УК РФ органами предварительного расследования в основу обвинения были положены доказательства, полученные с грубым нарушением уголовно-процессуального законодательства. Так, в нарушение требований ч.6 ст.154 УПК РФ при выделении в отдельное производство дела в отношении Баруткина следователь расценил это процессуальное действие, как выделение дела в отношении нового лица, что являлось неверным. Срок следствия по выделенному делу № 9064239 должен был исчисляться с момента возбуждения того дела, из которого оно было выделено (т.е. с 29.05.02 г.), а т.к. срок предварительного следствия по основному делу (№ 9063116) закончился 21.11.02 г., то следственные действия в отношении Баруткина проводились за пределами процессуальных сроков. Кроме того, постановление о выделении и возбуждении уголовного дела в отношении Баруткина не согласовано с надзирающим прокурором, т.е. фактически уголовное дело в отношении него не возбуждалось. По этой причине 23.05.03 г. в отношении подсудимого Баруткина был вынесен оправдательный приговор,

¹ *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 года №8 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 10.

т.к. его привлечение к уголовной ответственности произведено за пределами срока следствия и является необоснованным. Судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда оставила оправдательный приговор в силе, отметив, что из-за проведения следствия за пределами процессуального срока в деле отсутствуют юридически значимые решения, в том числе и о привлечении Баруткина в качестве обвиняемого¹.

3. Ошибки, связанные с неудовлетворительным закреплением и сохранностью собранных доказательств, проверкой их достоверности.

В ряде случаев такие ошибки возникают вследствие поверхностной оценки показаний потерпевших и свидетелей, которые впоследствии либо изменили показания, либо уточнили их с позиции защиты обвиняемого. Данная проблема в литературе оценивается как одно из проявлений общего кризиса уголовной юстиции. Лжесвидетельство рассматривается как реальная угроза правосудию, а правовая и организационная борьба с ним – как один из путей рационализации досудебного производства².

Анализ изученных уголовных дел свидетельствует, что эффективной сохранности свидетельских показаний, ограждения потерпевших и свидетелей от воздействия заинтересованных участников судопроизводства в ходе расследования не обеспечивается.

Так, по уголовному делу № 1-182/2002 СО при ОВД г. Шарыпово Красноярского края, в нарушение норм УПК РФ, основываясь только на показаниях свидетеля Кармес и признательных показаниях Коротенко, последнему было предъявлено обвинение по ч.1 ст. 228 УК РФ, хотя других доказательств его вины в ходе предварительного расследования добыто не было. В судебном заседании Кармес (являющаяся сожительницей подсудимого), а также подсудимый Коротенко отказались от своих показаний, ранее данных

¹ Уголовное дело № 1-287/2003 // Архив Федерального суда г. Ачинска Красноярского края за 2003 г.

² См.: *Никандров В., Пономарев Г.* Лжесвидетельство – угроза правосудию // Советская юстиция. – 1991. – №18. – С. 8-9; *Сереброва С.П.* Проблемы рационализации досудебного производства. – Н.- Новгород, 1997. – С. 93-94.

на предварительном следствии, а так как иных доказательств его вины в ходе следствия получено не было, Шарыповский городской суд вынес в отношении него оправдательный приговор¹.

4. Ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона, в том числе фактической квалификацией содеянного².

По уголовному делу № 1-2/2003 за отсутствием состава преступления оправдан Шестаков, обвинявшийся СО при Тасеевском РОВД Красноярского края в незаконной порубке леса (ч.3 ст.260 УК РФ). Тасеевский Федеральный районный суд вынес в отношении Шестакова оправдательный приговор, указав, что сумма ущерба органами предварительного следствия указана с учетом кратной стоимости, тогда как размер ущерба исчисляется по утвержденным Правительством РФ таксам, в зависимости от минимального размера оплаты труда, что указано в примечании к ст.260 УК РФ, без применения кратности, которая используется исключительно для целей возмещения вреда в результате незаконных действий. Ущерб, исчисляемый без учета кратной стоимости, причиненный в результате незаконных действий Шестакова, составил 4918,70 рублей. Вследствие этого в его действиях отсутствует такой признак состава преступления, как особо крупный, крупный или значительный ущерб³.

Резюмируя изложенное, можно сделать предположительный вывод о том, что установленное нами увеличение удельного веса оправданных лиц судами общей юрисдикции в среднем с 0,4 % до 0,9 %⁴, так или иначе, является в современной судебной-следственной практике результатом увеличения числа следственных ошибок. В тоже время следственные ошибки, на наш

¹ Уголовное дело № 1-182/2002 // Архив Федерального суда г. Шарыпово Красноярского края за 2002 г.

² См.: *Дершиев Ю.В.* Основные процессуальные ошибки, влекущие необоснованное привлечение к уголовной ответственности // Законодательство и практика. – 1998.– №1. – С. 21.

³ Уголовное дело № 1-2/2003 // Архив Федерального суда Тасеевского района Красноярского края за 2003 г.

⁴ См.: Приложение 1.

взгляд, неизбежно трансформируются в судебные ошибки, поэтому существующие научные классификации следственных ошибок можно успешно экстраполировать и на классификации судебных ошибок, влекущих постановление оправдательного приговора. При этом, необходимо учитывать, что, как отмечал Ф. Энгельс в своей работе «Диалектике природы», отграничивать такие явления, как «следственные ошибки» от «судебных ошибок» можно лишь умозрительно, абстрагируясь от реалий современной судебно-следственной практики.

Исследования, проведенные нами в Восточно-Сибирском регионе дают следующее представление о типичных следственных ошибках, характерных для постановления оправдательных приговоров:

- 1) ошибки, связанные с неправильной оценкой доказательств на предмет их достаточности для предъявления обвинения – 38,1%;
- 2) ошибки, связанные с неудовлетворительным закреплением и сохранностью собранных доказательств, проверкой их достоверности – 21,6%;
- 3) ошибки, связанные с нарушением порядка формирования доказательств либо с неправильной оценкой их допустимости – 24,7%;
- 4) ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона, в том числе фактической квалификацией содеянного – 15,6%.

Причины следственных ошибок.

Многоуровневый подход к анализу причин следственных ошибок позволяет рассмотреть их первый уровень – *непосредственные причины* следственных ошибок, которые характеризуют недостатки в изученных уголовных делах.

1. Непроведение (или ненадлежащее проведение) следственных или иных процессуальных действий.
2. Существенные недостатки в планировании, организации расследования уголовных дел, в выдвижении и проверке версий.
3. Неправильная оценка собранных по делу доказательств.

Причины *второго уровня* определяются, прежде всего, условиями деятельности следователей и носят объективный либо субъективный характер.

Субъективные, относящиеся к личности следователя причины напрямую связаны со следственной ошибкой. Объективные же причины связаны со следственной ошибкой опосредованно через следователя, который в ряде случаев может нейтрализовать отрицательное влияние этих факторов и не допустить, чтобы они превратились в причину следственных ошибок.

Изучение уголовных дел, содержащих следственные ошибки, показало, что в качестве наиболее распространенных *причин следственных ошибок объективного характера* встречаются следующие:

- 1) нахождение в производстве у следователя одновременно значительного количества уголовных дел;
- 2) неблагоприятная нравственно-психологическая атмосфера в коллективе прокуратуры или в отделе (управлении) внутренних дел, отсутствие деловой взаимопомощи;
- 3) сложности, возникающие с вызовом свидетелей, назначением и проведением экспертиз, ревизий, их оплатой, кроме того неудовлетворительные условия для работы (сложности с транспортом, кабинетами и др.), слабая научная организация труда следователя;
- 4) неисполнительность в работе сотрудников милиции, низкое качество исполнения ими отдельных поручений следователей, отсутствие необходимого взаимодействия в работе со следователями;
- 5) недостаточный ведомственный контроль со стороны начальника следственного подразделения за организацией и ходом расследования уголовных дел;
- 6) упущения в прокурорском надзоре за исполнением законов при расследовании преступлений.

К субъективным причинам следственных ошибок мы относим следующие:

1) отсутствие у следователей необходимых профессиональных познаний и навыков в работе;

2) пренебрежительное отношение следователей к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона (стремление к процессуальному упрощенчеству);

3) обвинительный уклон, некритичность и самонадеянность следователей при принятии процессуальных решений, при оценке полученных доказательств;

4) недобросовестное отношение следователей к выполнению служебного долга в расчете на достижение результатов без выполнения необходимого объема работы по расследуемому уголовному делу.

Причинами третьего уровня – обобщенными факторами, своего рода «причинами причин», которые характеризуют условия деятельности следственных аппаратов в целом, являются:

1) дефекты правового и нравственного сознания следователя, определяющие неправильное отношение к работе;

2) недостатки в подготовке следственных кадров и в организации повышения их профессиональной квалификации;

3) неадекватное реагирование руководства следственных аппаратов на следственные ошибки и иные нарушения законности;

4) несовершенство системы критериев оценки труда следователей;

5) недостатки в организации работы следственных органов и несовершенство нормативной базы их деятельности¹.

А теперь остановимся подробно на исследовании каждого основания постановления оправдательного приговора, указанного в ст.302 УПК РФ.

Первое основание – не установлено событие преступления. Закономерен вопрос: что такое отсутствие события преступления? Вопрос этот не так прост, как может показаться при поверхностном к нему отношении, и непра-

¹ См.: Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2000. – С. 95.

вильная трактовка его способна привести к судебной ошибке, по крайней мере, в части разрешения гражданского иска.

Более приемлема, на наш взгляд, трактовка данного понятия, содержащаяся в научно-практическом комментарии к УПК РСФСР. Авторы этого труда под отсутствием события преступления понимают не только неустановленность события, «по поводу которого ведется производство», но и случаи, когда хотя и такое событие существует, однако оно является «результатом действий самого потерпевшего или стихийных сил»¹. В принципе такой подход к вопросу представляется правильным. Но он страдает тем недостатком, что ориентирует на вынесение оправдательного приговора за отсутствием события преступления по всем делам, по которым «версия о совершении преступления... не подтвердилась, а событие было результатом действия самого потерпевшего». Между тем вряд ли это разумно.

Законодателем термин «событие преступления» употребляется для обозначения самого противоправного деяния, а не тех событий, которые могли бы быть его результатом. Это можно заметить при сравнении ряда статей уголовно-процессуального законодательства. Так, ст. 307 УПК РФ гласит, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание *преступного деяния*. Ст. 299 УПК говорит, что при постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает вопрос: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый и др. Вне всякого сомнения, что в этих нормах имеется в виду то же самое, что и в п.1 ч.2 ст.302 УПК РФ, указывающей на событие преступления.

Нельзя смешивать событие, в связи с которым велось уголовное судопроизводство, с событием преступления. Это – хотя и близкие, тесно связанные, но все же не тождественные явления, они далеко не всегда совпадают. Скажем, обнаружение трупа с признаками насильственной смерти, авария на

¹ Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР под ред. В.А. Болдырева. – М.: Госюриздат, 1963. – С.18.

автотранспорте, наезд автомобиля на человека и др. в бытовом отношении всегда являются событиями, независимо от причины их происхождения. Однако, если будет доказано, что здесь имело место самоубийство, авария произошла по сугубо техническим причинам, наезд является следствием грубой неосторожности самого потерпевшего при отсутствии каких бы то ни было нарушений правил движения и эксплуатации автомобиля и др., то надо говорить об отсутствии события преступления, несмотря на наличие определенного события в бытовом смысле слова.

Четкое разграничение события в бытовом смысле слова и события преступления необходимо не только для правильного понимания различных оснований оправдательного приговора (или прекращения дела), но и для уяснения ряда других процессуальных проблем. В частности, это важно для надлежащего определения предмета и пределов доказывания, для достижения полноты исследования обстоятельств дела. Подмена данных понятий может привести к тому, что следствие ограничивается доказыванием факта пожара, недостачи, дорожно-транспортного происшествия и иных таких событий принимая их за преступное деяние, чем они в действительности не являются, а могут быть только его результатом.

Отсутствие события преступления как основание постановления оправдательного приговора означает отсутствие по делу таких неправомерных действий подсудимого, применительно к которым можно было бы говорить, содержат они признаки состава преступления или не содержат. Практически оно может выявляться в разных формах. Наиболее простая из них – те случаи, когда в ходе судебного разбирательства обнаруживается, что объективно не существует то противоправное деяние, которое вменяется в вину по материалам дела. Например, лицо обвинялось в совершении квартирной кражи, в то время как ее не было вообще, а вещи были утеряны самим хозяином. В подобном случае в суде отпадает вся фактическая фабула обвинения, обнаруживается отсутствие того факта, который мог быть расценен как преступление.

Иногда судебное следствие опровергает те отрицательные факты (обстоятельства), которые в фабуле обвинения принимались за преступное деяние, инкриминируемое подсудимому. Так, в процессе судебного разбирательства дела, по которому в связи с исчезновением дочери лицо предано суду за убийство, обнаруживается, что «потерпевшая» жива, без всякого предупреждения ушла из дома и прекратила всякие связи с отцом, потому что последний собрался жениться. В подобном случае в судебном заседании доказывается отсутствие тех фактов (обстоятельств), которые до этого считались следствием и свидетельством преступных действий или бездействия подсудимого. Отпадение этой части фактической фабулы обвинения здесь влечет за собой отказ от вменения лицу в вину самого преступного деяния, поскольку вывод о нем вытекал из этих отрицательных фактов. Соответственно, оправдательный приговор постановляется за не установлением события преступления, а не по какому-либо другому основанию.

Не установление события преступления, как основание к оправданию, – это доказанность отсутствия того неправомерного деяния, которое вменялось в вину подсудимому в связи с теми или иными явлениями и событиями. Оно означает несостоятельность обвинения ввиду несоответствия его фактической фабулы объективной действительности. При этом основании к оправданию фактическая фабула обвинения отпадает либо полностью, либо в своей решающей части, касающейся самих инкриминируемых подсудимому действий или бездействия. В последнем случае оставшиеся из нее факты, которые раньше ошибочно воспринимались в качестве результата и свидетельства совершения обвиняемым преступления, теряют уголовно-правовое значение. Поэтому, так или иначе, при оправдании подсудимого за не установлением события преступления рушится все обвинение полностью, причем настолько, что исключается и всякая иная ответственность оправданного судом лица за те же самые обстоятельства, которые служили предметом судебного разбирательства.

Второе основание – не причастность подсудимого к совершению преступления.

Ранее вокруг данного основания, звучавшего следующим образом: «не доказано участие подсудимого в совершении преступления» – в юридической литературе шла оживленная дискуссия.

Так, некоторые авторы полагали, что формула оправдания «не доказано участие подсудимого в совершении преступления» не исключает сомнений в невиновности подсудимого, а поэтому ее необходимо было заменить более категоричной формулировкой, исключающей всякое сомнение в его невиновности. Приведем далеко не полный перечень предлагавшихся вариантов редакции изменений указанного основания к оправданию:

- 1) «подсудимый не совершил тех действий, которые вменялись ему в вину» (М.С. Строгович);
- 2) «за невиновностью обвиняемого» (В.З. Лукашевич);
- 3) «ввиду того, что обвиняемый не совершил преступление» (В.М. Савицкий);
- 4) «за снятием с подсудимого обвинения как необоснованного» (П.Ф. Пашкевич);
- 5) «за непричастностью к совершенному преступлению» (Ю.А. Иванов);
- 6) «за неустановлением вины подсудимого» (В.Д. Арсеньев);
- 7) «за необоснованностью вывода о совершении преступления подсудимым» (В.Г. Заблоцкий);
- 8) «несовершение подсудимым преступления, обвинение в котором ему было предъявлено» (Р.М. Оганесян);
- 9) «данное лицо не совершило преступления» (А.Я. Дубинский);
- 10) «установлено неучастие обвиняемого в приписываемом ему деянии» (Н.Н. Скворцов);
- 11) «недоказанность совершения подсудимым преступления и доказанность совершения преступления не подсудимым» (М.Ф. Маликов);

12) «непричастность к преступлению, в совершении которого лицо обвиняется» (Я.О. Мотовиловкер).

Здесь необходимо уточнить, что термин «непричастность подсудимого к совершению преступления», принятый новым УПК РФ, более узкий по своему содержанию, чем термин «не доказанность участия подсудимого в совершении преступления». Очевидно, что они соотносятся как часть и целое.

По мнению М.С. Строговича, необходимо безоговорочно признать, что оправдательный приговор, по какому бы основанию он ни был вынесен, полностью снимает с подсудимого обвинение, реабилитирует его, устанавливает его невиновность¹.

Полагаем, вряд ли можно согласиться с мнением М.С. Строговича о том, что «сама идея установить гносеологические различия для оправдательных приговоров, постановленных по указанным выше основаниям, совершенно неправильна. Преступление либо было совершено, либо не было совершено. Подсудимый либо совершил преступление, либо не совершил его... и если достаточных оснований для признания подсудимого виновным нет, с точки зрения истинности достигнутого судом результата не имеет значения, больше доказательств или меньше доказательств было в распоряжении... суда»². В данном случае, на наш взгляд, М.С. Строгович как раз и ведет речь о гносеологических основаниях постановления оправдательных приговоров, игнорируя онтологические (бытийные) основания – совершено преступление или нет. Дело, конечно, заключается не в том, «больше или меньше доказательств было в распоряжении суда», ибо само количество доказательств не определяет истинности выводов суда. Приговором суда в гносеологическом аспекте решаются два основных вопроса – имело ли место событие преступления и виновен ли подсудимый в его совершении. Если преступное деяние

¹ Цит. по: *Грошевой Ю.М.* Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – С.129.

² Там же. – С. 129.

(событие) не имело место или оно не содержит в себе признаков состава преступления, то вопрос о виновности подсудимого (о его участии в этом событии) сам по себе отпадает, он судом не решается. Именно в такой последовательности обсуждаются судьями вопросы, разрешаемые ими при постановлении приговора (ст.299 УПК).

Однако на гносеологические различия в основаниях указывает сам законодатель. Так, ч.3 ст.306 УПК РФ устанавливает, что в случае вынесения оправдательного приговора ... по основанию непричастности подсудимого к совершению преступления, а также в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, суд решает вопрос о направлении прокурору уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Чем может быть объяснено это правило? Только одним, что закон предусматривая объективную необходимость оправдания за непричастностью подсудимого к совершению преступления, предполагает, что в этой ситуации событие преступления доказано с достоверностью. С данной позицией можно согласиться, так как, действительно при постановлении оправдательного приговора за непричастностью подсудимого к совершению преступления знание судей о самом событии преступления должно быть достоверно доказанным имеющимися материалами уголовного дела.

Третье основание – в деянии подсудимого отсутствует состав преступления. Оно касается главным образом юридической формулировки обвинения, в чем, прежде всего, и выражается его отличие от первого основания.

Если первое из названных оснований предназначено для тех случаев, когда в суде не находит подтверждения совершение подсудимым какого-либо противоправного деяния вообще, то данное основание, т.е. отсутствие состава преступления, применяется чаще всего при доказанности инкриминируемых подсудимому действий или бездействия. Наличие данного основания к оправданию показывает отсутствие тех юридических признаков, кото-

рые необходимы для того, чтобы вменяемые подсудимому в вину действия (бездействие) признать преступлением, усмотреть в нем конкретный состав преступления с его объективными и субъективными элементами.

В отличие от не установления события преступления, когда не подтверждается какое либо порицаемое действие лица вообще, отсутствие состава преступления свидетельствует лишь о том, что в учиненных подсудимым действиях (бездействии) не содержится признаков конкретного преступления, но отнюдь не о том, что данное лицо вовсе не совершало вменяемых ему в вину действий. Эти существенные отличия свидетельствуют о различной природе указанных оснований к оправданию в суде и дают возможность последовательно их разграничивать.

Как в уголовном законе, так и в нормах УПК понятием состав преступления обозначается одно и то же – совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих содеянное как преступное.

Данное основание оправдательного приговора всегда предполагает оценку известного деяния человека относительно тех признаков, наличием которых обуславливается уголовная ответственность. Причем в отличие от п.1 ч.2 ст.302 УПК РФ, при котором оценка исследуемых судом фактов производится с точки зрения выявления каких-либо недозволенных действий (бездействия) подсудимого, отсутствие состава преступления выясняется путем оценки конкретного, обозначенного непосредственно в фактической фабуле обвинения деяния как лишенного преступного характера.

Для данного основания к оправданию в суде вовсе не обязательно, чтобы непременно суд пришел к заключению о правомерности инкриминируемых подсудимому действий (бездействия), как это полагает М.А. Чельцов¹. Преступность и противоправность – понятия не тождественные. Содеянное может содержать признаки гражданского, административного или дисциплинарного правонарушения, а также формально подпасть под действие той или

¹ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс: учебник для юрид. высш. учеб. заведений. – М.: Госюриздат., 1962. – С. 411.

иной нормы особенной части уголовного кодекса, но не быть преступным в силу малозначительности. При этом условии, несмотря на неправомерность совершенного подсудимым деяния, постановляется оправдательный приговор, основанием чему является отсутствие состава преступления¹.

Равным образом не требуется, чтобы действия, вменяемые подсудимому в вину, были, несомненно доказаны. Если суд приходит к выводу, что эти действия не содержат в себе признаков конкретного состава преступления, то он независимо от степени их доказанности выносит оправдательный приговор за отсутствием состава преступления. Но это разумеется, допустимо в той мере, в какой установленные в судебном заседании фактические данные позволяют делать такие выводы безошибочно.

В указанных случаях, повторяем, для оправдания подсудимого за отсутствием состава преступления степень доказанности не имеет существенного значения только применительно к тем фактам, которые лишены уголовно-правовых признаков.

Во всех случаях, когда судебное следствие исключает признаки противоправности, общественной опасности или виновности в инкриминируемом подсудимому действию к моменту его совершения (а не ко времени рассмотрения дела в суде), оправдательный приговор выносится судом за отсутствием состава преступления.

Так, например, по уголовному делу № 1-297/2003 возбужденному органами дознания по ч.1 ст. 228 УК РФ по факту приобретения и хранения наркотического средства растительного происхождения – опия весом 0,42 гр. привлечен гр. Жилкин. В процессе рассмотрения дела суд пришел к выводу о том, что в действиях Жилкина отсутствует состав преступления, в связи с чем постановил оправдательный приговор. Однако государственный обвинитель, воспользовавшись своим правом, подал кассационное представление, в котором указал на наличие в выводах суда противоречий, состоящих в том,

¹ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и судебный приговор. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. – С. 392.

что в мотивировочной части приговора содержится указание об отсутствии у органов дознания достаточных оснований для задержания и обыска подсудимого, т.к. эти действия связаны с применением уголовно-процессуального закона, поскольку были произведены до возбуждения уголовного дела, а оправдательный приговор суда постановлен по другим основаниям, состоящим в том, что подсудимый добровольно выдал наркотическое средство и активно способствовал раскрытию преступления. Судебная коллегия в кассационном порядке оправдательный приговор Киселевского городского суда Кемеровской области от 18.02.2003г. в отношении Жилкина отменила, направив дело на новое рассмотрение в ином составе суда. Указав в кассационном определении, что приговор суда подлежит отмене в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, поскольку выводы суда не подтверждены доказательствами по делу и содержат существенные противоречия, которые повлияли на решение вопроса о виновности Жилкина. Так, суд первой инстанции указал на то, что у органов дознания отсутствовали основания для задержания и обыска Жилкина, т.к. эти действия проводились до возбуждения уголовного дела, однако, выводы суда несостоятельны, т.к. задержание и досмотр произведены в соответствие с нормами КоАП РФ, а обыск как следственное действие, предусмотренное УПК РФ вообще не проводился. При задержании Жилкина по поступлении оперативной информации, как это видно из материалов дела, ему было предложено выдать имеющееся при нем наркотические средства, что он и сделал, а это свидетельствует о факте вынужденной, а не добровольной выдачи. Исходя из размера изъятого у Жилкина наркотического средства, был решен вопрос о возбуждении в отношении него уголовного дела, что полностью согласуется с нормами УПК РФ. Основания, послужившие постановлению оправдательного приговора на которые ссылался суд первой инстанции, не состоятельны, т.к. добровольность выдачи Жилкиным наркотического средства не подтверждена доказательствами, а активное способствование раскрытию преступления может быть расценено как смягчающее обстоятельство.

19.05.2003 г. по результатам нового судебного рассмотрения данного уголовного дела судом в отношении Жилкина постановлен обвинительный приговор¹.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что первое и третье основание постановления оправдательного приговора в уголовном процессе обуславливаются отпадением в суде разных составных частей предъявленного подсудимому обвинения: не установление события преступления – его фактической фабулы, отсутствие состава преступления – юридической формулировки, уголовно правовых признаков деяния, связанных как с общим понятием, так и с конкретным составом преступления.

В отличие от них второе основание – непричастность подсудимого к совершению преступления – означает несостоятельность фундамента, доказательной основы обвинения, по которому лицо предано суду. Данное основание тем и отличается от предыдущих оснований, что появляется вследствие недостаточности имеющихся по делу фактических данных (доказательств) ни для признания обвинения доказанным, ни для оправдания подсудимого за не установлением события или отсутствием состава преступления.

И, наконец, четвертое основание – в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

Представляется, что при анализе процесса постановления приговора судом присяжных правомерно выделить две основные стадии: 1) коллегиальную оценку доказательств, в ходе которой устанавливаются фактические обстоятельства, составляющие основу решения, 2) собственно принятие решения, имеющее целью сконструировать выводы относительно фактической и юридической сторон дела.

Социальные решения имеют и иные общие признаки. Так, во всех случаях: 1) решение связывается с необходимостью выбора одного варианта поведения из нескольких возможных, 2) выбор производится сознательно,

¹ Уголовное дело № 1-297/2003 // Архив Киселевского городского суда Кемеровской области за 2003 г.

3) направляется на достижение социально значимых целей, 4) приводит к определенным практическим результатам¹.

Проведенные нами исследования показывают, что в механизме принятия решения в суде присяжных негативную роль могут сыграть так называемые дефекты оценочной и регулятивной функций. Установлено, что при всем положительном значении профессионального опыта (знание законов, умение видеть их в совокупности, правильное представление о тенденциях судебной практики) процесс длительной судейской работы приводит к образованию некоторых нежелательных явлений, находящих свое выражение в поверхностном восприятии исследуемых доказательств и безапелляционной уверенности в собственной проницательности. При этом профессиональная деформация не только стимулирует формирование обвинительного уклона, приводящего к неправильной оценке доказательств самими судьями, но и оказывает вредное воздействие на формирование внутреннего убеждения присяжных заседателей, следовательно, на выработку общего мнения членов судейской коллегии.

Дефекты правосознания присяжных заседателей имеют иную природу, чем у профессионального судьи, и, как представляется, являются следствием изъянов в содержании познавательной и оценочной функций. Недостаточное усвоение основных положений доказательственного права предопределяет ситуацию, при которой круг доказательств неоправданно расширяется за счет «доказательств поведения».

Так, на вопрос анкеты, считаете ли Вы, что внешний вид и манера поведения подсудимого в судебном заседании могут повлиять на оценку доказательств и меру наказания, 28 % присяжных заседателей ответили утвердительно.

Кроме того, на сознание присяжных заседателей весьма сильно воздействуют факты аморальности преступления и решительного отрицания

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. – М.: Наука, 1972. – С. 94.

подсудимым своей вины. По той же причине отдельные виды доказательств (результаты судебных (следственных) экспериментов, заключения экспертов) воспринимаются рядом присяжных заседателей как имеющие приоритет перед прочим с точки зрения их доказательственной силы.

Очевидно, что стремление избрать справедливую меру наказания у присяжных заседателей связано с использованием не столько правовых, сколько нравственных критериев. Поэтому процесс вынесения оправдательного вердикта – это та часть принятия решения, когда присяжный заседатель эмпатически переносит свой социальный опыт на конкретную уголовно-процессуальную ситуацию.

Анкетный опрос присяжных заседателей показывает, что формирование их внутреннего убеждения в невиновности лица «осложняется» наличием так называемых проблемных ситуаций, когда присяжные сомневаются, какой вариант поведения им избрать. На наш взгляд, проблемные ситуации при рассмотрении в суде материалов предварительного следствия обусловлены:

а) неопределенностью сведений, содержащихся в исследованных судом доказательствах;

б) недостаточностью по убеждению присяжного заседателя сведений, необходимых для достоверного вывода о наличии либо отсутствии обстоятельств, вмененных в вину подсудимому органами предварительного расследования;

в) противоречивостью проверенных и собранных судом доказательств.

Очевидно, что проблемные ситуации, возникающие по уголовному делу, могут носить:

а) всеобщий характер, т.е. касаться события преступления в целом;

б) частный характер, т.е. складываться в отношении отдельных эпизодов преступной деятельности;

в) надуманный характер, когда вследствие недостаточности профессионального опыта и знаний, предубежденного отношения к подсудимому,

неправильной оценки доказательств и т.д. присяжный заседатель ошибочно считает данную ситуацию проблемной. Сомнения, возникающие по уголовному делу, накладывают на него дополнительные психологические нагрузки, преодолеть которые он может лишь активной исследовательской деятельностью, направленной на распознавание гносеологической природы сомнений и ликвидацию пробелов в своих знаниях.

В процессе общения члены судейской коллегии воздействуют друг на друга с целью выработки общего решения по делу, причем здесь имеют место три способа взаимовлияния – сообщение (обмен информацией и опытом жизни), убеждение (направлено на изменение сформировавшихся взглядов), внушение (усвоение определенных положений, в выработке которого человек не принимал участия) и способ отражения внушения – подражание¹.

Таким образом, можно прийти к выводу, что применение четвертого основания постановления оправдательного приговора, а именно: при вынесении в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта – в судебной практике вызывает множество проблемных ситуаций, связанных с особенностью принятия уголовно-процессуального решения, специфическим субъектом которого является присяжный заседатель. Именно набор социально-психологических характеристик присяжного заседателя, на наш взгляд, часто приводит к тому, что четвертое основание, указанное в ст. 302 УПК, синтезирует в себе первое, второе и третье основания оправдательного приговора, иногда вследствие ошибок предварительного расследования.

И, наконец, в заключении нельзя обойти стороной проблему формальных требований, предъявляемым к оправдательному приговору. Во многом, именно от соблюдения процессуальных реквизитов зависит степень обоснованности и мотивированности оправдательного приговора.

¹ См.: *Грошевой Ю.М.* Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. дис. ... д.ю.н. – Харьков., 1975. – С. 11.

Несмотря на то, что каждое уголовное дело, а, следовательно, и выносимый по нему приговор индивидуальны, в уголовном процессе существуют формальные требования, которым должен отвечать как по форме, так и по содержанию каждый постановляемый судом приговор. Эти требования представляют собой выработанные теорией и выверенные многолетней практикой правила.

Так, ст.ст. 304, 305, 306 УПК РФ указывают на четкую структуру оправдательного приговора. Однако остановимся лишь на его описательно-мотивировочной и резолютивной части, что имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования.

Согласно УПК, в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагаются: существо предъявленного обвинения; обстоятельства уголовного дела, установленные судом; *основания оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие*; мотивы, по которым суд отвергает доказательства, представленные стороной обвинения; мотивы решения в отношении гражданского иска.

Не допускается включение в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного. Это означает, что все обстоятельства дела должны излагаться так, чтобы все они вели к выводу о несостоятельности предъявленного обвинения и невиновности подсудимого. В силу презумпции невиновности и вытекающих из нее правил о толковании сомнений в пользу обвиняемого и о юридическом тождестве недоказанной виновности и доказанной невиновности в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора не может содержаться ничего, что вызвало бы сомнение и наводило на размышления относительно невиновности оправданного, порождая догадки и слухи о том, что подсудимому удалось «выйти сухим из воды», и о несправедливости правосудия.

Согласно ст. 306 УПК, резолютивная часть оправдательного приговора должна содержать: фамилию, имя и отчество подсудимого; решение о признании подсудимого невиновным и *основания его оправдания*; решение об

отмене меры пресечения, если она была избрана; решение об отмене мер по обеспечению конфискации имущества, а также мер по обеспечению возмещения вреда, если такие меры были приняты; разъяснение порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием.

Решение об оправдании подсудимого, образующее основу и резолютивной части, и всего оправдательного приговора, должно содержать не только фамилию, имя, отчество подсудимого и само ключевое слово (решение) «оправдать», но и предшествующую этому слову точную юридическую формулировку обвинения, по которому он оправдан (например, по обвинению в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, то есть в преступлении, предусмотренном частью четвертой статьи 111 УК), а также основания оправдания¹.

Однако, при ознакомлении с оправдательными приговорами, постановленными судами общей юрисдикции в различных субъектах Российской Федерации нами установлено, что в описательно-мотивировочных частях приговоров вместо указания основания оправдания присутствуют такие формулировки, как, «Каких-либо доказательств, кроме показаний Ш., подтверждающих вину Вертаева в совершении хищения имущества гр. С. нет»²; «На основании таких доказательств суд не может признать доказанной вину Оськиной по ч.1 ст.130 УК РФ»³. При этом в резолютивных частях этих и других изученных нами оправдательных приговоров (в 16,7 % случаев) вообще не указаны основания оправдания.

Встречаются случаи оправдания лиц сразу по двум основаниям, например: Юргинский городской суд Кемеровской области оправдал Астратова Е.Н. по п. «а» ч.3 ст. 286 УК РФ за отсутствием в его действиях состава пре-

¹ См.: Громов Н.А., Колдин В.А., Ивенский А.И. Структура приговора // Следователь. – 2004. – №. 6. – С. 9-10.

² Уголовное дело № 1–811/1999 // Архив Федерального суда Заводского района г. Кемерово за 1999 г.

³ Уголовное дело № 1-302/2001 // Архив Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области за 2001 г.

ступления и недоказанностью его вины в совершении преступления¹; Коко-рин Е.М. оправдан по ст.116 УК РФ за непричастностью к совершению преступления и отсутствием состава преступления²; Гурьевский городской суд Кемеровской области оправдал Миронову Л.И. по ч.1 ст. 129, ч.1 ст. 130 УК РФ за отсутствием события и состава преступления³.

Анжеро-Судженский федеральный суд Кемеровской области оправдал «Девянина С.Ф. по п. «г» ч.2 ст.158 УК РФ за отсутствием доказательств»⁴, хотя ст. 302 УПК РФ не содержит такого основания для оправдания. При этом в описательно-резолютивной части приговора не указаны пункт и статья УПК, которыми руководствуется суд при его постановлении. В качестве основания суд указал «за отсутствием доказательств его вины», тогда как по УПК РСФСР оно звучало следующим образом: «не доказано участие подсудимого в совершении преступления».

Следует обратить внимание на то, что при постановлении оправдательных приговоров после 1 июля 2002г. председательствующие судьи судов присяжных заседателей перестали ссылаться на основания оправдания, предусмотренные пп. 1,2 и 3 ч.2 ст.302 УПК РФ, т.е. если не установлено событие преступления, подсудимый не причастен к совершению преступления или в деянии подсудимого нет состава преступления.

Вместо этого в качестве основания оправдания указывается на вынесение в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта.

Действительно, такое основание предусмотрено п.4 ч.2 ст.302 УПК РФ, однако в приговоре должны быть обязательно приведены основания, перечисленные в пп. 1,2 и 3 ч.2 ст.302 УПК РФ, так как это имеет правовое значе-

¹ Уголовное дело № 1-3/2001 // Архив Юргинского городского суда Кемеровской области за 2001 г.

² Уголовное дело № 1-784/2002 // Архив Рудничного районного суда г. Кемеров за 2002 г.

³ Уголовное дело № 1-385/2002 // Архив Гурьевского городского суда Кемеровской области за 2002 г.

⁴ Уголовное дело № 1-267/1999 // Архив Анжеро-Судженского федерального суда Кемеровской области за 1999 г.

ние для дальнейшего движения дела, например, в случае оправдания ввиду непричастности к совершению преступления, либо для предъявления гражданского иска, если причинен материальный ущерб или моральный вред, или когда в деянии подсудимого не содержится состав преступления.

Так, например, по делу в отношении В., оправданного по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч.2 ст.137, ч.2 ст. 138, ч.2 ст. 286, ч.3 ст.33 и ст.ст.292, 315 УК РФ, приговор изменен в части основания оправдания.

Присяжные заседатели дали отрицательные ответы на каждый из нескольких основных вопросов, являющихся основными первыми вопросами о доказанности деяния, в совершении которых подсудимый обвинялся. Следовательно, они признали недоказанным, что все соответствующие деяния имели место.

На основании такого оправдательного вердикта, который является обязательным, председательствующий должен был руководствоваться п.1 ч.3 ст.309 УПК РСФСР, определяющим виды оправдательных приговоров, и постановить оправдательный приговор в связи с не установлением события преступления.

Председательствующий же постановил оправдать подсудимого В. по предъявленному ему обвинению «за недоказанностью», что не соответствовало вердикту и требованиям закона¹.

В практике постановления оправдательных приговоров особого внимания заслуживают те приговоры, в которых суд совсем не указал оснований для оправдания (1,9 % из изученных оправдательных приговоров)².

¹ *Обзор* практики кассационной палаты Верховного Суда Российской Федерации за 2002 год по делам, рассмотренным краевыми и областными судами с участием присяжных заседателей // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 5. – С. 24.

² *Уголовное дело* № 1-601/2000 // Архив Юргинского городского суда Кемеровской области за 2000 г.; *Уголовное дело* № 1-400/1998 // Архив Л-Кузнецкого городского суда Кемеровской области за 1998 г.; *Уголовное дело* № 1-95/1998 // Архив Новокузнецкого районного суда Кемеровской области за 1998 г.

Однако следует отметить, что указание на конкретное основание оправдания подсудимого имеет существенное значение с точки зрения интересов данного лица. Несмотря на то, что оправдание по любому основанию означает судебную реабилитацию подсудимого и они (основания) абсолютно равнозначны в этом смысле, между ними имеются определенные различия. Так, например, оправдание за отсутствием события преступления (4,3 % оправдательных приговоров) предпочтительнее для оправданного, потому что оправдание за отсутствием состава преступления (76,2 %) оставляет возможность имущественных взысканий по гражданскому иску.

Поэтому за лицом, оправданным приговором суда, сохраняется возможность обжалования приговора в части, касающейся, оснований оправдания (п.15 ч.4 ст. 47 УПК РФ).

Важное значение имеет четкое указание в резолютивной части оправдательного приговора на то, по какому конкретному обвинению оправдан подсудимый. Наличие вступившего в законную силу приговора *по тому же обвинению* служит обстоятельством, исключающим производство по новому уголовному делу; такое дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению (п.4 ч.1 ст. 27 УПК РФ).

По данным нашего исследования 210 (из 462) оправдательных приговоров, постановленных судами общей юрисдикции и мировыми судьями Кемеровской области в период с 1999-2003 гг., основания оправдания распределились следующим образом:

– 9 приговоров (4,3 %) содержали в качестве основания оправдания не установление события преступления. Весьма показательно, что все указанные оправдательные приговоры постановлены по делам частного обвинения.

– 41 приговор (19,5 %) – непричастность подсудимого к совершению преступления.

– 160 приговоров (76,2 %) – отсутствие в деянии подсудимого состава преступления.

Резюмируя изложенное, кратко сформулируем выводы по данному параграфу:

1. УПК РФ 2001 г. впервые в ст. 302 дал исчерпывающий перечень оснований постановления оправдательного приговора.

2. Анализ п.п. 1, 2, 3 ч.2 ст. 302 УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель в них ведет речь либо о следственных ошибках, либо о некачественно проведенном предварительном расследовании, которые как раз и призван преодолеть суд путем постановления законного, обоснованного и справедливого оправдательного приговора.

3. При постановлении оправдательного приговора и применении п.1 ч.2 ст. 302 УПК необходимо четкое разграничение события преступления и события в бытовом смысле слова для правильного определения предмета и пределов доказывания, для достижения полноты исследования обстоятельств дела.

ГЛАВА 2. СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

2.1 Понятие судебного усмотрения и его пределов при постановлении приговора

Вопросы о процессуальной самостоятельности различных участников уголовного процесса уже давно стали объектом пристального внимания ученых-процессуалистов.

Так, о пределах усмотрения судей факта и судей права как научной категории весьма часто упоминается в трудах Л.Е. Владимирова, А. Жиряева, И.Я. Фойницкого и др. О свободе принятия процессуальных решений в суде присяжных также часто упоминается в трудах А.Ф. Кони. Не потеряла актуальности эта проблема и в современной науке.

Вопросы, касающиеся усмотрения следователя, подробно рассматриваются в работах С.С. Безрукова, Ю.Н. Белозерова, П.Г. Марфицина, А.А. Чувилева¹ и др.

В литературе высказана и такая точка зрения, согласно которой усмотрение – следствие несовершенства законодательной техники, оно не соответствует исторической перспективе развития уголовной политики и принципу законности².

Однако такое суждение, на наш взгляд, совершенно справедливо, не было поддержано учеными. Так, в 1982 году В.В. Лазарев подчеркивал, что закон всеобщ, а применение закона – творческая деятельность. Поэтому остаются относительно широкие возможности для привнесения направленно-

¹ См.: *Марфицин П.Г., Безруков С.С.* Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя: учебное пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2001; *Белозеров Ю.Н., Чувилев А.А.* Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. – М., 1983; *Дубривний В.А.* Деятельность следователя по расследованию преступлений. – Саратов, 1987.

² См.: *Сахаров А.Б.* Планирование уголовной политики и перспективы уголовного законодательства // Планирование мер борьбы с преступностью. – М. 1982. – С. 9-10.

сти субъектов правоприменения по делу и, в особенности, в случаях конкретизации права, преодоления пробелов в праве, решения вопроса при значительном усмотрении правоприменителя.

Соглашаясь с тем, что правовая регламентация означает строгое регулирование процессуальной деятельности судебно-следственных работников, В.В. Лазарев уточнял, что это не означает, что последние не свободны в своих волеизъявлениях, а также в выборе средств в реализации собственной деятельности, ее более рациональной и эффективной организации. Такая свобода реальна. Она выражается в применении тактических приемов и операций, комбинаций и вместе с тем, по мнению автора, осуществляется в рамках требований закона, подчинена его принципам и не может простираться далее оперирования требованиями о порядке деятельности, уже сформулированными в законе¹.

Позиция В.В. Лазарева в последние годы нашла поддержку и в исследованиях других ученых. Так, по мнению П.Е. Кондратьева в законе, в силу сложности реальных жизненных ситуаций, вынужденной лаконичности формулировок, многообразия смысловых оттенков используемых терминов практически невозможно дать такое описание состава преступления, которое не допускало бы известного разночтения при его использовании. Закон в силу особенностей воздействия на поведение людей должен быть относительно стабилен во времени, в то время как регулируемые им общественные отношения подвижны, изменчивы, как изменчива и оценка этих отношений. Формализация же предписаний может привести либо к нарушениям принципа справедливости при определении ответственности, либо к изменению нормативного акта. Отсюда П.Е. Кондратьев приходит к обоснованному выводу о том, что усмотрение правоприменителя при принятии уголовно-правовых решений необходимо рассматривать не как отступление от принципа законности, а как социально-оправданный элемент правоприменитель-

¹ См.: Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. – Казань, 1982. – С. 49-50.

ной деятельности, поэтому требуется не отказ от него, а ввод регуляторов, не допускающих перерастания усмотрения в произвол¹.

Разделяя в целом взгляды В.В. Лазарева и П.Е. Кондратьева в вопросе о необходимости обращения к усмотрению в процессе уголовно-процессуального применения, уточнили, что не может быть в реальности двух абсолютно одинаковых преступлений. Поэтому, безусловно, прав В.Т. Томин, утверждающий, что «правовое регулирование не может быть индивидуальным для каждого уголовного дела»². Предназначение усмотрения как раз и состоит, чтобы успешно преломить, применить общую схему закона к отдельному случаю, в нашем случае – к конкретной следственной ситуации. Это не простая задача, ибо как справедливо отмечал А.Э. Жалинский «модель (а таковой является всякая норма) принципиально не может исчерпать всех свойств отражаемого объекта»³.

В 2000 году в издательстве Кубанского государственного аграрного университета вышла в свет монография Васильева Л.М. и Ярославского А.Б. на тему: «Усмотрение следователя при расследовании преступлений и его влияние на установление истины по делу»⁴. В рамках этой монографии А.Б. Ярославский предложил следующее определение понятия усмотрения следователя: «Оптимальное усмотрение следователя – это отношение (мнения, суждения, взгляды, оценка) к характеру разрешения неурегулированной законом следственной ситуации, обусловленное имеющимся у него жизненным и профессиональным опытом, общими и профессиональными знаниями,

¹ См.: Кондратьев П.Е. О пределах усмотрения правоприменителя в процессе принятия уголовно-правовых решений // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. – М., 1987. – С. 28-29.

² Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1991. – С. 66.

³ Жалинский А.Э. О соотношении функционального и догматического подходов к уголовному праву // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. – М., 1987. – С. 25-26.

⁴ Васильев Л.М., Ярославский А.Б. Усмотрение следователя при расследовании преступлений и его влияние на установление истины по делу / Министерство сельского хозяйства и продовольствия РФ. – Краснодар., Изд-во КГАУ, 2000.

навыками, умениями, физическими и психическими особенностями его личности»¹. Несмотря на кажущуюся убедительность, предложенное А.Б. Ярославским определение усмотрения следователя вызвало в литературе серьезную критику. Свое несогласие с выдвинутой А.Б. Ярославским концепцией о сущности усмотрения следователя высказал исследователь этой же проблемы П.Г. Марфицин. Позицию А.Б. Ярославского в вопросе определения усмотрения следователя он считает односторонней, т.к. этот вопрос А.Б. Ярославский увязывает только с наличием индивидуальных качеств правоприменителя (жизненным и профессиональным опытом, общими и профессиональными знаниями, умениями, физическими и психическими особенностями его личности). Предложение А.Б. Ярославского определять целесообразность избираемого следователем решения с точки зрения накопленного уголовно-процессуальной практикой опыта П.Г. Марфицин считает не бесспорным. Опыту он отводит второстепенную роль, а первоочередным при определении целесообразности правового решения должны быть все-таки требования закона и общественная полезность², с чем мы абсолютно согласны.

Не отрицая в принципе возможности критической оценки определения усмотрения следователя, данного А.Б. Ярославским, А.А. Огилец в то же время не может согласиться с критикой П.Г. Марфициным позиции А.Б. Ярославского по исследуемой проблеме. А.А. Огилец считает, что всякий процесс познания объективной реальности есть взаимодействие субъекта с объектом. И при этом, как уже давно установлено, этот процесс невозможен без эмоций и чувств. П.Г. Марфицин по существу отмечает в данной позиции отсутствие взаимодействия.

В действительности, по мнению А.А.Огилец, А.Б.Ярославский не абсолютизирует элемент отношения следователя в форме усмотрения к разрешаемой им следственной ситуации, а всего лишь указывает на связь этого

¹ Там же. – С. 25.

² См.: *Марфицин П.Г. Усмотрение следователя: (Уголовно-процессуальный аспект): Монография – Омск: Омская академия МВД России. 2002. – С. 60-61.*

отношения со следственной ситуацией. Вряд ли можно признать оправданным полагать такой подход субъективистским.

Далее, критикуя позицию А.Б. Ярославского о выражении усмотрения в форме права выбора, П.Г. Марфицин противоречит собственным последующим рассуждениям, приводящим его к определению усмотрения следователя как выбора поведения из двух альтернатив, каждая из которых законна¹. Наконец, П.Г. Марфицин, не придает должного значения такому элементу в механизме определения усмотрения следователя как предшествующему опыту уголовно-процессуального правоприменения. Таким образом, считает А.А. Огилец, критика П.Г. Марфицина концепции А.Б. Ярославского об усмотрении следователя не убедительна. Однако это вовсе не означает, что концепция А.Б. Ярославского о сущности и понятии усмотрения следователя безупречна. Основной ошибкой А.Б. Ярославского явилось определение усмотрения следователя без учета форм его проявления. По мнению А.А. Огилец, определение усмотрения следователя в самом общем плане должно охватывать все формы воплощения этого усмотрения, не будучи сводимой ни к одной из них.

В связи, с изложенным, А.А. Огилец полагает, что усмотрение следователя – это определяемая (ограниченная) законом самостоятельность (свобода) следователя в определении направления хода расследования, тактики проведения следственных и процессуальных действий и при принятии решений².

Предложенное определение коренным образом отличается от определений этого феномена, даваемых П.Г. Марфициным и А.Б. Ярославским.

Во-первых, свобода следователя в определении направления хода расследования не может ограничиваться выбором поведения только из преду-

¹ См.: *Марфицин П.Г.* Указ. соч. – С. 61.

² См.: *Огилец А.А.* Теоретические проблемы усмотрения следователя // *Следователь.* – 2004. – №10. – С. 43-44.

смотренных законом двух и более альтернатив. Это уже не свобода или ограниченная свобода.

Во-вторых, определяемая (ограничиваемая) законом самостоятельность следователя предполагает полную свободу его в этих рамках, а не выбор из двух или более законных альтернатив поведения.

В-третьих, свобода следователя в том и состоит, что он самостоятельно в интересах достижения задач, стоящих перед стадией предварительного расследования, выбирает вариант своего поведения.

Ограниченность свободы следователя в данном контексте А.А. Огилец понимает как его связанность только принципами, целями и задачами стадии предварительного расследования и уголовного судопроизводства в целом, в том числе и необходимостью защиты прав и законных интересов как потерпевшего от преступления, так и обвиняемого.

Следует отметить, если по усмотрению следователя теоретическая работа ведется, то исследований на монографическом уровне, посвященных отдельно усмотрению судьи, в частности при постановлении оправдательного приговора, за исключением работ В.Ф. Бохана¹, Е.Г. Веретехина, Ю.М. Грошевого, практически нет. Между тем, по нашему мнению, УПК РФ, существенно изменивший «правила игры» в уголовном судопроизводстве, вызывает необходимость переосмысления весьма сложной и противоречивой практики суда присяжных, анализа судебных ошибок, разработки критериев процессуальной самостоятельности судьи, особенно в суде присяжных заседателей и особенно при вынесении ими оправдательного вердикта.

В юридической литературе существуют несколько точек зрения по вопросу о понятии судейского усмотрения.

¹ См.: Бохан В.Ф. Формирование убеждений суда. – Минск: Изд-во БГУ, 1973; Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. – Казань, 1988; Грошевой Ю.М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Харьков, 1975.

Так, К.И. Комиссаров под судебским усмотрением понимает «специфический вид судебной правоприменительной деятельности, сущность которой заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочий принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона»¹.

Другие авторы рассматривают усмотрение как целесообразность в сфере применения закона², третьи – «известную степень свободы суда, определенную рамками закона, в правовом разрешении индивидуального конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по делу»³.

Полагаем, приведенные выше определения нуждаются в уточнении и дополнении в соответствии с концепцией настоящего исследования. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо уточнить элементный состав категории «судейское усмотрение». Содержание данного понятия необходимо раскрывать через соотношение с категорией «внутреннее убеждение судьи», через связь процессуальной формы и требований закона, предъявляемых как к порядку принятия, так и самому решению по существу дела.

Второй проблемой, тесно связанной с первой, является вопрос о пределах судебного усмотрения. Проблема здесь видится в сложности разработки количественных и качественных критериев определения «зон» процессуальной самостоятельности судьи.

Во-первых, эти критерии будут сильно изменяться в зависимости от формы судебного разбирательства и состава суда, например суда присяжных.

¹ См.: *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Сов. гос-во и право. – 1969. – №4. – С.50.

² См.: *Лунев А.Е., Студеникин С.С., Ямпольская Ц.А.* Социалистическая законность в советском государственном управлении / А.Е. Лунев. – М., 1948. – С. 63.

³ См.: *Корнев А.П.* Нормы административного права и их применение. – М.: Юрид. лит., 1978. – С.73-74.

Во-вторых, усмотрение судьи во многом детерминировано материалами предварительного расследования, определяющими пределы судебного разбирательства в соответствии со ст. 252 УПК РФ.

В-третьих, усмотрение судьи в большой степени зависит от процессуальных возможностей судьи разрешить дело по существу.

Рассмотрим элементный состав понятия судейского усмотрения. Полагаем, содержание судейского усмотрения необходимо рассматривать в контексте проблемы внутреннего убеждения судьи, которое является основным элементом исследуемой научной категории.

Внутреннее убеждение как элемент судейского усмотрения

Внутреннее убеждение судьи как категория уголовно-процессуального права известна только российской правовой системе. И это не случайно. Известный исследователь проблем этософии (учение о нравах и нравственности) В.Т. Ефимов отмечает, что специфика российского менталитета в области правосудия заключается в том, что он ориентирован «не столько на правосудие... в России высший ориентир в регулировании отношений между людьми – это правда и справедливость, а высший судья – совесть»¹. По-видимому, не случайно законодатель провозгласил принцип разрешения дела по существу, основываясь на законе и совести. Морально-этические категории оценочного характера: справедливость и совесть – пронизывают всю архитектуру УПК РФ, оставляя больше вопросов, чем ответов о точности и конкретности предложенных законодателем критериев. Это особенно актуально для оценки вердикта коллегии присяжных, т.к. у присяжных заседателей могут быть разные представления и о справедливости, и о совести. Закон прямо говорит о внутреннем убеждении, лежащем в основе оценки доказательств, в ст. 17 УПК РФ. Однако в других нормах УПК часто допускается подмена понятия «внутреннее убеждение» понятием «усмотрение».

¹ См.: Ефимов В.Т. Введение в этософию. Нравы и нравственность. – М., 1993. – С.329.

Основным источником формирования убеждения является судебная деятельность, объединяющая в себе познание и практику. Только в процессе судебного познания приобретаются знания об обстоятельствах уголовного дела, истинность которых проверяется в практической деятельности судей. Их психические состояния, определяющие отношение к истинности полученных знаний и сформированных выводов, возникают и развиваются в процессе разбирательства каждого конкретного дела.

Исходным пунктом формирования судейского убеждения является совокупность знаний, позволяющая выдвинуть судебную версию. Поскольку версия содержит в себе объяснение события или факта, то в ней уже проявляется определенное отношение судей к достоверности тех знаний, из которых они исходили при конструировании версии. Психическое состояние судей здесь характеризуется наличием в большей или меньшей мере чувства сомнения, неуверенности, так как истинность имеющихся знаний не подвергалась проверке. Но все же не исключается наличие в нем и чувства уверенности, которое может возникнуть в отношении истинности знаний, подтверждаемых результатами общественной практики. Чувства уверенности и сомнения являются взаимоисключающими, противоречивыми. В результате борьбы между ними и происходит формирование, становление судейского убеждения.

Первым элементом, являющимся источником и основой судейского убеждения, выступают знания об исследуемом событии. Их логическое обобщение в тесной связи с практикой, целями и задачами правосудия и формирует это особое психическое состояние. Существование убеждения без знаний немислимо¹. Такое соотношение знания и убеждения предопределяет их общность. Оба они являются субъективным отражением объективной действительности, формируются в процессе судебного познания, закрепляют

¹ См.: Маньшев Ю.Г. Убеждение и знание, их общие черты, различия и соотношение // Проблемы научного коммунизма и философии. – Красноярск, 1968. – С.200-224; Гаврилов Ю.А. Знания и убеждения // Известия Воронежского гос. педагогического ин-та. Т.83. – Вып. 3. – Воронеж, 1969. – С.64-79.

не только индивидуальный опыт судьи, но и коллективный опыт всего состава суда, общества. Но «знания и убеждения – не одно и то же: знание может не переходить в убеждение, а убеждение не всегда основывается на четких знаниях, хотя на какие-то знания оно опирается всегда. На высших этапах своего развития убеждение обязательно опирается на четкие знания в форме высоко обобщенных понятий и их систем»¹. К тому же убеждение всегда выражает отношение судей к знаниям, что отсутствует в содержании последних. Поэтому не правы те авторы, которые считают, что убеждение – это «знания судьи об истинности или ошибочности полученных показаний», «знания об адекватности или неадекватности полученных показаний обстоятельствам уголовного дела», «высказывание о показаниях», «вторичное знание». Эти авторы между убеждением и знаниями ставят знак равенства, не видят никакого различия между ними, что не соответствует сущности этих понятий.

Вторым элементом судейского убеждения является отношение судей к содержанию знаний, возникающее в результате оценки их достоверности, относимости, допустимости и значимости.

Не всякое знание может превращаться в судейское убеждение. Об этом постоянно свидетельствует судебная практика. В процессе судебного разбирательства судьи получают большой объем знаний, но в основу убеждений ложится только часть из них. Приобретаемые знания проходят сложный процесс эмоционально-интеллектуальной оценки, в результате которой выясняется соответствие их объективной действительности, т.е. устанавливается их достоверность. Вывод о достоверности знаний является основной предпосылкой для перехода их в убеждение, что обуславливается задачами и целями правосудия. Только установив истину, судьи могут правильно определить виновность подсудимых и назначить им соответствующее наказание. Поэтому на протяжении всего судебного разбирательства у судей складывается оп-

¹ Ланда Л., Неймарк М. О методе и приемах убеждения // Советская педагогика. – 1959. – №2. – С. 130.

ределенное отношение к содержанию знаний. Они принимаются или за достоверные, или вероятные, или ложные. Суждение судей о степени достоверности знаний может изменяться в процессе судебного разбирательства. Но на момент постановления приговора судьи должны иметь определенное отношение к содержанию накопленных знаний. Их достоверность обеспечивает формирование убеждения у судей. Если же истинность знаний не установлена, то они не могут составлять основу судебного убеждения.

Субъективная оценка судьями истинности знаний может быть ошибочной. Иногда вероятные или ложные знания принимаются за истинные, что обуславливает превращение этих знаний в судебское убеждение. В отдельных случаях истинные знания оцениваются как ложные и неоправданно теряют свое значение для дальнейшего исследования обстоятельств уголовного дела. Только такая закономерность способна объяснить, почему у судей при разрешении отдельных дел возникает ложное убеждение, приводящее к постановлению необоснованного и незаконного приговора¹.

Истинность является не единственным фактором превращения знаний в судебское убеждение. В процессе проверки и оценки доказательств происходит определение их относимости, допустимости и значимости. Поэтому еще до установления истинности отдельные знания, не относящиеся к предмету доказывания или исходящие из источника, не предусмотренного уголовно-процессуальным законом, устраняются из дальнейшего процесса формирования судебного убеждения.

Значимость доказательств особенно проявляется при формировании убеждения об отдельных сторонах состава преступления, о виновности подсудимых. Обычно для формирования убеждений требуется определенный объем знаний, причем степень значимости каждого отдельно взятого (даже истинного) знания неодинакова. Одно знание приводит к менее осязаемому

¹ В связи с этим нельзя согласиться с М.С. Строговичем, который указывал, что у судей может сформироваться лишь истинное убеждение. См. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. – Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М., 1968. – С.338.

скачку в этом процессе, другое – к более осязательному и т.п.; здесь все зависит от того, в какой связи находится это знание с потребностями и интересами судей, какое место занимает оно в совокупности знаний об исследуемом событии. Наиболее интенсивный процесс формирования убеждений вызовут знания, которые в цепи причинно-следственных связей ближе всего расположены к исследуемому событию или факту.

Таким образом, всякое убеждение судьи означает, что знания, вызвавшие это убеждение, по мнению судьи, являются истинными, относимыми к исследуемому объекту, допустимыми с точки зрения требований уголовно-процессуального закона и занимают определенное место в идеальном образе отражаемого явления действительности¹.

Третьим элементом судебного убеждения выступает то психическое состояние, которое появляется у судей при проверке и оценке знаний и выражается в чувствах уверенности или сомнения.

Установление истины, как указано выше, всегда сопровождается постепенной сменой чувств сомнения и уверенности, эмоционально окрашивающих приобретаемые судьями знания, предопределяющие возникновение убеждения. Какова сущность этих чувств?

Уверенность – такое состояние судей, при котором они без колебаний и сомнений выражают свое отношение к истинности (ложности) результатов судебного познания. Это чувство исключает всякую неопределенность, неясность позиции судей и не допускает возможность иного вывода, кроме того, к какому судьи пришли. Чувство уверенности наряду со знаниями – основа судебного убеждения.

Близким к психическому состоянию уверенности является состояние веры, которое рассматривается некоторыми юристами как тождественное первому. Так, А.С. Александров полагает, что убежденность судьи основывается на вере. Законный, обоснованный и справедливый приговор, тот кото-

¹ См.: *Бохан В.Ф.* Формирование убеждений суда. – Минск: Изд-во БГУ, 1973 – С.17.

рый воспринимается таковым обществом, любым здравомыслящим человеком. Здравый смысл питается не истинным, а вероятным. Поскольку приговор суда есть оценочный текст, постольку в нем нет места необходимой (научной) истине¹. С данной позицией, на наш взгляд, трудно согласиться. Нам более близка точка зрения Н.Д. Левитова, который считает, что состояние веры «часто связано с более или менее отдаленной перспективой, а состояние уверенности – с более близкой и более ясной по путям достижения того, во что верят»². Для состояния уверенности характерны обоснованность и конкретность знаний, его вызывающих. Состояние же веры рождается в отношении чувственно не данных судьям объектов, не освоенных в процессе познавательной и практической деятельности. Для веры не обязательно присутствие достаточного количества доказательств, подтверждающих истинность ее знаний.

Так, судья верит в то, что свидетели дают правдивые показания, и это психическое состояние складывается у него под воздействием судебной практики, на основе ранее рассмотренных дел. Но если спросить судью, имеет ли он уверенность, что такой-то свидетель по такому-то уголовному делу будет давать правдивые показания, то положительного и обоснованного ответа он не даст, так как кроме веры он ничем не располагает. Состояние уверенности появится у него лишь в результате исследования дела, когда исследованы и оценены все доказательства в совокупности, т.е. когда судья получит конкретные знания о показаниях этого свидетеля, когда лично сам проверит и оценит их. Эти знания позволяют судье иметь ясный и объективный взгляд на разрешаемый вопрос и вызывают чувство уверенности.

Из приведенной характеристики чувства веры видно, что оно не может лежать в основе судейского убеждения³, но это вовсе не означает, что такое

¹ См.: *Александров А.С.* Язык уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – С. 31.

² *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. – М., 1964. – С.169.

³ Как нам представляется, А.Р. Ратинов допускает ошибку, когда утверждает, что одним из элементов убеждения является «вера в правильность... знания». См. *Ратинов А.Р.* Су-

чувство не свойственно судьям, что судьи не могут им руководствоваться в своей работе. Как раз такие ошибочные утверждения и высказывались некоторыми юристами. Так, адвокат Ф.Туровский писал: «В действительности же вера в виновность или невиновность обвиняемого не добродетель, а величайшее зло в судебном-следственной практике. Все здесь должно быть основано не на вере в то, что тот или иной человек может или не может совершить преступление, а на судебных доказательствах, собранных следствием»¹.

Безусловно, решения судей должны основываться на фактических данных, но судье, как и всякому человеку, присуще чувство веры, которое он не может отбросить. Некоторая неопределенность знаний, свойственная вере, имеет не только отрицательное, но и положительное значение, так как толкает судью к исследованию новых доказательств, судебных версий, заставляет более тщательно исследовать имеющиеся данные, т.е. способствует установлению истины.

Четвертым элементом убеждения, возникающим на основе проверки и оценки знаний, является субъективное (положительное или отрицательное) отношение судей к исследуемым объективным явлениям.

Положительное или отрицательное отношение к исследуемым событиям формируется у судей в результате нравственной оценки, сущность которой заключается в сопоставлении действий определенного лица (подсудимого, потерпевшего, свидетеля и т.п.) с интересами общества.

Пятым элементом судебного убеждения является волевое состояние судей, их субъективная готовность действовать в соответствии со знаниями, лежащими в основе убеждения.

Волевые состояния присущи судьям на протяжении всего судебного разбирательства. Они связаны с действиями судей по достижению целей правосудия по каждому конкретному уголовному делу. Судьи совершают целый

дебная психология для следователей. – М.: Высшая школа МООП СССР, 1967. – С.142. Здесь следует употреблять термин «уверенность».

¹ Туровский Ф. Биться за истину // Известия. – 1960. – 25 фев.

ряд волевых действий: конструируют судебные версии, отказываются от ненужных знаний, принимают решения и т.д. постоянно волевые действия судей связаны с их чувством уверенности в истинности знаний, так как последнее в значительной мере обуславливает возникновение такого психического состояния, как решительность, т.е. готовность быстро принимать решение¹. Если уверенность окончательно не сформировалась, не устранено сомнение, то у судей будет отсутствовать и состояние решительности в принятии решения о виновности подсудимого.

Подлинное внутреннее убеждение «по совести» о виновности подсудимого может быть сформировано только у самостоятельно разрешающих дело судей. В соответствии с требованиями закона оно может быть выработано только на основании всех непосредственно исследованных в суде доказательств, доводов, установленных на их основе обстоятельств рассматриваемого дела. Если их оказалось недостаточно для установления существенных обстоятельств дела и формирования внутреннего убеждения о виновности подсудимого, то, очевидно, судьи не имеют права ни по закону, ни по совести признать подсудимого виновным. Это вытекает и из текста закона, и из содержания присяги, которую приносят присяжные заседатели: «Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку» (ст.332 УПК РФ).

В связи с вышеизложенным закономерен вопрос: чем отличается усмотрение судьи от его внутреннего убеждения? На наш взгляд, судебское усмотрение – это «зона» процессуальной самостоятельности судьи, прини-

¹ См.: *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. – М., 1964. – С.159-166.

мающего решения по уголовному делу. Таким образом, эта категория является более уголовно-процессуальной, чем психологической. Внутреннее убеждение же – это «зона» психологической свободы судьи при принятии решения. Поэтому, на наш взгляд, данная категория скорее относится к области психологии, описывающей психическое состояние личности, принимающей ответственное решение. В то же время судебское усмотрение в своей элементной структуре складывается из требований закона, материалов уголовного дела и внутреннего убеждения судьи, поэтому категория «судейское усмотрение» с точки зрения формальной логики является более широкой по объему и содержанию, чем категория «внутреннее убеждение судьи». Являясь категорией гносеологической, «внутреннее убеждение» судьи практически не поддается количественному и качественному анализу. Нельзя оценить внутреннее убеждение судьи как «плохое» или «хорошее», это психологическое состояние присуще особенностям характера судьи и не может быть оценено жестко регламентированными критериями. Что касается судебного усмотрения, то такие качественные и количественные критерии имеются. Это, прежде всего, законность, обоснованность и справедливость принимаемого решения. Образно говоря, судебское усмотрение – это внутреннее убеждение судьи, облеченное в процессуальную форму. Законность, обоснованность и справедливость судебного решения – это и есть, полагаем, те «пограничные столбы», которые ограничивают процессуальную и психологическую свободу судьи.

Совесть как элемент судебного усмотрения

Ядром мотивационно-смысловой структуры личности присяжного заседателя, председательствующего судьи и других участников уголовного процесса, безусловно, является их совесть, которая выступает в качестве основы человеческого фактора состязательного уголовного процесса с участием присяжных заседателей.

Поскольку совесть является нравственной основой человеческого фактора состязательного уголовного процесса, особую актуальность приобретает

проблема взаимной активизации совести его участников, прежде всего присяжных заседателей, председательствующего судьи, государственного обвинителя и защитника. Решение проблемы возможно двумя взаимосвязанными путями:

1) нейтрализация присущих в той или иной степени каждому участнику судебного процесса человеческих «слабостей», нравственных недостатков, противоречащих общечеловеческим моральным нормам и ценностям;

2) «поднятие» личной совести указанных участников судебного процесса до уровня требований общественной совести, выражающей общечеловеческие моральные нормы и ценности.

Кратко сущность совести определяет академический Словарь русского языка: «Совесьть – внутренняя оценка своих поступков, чувство нравственной ответственности за свое поведение»¹. Однако в этом определении не отражены следующие существенные моменты:

1) человек внутренне оценивает не только свои поступки, но и намерения;

2) критерием внутренней оценки человеком своих намерений и поступков является их нравственная достойность;

3) при оценке нравственной достойности своих поступков и намерений человек учитывает общечеловеческие нормы морали, в которых отражены общечеловеческие представления о добре и зле и свои личные нравственные идеалы, выражающие его ценностные ориентации;

4) чувство нравственной ответственности у человека как субъекта деятельности и общения возникает не только перед самим собой, но и перед другими людьми и обществом.

С учетом сказанного В.В. Мельник понятие совести сформулировал следующим образом: «совесьть – это внутренняя оценка человеком как субъектом деятельности и общения нравственной достойности своих поступков и

¹ *Словарь русского языка*. В 4 т. – Т.4: С-Я / под ред. Л.Л. Кутиной, В.В. Замковой; *Словарь русского языка*. В 4 т. – Т. 4. – М.: Наука, 1961. – С. 243.

намерений с учетом существующих в обществе норм морали и нравственных идеалов данной личности и обусловленное этой оценкой чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми и обществом»¹.

Значение совести как внутреннего закона прекрасно выразил Сенека, который, определив совесть как осознанную разумом и пережитую чувством нравственную норму², обратил внимание на то, что в качестве внутреннего «закона» могут выступать только такие нормы, которые не только осознаны человеческим разумом, но и приняты человеческим сердцем, эмоционально пережиты личностью, т.е. в качестве внутреннего закона выступают только личностно значимые нравственные нормы.

«Голос» совести, в котором выражается ценностное отношение к закону, праву, проявляется как чувство законности, чувство права.

Правильность и справедливость человеческих поступков в сложных жизненных ситуациях, требующих нравственного выбора, зависят от способности личности как субъекта практической деятельности и общения к нравственному самоконтролю. Содержание этой способности также раскрывает психологическое понятие совести: «Совесть – это способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать для себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков»³.

Указания совести имеют особенно важное значение в сложных, экстремальных жизненных ситуациях, требующих нравственного выбора одного из нескольких конкурирующих мотивов, имеющих личностную и общественную значимость. В подобных ситуациях человек, прежде чем отдать предпочтение тому или иному мотиву, тщательно, порой мучительно взвешивает их на весах своей совести и склоняется к тому мотиву, который зани-

¹ Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. – М.: Дело, 2000. – С. 179.

² См.: Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – С. 401.

³ Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985. – С. 325.

мает более высокое место в «табели о рангах» системы ценностных ориентаций личности, осуществляющей нравственный выбор с учетом общественной и личностной значимости каждого «взвешиваемого» мотива. У совестливого и мужественного человека, в системе ценностных ориентаций которого преобладают чувство долга, личной ответственности перед другими людьми, обществом, борьба мотивов завершается выбором нравственного достойного поступка.

Совесть имеет особенно важное значение в процессе рассмотрения в суде запутанных дел об убийствах и других опасных преступлениях, наказуемых смертной казнью, пожизненным лишением свободы или длительными сроками лишения свободы, т.к. выступает, прежде всего, в роли эмоционального стража соблюдения субъектами доказывания презумпции невиновности (в соответствии со ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК гласит о том, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; всякое неустранимое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого). Презумпция невиновности и вытекающие из нее нравственные и процессуальные правила только тогда реализуются в уголовном процессе, когда их соблюдение находится под неуспешным контролем совести субъектов доказывания.

На начальном этапе процесса доказывания вся попавшая в орбиту следствия текущая информация (сведения, фактические данные), имеющая значение для решения вопросов о виновности заподозренного человека, носит не достоверный, а вероятностный характер. В процессе доказывания эти вероятностные знания должны быть преобразованы в достоверные.

В связи с этим представляет интерес мнение А. Жиряева о том, что «психологический переход от вероятности к достоверности совершается через постепенное удаление из сознания исследователя говорящих против дей-

ствительности доказываемого факта оснований по мере открывающейся в данном случае их невероятности»¹.

Процесс доказывания, связанный с преобразованием вероятного знания по основным вопросам о виновности в достоверное, путем выдвижения и проверки версий и контрверсий, находится под неусыпным контролем человеческой совести, ее эмоциональных сигналов, оценивающих вероятности удовлетворения потребности в истине и справедливости. При доказывании в условиях не очевидности, при дефиците и противоречивости доказательств совесть помогает субъектам доказывания честно бороться с сомнениями в виновности подсудимого. Трудность правильного разрешения возникающих в процессе доказывания сомнений обусловлена тем, что, как отмечает М.С. Строгович, «не существует в общем виде каких-либо признаков, которые позволяли бы заранее определить, какое сомнение является разумным, а какое неразумным. Если судья неразумно сомневается, он с равным успехом может быть и неразумно уверен, убежден. Судит судья – реальный, живой человек, и ему нельзя сказать заранее, до вынесения приговора, что его сомнение неразумно, а уверенность в обратном была бы разумной. Что разумно, решают сами судьи»², руководствуясь указаниями своего здравого смысла и своей совести.

Сущность борьбы с сомнениями в процессе преобразования вероятностных знаний в достоверные знания по вопросам о виновности четко определил А.Ф. Кони: «В деле суда достоверность вырабатывается из правдоподобности и добывается последовательным устранением возникших сомнений. Благодетельный и разумный обычай, обратившийся почти в неписанный закон, предписывает всякое сомнение толковать в пользу подсудимого. Но какое это сомнение? Конечно, не мимолетное, непроверенное и соблазнительное по легко достигаемому при посредстве него решению, являющееся не

¹ *Жиряев А.* Теория улик. – Дерпт: Тип. Г. Лаакманна, 1855. – С. 82.

² *Строгович М.С.* Избр. труды. В 3 т. – Т. 3. Теория судебных доказательств. – М.: Наука, 1991. – С. 225.

плодом вялой работы ленивого ума и сонной совести, а остающееся после долгой, внимательной и всесторонней оценки каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности, в связи с личностью и житейской обстановкой обвиняемого. С сомнением надо бороться – и победить его или быть им побежденным так, чтобы, в конце концов, не колеблясь и не смущаясь, сказать решительное слово – «виновен» или «нет»¹.

Если возникают определенные гносеологические трудности при определении структуры категории «судейское усмотрение», то еще большие трудности возникают при определении его пределов. Проблема состоит, на наш взгляд в выделении количественных и качественных критериев, определяющих «зоны» процессуальной самостоятельности судьи. Такими критериями, представляется, выступают законность, обоснованность и справедливость приговора, рассмотренные нами в 1 главе настоящего исследования, как требования, предъявляемые к оправдательному приговору, и которые как раз устанавливают границы, пределы судейского усмотрения.

Резюмируя изложенное, кратко сформулируем выводы по данному параграфу:

1. Под судейским усмотрением следует понимать зоны процессуальной самостоятельности судьи, принимающего на основе доказательств и своего внутреннего убеждения, а также руководствуясь законом и совестью, окончательное решение по уголовному делу в соответствии с требованиями законности, обоснованности и справедливости, предъявляемыми к приговору и другим решениям по уголовным делам.

2. Внутреннее убеждение является элементом судейского усмотрения, который характеризует психологическую свободу судьи в процессе принятия ответственного решения по уголовному делу.

3. Ядром мотивационно-смысловой структуры личности судьи, принимающего процессуальное решение по уголовному делу, является его совесть

¹ Кони А.Ф. Избранные произведения: Статьи и заметки; Судебные речи; Воспоминания. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – С. 25.

как элемент судебного усмотрения, который выступает в качестве основы человеческого фактора в состязательном процессе.

4. Пределами судебного усмотрения являются законность, обоснованность и справедливость решения, т.е. требования, предъявляемые к приговору вообще и оправдательному, в частности, которые как раз и призваны ограничить процессуальную и психологическую свободу судьи.

2.2. Пределы судебного усмотрения при постановлении оправдательного приговора судом присяжных

Проблематика судебного усмотрения в настоящем параграфе исследуется применительно к ситуациям вынесения оправдательного вердикта судом присяжных, который в соответствии с п.4 ч.2 ст.302 УПК РФ является основанием для постановления судьей оправдательного приговора.

Проведенные нами исследования показали, что рассматриваемые судом присяжных уголовные дела приобретают все более широкий общественный резонанс. Все большее количество обвиняемых в России отдает предпочтение альтернативной форме судопроизводства – суду присяжных заседателей. И это не случайно.

Главная особенность этих судов – решающее непосредственное участие населения в осуществлении правосудия. Центральный вопрос уголовного дела – виновен ли подсудимый в преступлении? – решается в этом суде не постоянным (штатным) судьей-профессионалом, а местными гражданами, отобранными из находящихся в суде общего и запасного годовых списков путем случайной выборки, и включенными в состав суда, рассматривающего данное дело. Судья–профессионал руководит судебной процедурой и решает правовые вопросы: о квалификации преступления, наказании виновного и возмещении ущерба, причиненного преступлением. Результаты судебного разбирательства находят свое выражение в двух документах. Один из них – вердикт, т.е. ответы присяжных на вопросы, совершено ли преступление и

совершил ли его подсудимый. Второй документ – приговор, в котором постоянный судья решает вопросы, отнесенные к его ведению: о юридической квалификации действий подсудимого, о возмещении ущерба потерпевшему. В отличие от постоянных судей присяжные свободны от ведомственных и корпоративных влияний. Они не отчитываются за свои решения ни перед кем кроме собственной совести. Они поставлены перед необходимостью самим, без судьи, оставшегося за дверью совещательной комнаты, принимать решение о судьбе человека. Отсюда – и чувство ответственности, и постановление вердикта по внутреннему убеждению, т. е. по собственному разумению и по совести, хотя, на наш взгляд, эти категории более относятся к психологии и этике, чем к уголовному процессу. «Присяжным не свойственна и наблюдаемая у юристов-чиновников профессиональная деформация: склонность видеть в каждом обвиняемом преступника, недоверие к его показаниям, вызванное тем, что во многих предыдущих процессах показания обвиняемых оказывались ложными»¹.

Пределы усмотрения судьи права, конечно, необходимо рассматривать в контексте проблемы внутреннего убеждения присяжных, т.е. судей факта. Было бы методологически неверным разрывать эти проблемы. В формировании убеждения присяжных непосредственное, первостепенное значение имеет интуитивное, художественное восприятие доказательств и их интерпретация сторонами судебного состязания. Поэтому высокая квалификация государственного обвинителя – прокурора и защитника – это не только владение логикой, юриспруденцией, но и артистизм, способность апеллировать не только к разуму, но и чувствам присяжных. Отсюда изменчивость судебных ситуаций с любым вектором развития. Известный русский юрист П. Сергеич по этому поводу отмечал, «что если в деле есть акт осмотра пожарища, несомненно, был пожар; но если по протоколам два свидетеля заметили сильный запах керосина, не удивляйтесь, когда на судебном следствии один заявит,

¹ Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. – М., 1995. – С.4.

что никакого особенного запаха не было, а другой – что пахла тряпка, которой кухарка вытирала жестянку для керосина. Если в деле есть акт вскрытия женского трупа, нет сомнения, что женщина умерла, но если трое экспертов категорически доказали, что умершая не могла повеситься, не удивляйтесь тому, что трое других столь же решительно докажут присяжным противное и один или двое из числа первых согласятся с ними»¹.

Еще А.Ф. Кони по поводу нападок на присяжных за оправдательные приговоры при очевидной, казалось бы, доказанности вины подсудимого отмечал, что среди этих приговоров есть такие, с которыми нельзя согласиться, но нет таких, которые нельзя понять и объяснить. В ряде случаев оправданием подсудимого присяжные выражали осуждение потерпевшего, который своей агрессивностью и жестокостью, как говорят криминологи – виктимным поведением, спровоцировал насилие со стороны подсудимого. Некоторая часть оправдательных приговоров была обусловлена информационной неопределенностью в ходе судебного разбирательства. Закон не только отстранял присяжных от обсуждения вопроса о виде и размере наказания, но даже запрещал коронным судьям и сторонам уведомлять их о том, какое наказание предусмотрено за деяние, приписываемое подсудимому. Поэтому некоторые оправдательные вердикты были вызваны опасением присяжных, подчас ошибочным, что их обвинительный вердикт мог бы повлечь несправедливо суровое наказание².

Чрезмерно оптимистическим было бы, однако, представление, будто с введением суда присяжных достигнуто идеальное решение проблем правосудия. Судебно-правовая реформа порождает новые проблемы, изменяя критерии эффективности работы всех участников уголовного судопроизводства. По делам, рассматриваемым присяжными, требуется иное, значительно более высокое качество расследования, обвинения, защиты, руководства судебным

¹ *Сергеич П.* Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 1998. – С.81.

² См.: *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред.: В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит., 1966-1969. – Т.1. – С. 389-390; Т.4. – С. 279.

разбирательством, а значит, необходимость повышения квалификации, корректировки подхода к своей работе следователей, прокуроров, адвокатов, судей.

В связи с этим среди процессуалистов уже давно ведутся дискуссии о том, гарантирует ли суд присяжных отсутствие ошибок при осуществлении правосудия. При этом ставится вопрос об эффективности суда присяжных с точки зрения достижения целей правосудия, определяемых как правильное разрешение уголовных дел, в сопоставлении с теми затратами материальных и социальных ресурсов, каких требует данная форма судопроизводства.

Как известно, вердикт присяжными не мотивируется. По этой причине он не может быть оспорен по существу, что налагает определенные ограничения на обжалование приговоров суда присяжных в кассационной инстанции и весьма ограничивает «зону» усмотрения судьи права, хотя «... вынесением вердикта по вопросам, относящимся к компетенции присяжных, роль последних исчерпывается. Они не принимают участия в обсуждении и разрешении вопросов о квалификации деяния и назначении наказания. Таким образом, в суде присяжных четко разграничивается компетенция профессиональных и непрофессиональных судей при осуществлении правосудия. В подобных условиях удастся избежать влияния профессиональных установок и предубеждений на сознание присяжных в процессе принятия ими решения. Этим обеспечиваются свобода при выработке внутреннего убеждения и подлинная независимость»¹.

Безусловно, суд присяжных является кульминацией развития состязательного типа уголовного судопроизводства. Сложная архитектура и процедура исследования доказательств в подобном суде чрезвычайно повышают требования к качеству материалов предварительного расследования. Нарушения закона, допущенные в процессе собирания доказательств при расследовании преступлений, ведут к тому, что недопустимые доказательства в со-

¹ *Ветрова Г.Н.* Суд присяжных и проблемы уголовного судопроизводства // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право. – 1999. – №3. – С.17.

ответствии со ст.75 УПК РФ исключаются в ходе судебного разбирательства, вследствие чего обвинение признается недоказанным и присяжные выносят оправдательный вердикт. Именно в этом, на наш взгляд, заключается основная причина большего по сравнению с обычным судопроизводством числа оправдательных приговоров, выносимых судом присяжных. Кроме того, закон весьма ограничивает возможность суда присяжных восполнить пробелы материалов предварительного расследования. Очевидно, что жестко формализованная процедура судебного разбирательства не позволяет проводить здесь даже такие декларированные законом судебно-следственные действия, как осмотр местности и помещения (ст.287 УПК), следственный эксперимент (ст.288 УПК), предъявление для опознания (ст.289 УПК), освидетельствование (ст.290 УПК).

С учетом сказанного трудно согласиться с учеными–юристами, которые полагают, что ст.335 УПК, предоставляя право присяжным заседателям активно участвовать в собирании, проверке и оценке доказательств путем постановки вопросов подсудимому, потерпевшему, свидетелям, эксперту после того, как они будут допрошены сторонами, отрицательно влияет на их объективность и беспристрастность, на возможность обеспечения всестороннего и полного исследования обстоятельств дела¹.

Представляется, что полномочия присяжных по участию в судебном следствии и без того необоснованно ограничены тем, что вопросы допрашиваемым лицам они могут задавать только в письменном виде и только с разрешения председательствующего судьи. Эти вопросы формулируются председательствующим и могут быть им отведены как не относящиеся к предъявленному обвинению. Однако он не всегда может догадаться о тех фактических основаниях, которые лежат в основе их вопросов к допрашиваемым лицам и вердикта. Одновременно закон лишает суд возможности исправлять следственные ошибки, запрещая направление уголовного дела на дополни-

¹ См.: *Ершов В.В., Халдеев Л.С.* Проблемы рассмотрения уголовных дел судом присяжных // Гос-во и право. – 1994. – № 2. – С. 78.

тельное расследование, а это не дает возможности исследовать в ходе судебного разбирательства новые обстоятельства, указывающие на совершение подсудимым более тяжкого преступления. Кроме того, у судей фактически нет возможности исправить ошибки судей права, которые иногда совершаются ими при организации процесса в суде присяжных.

Так, в судебной практике описан случай, когда вопреки ст. 449 УПК РСФСР председательствующий по уголовному делу в отношении Ермакова, обвиняющегося по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР, не поставил перед присяжными три необходимых вопроса, а сформулировал вопрос так: «Виновен ли Ермаков в изнасиловании потерпевшей в извращенной форме?» Но такой вопрос является правовым и в соответствии со ст. 435 УПК РСФСР относится к компетенции профессионального судьи. Таким образом, незаконные и необоснованные действия председательствующего создали реальные условия для постановления незаконного, необоснованного и несправедливого приговора¹.

В итоге в арсенале суда остаются только два процессуальных решения по существу дела: либо прекращение производства по уголовному делу, либо постановление оправдательного приговора. Представляется, что оправдательный вердикт присяжных в такой ситуации – «блестящая» возможность судьи права переложить бремя ответственности за принятое решение по существу дела на судей факта.

Этому способствует и установленная законодателем процедура роспуска коллегии присяжных как дополнительная гарантия законного и справедливого приговора.

В соответствии с законом процедура роспуска коллегии присяжных заседателей предусмотрена только в двух случаях:

1. Ввиду тенденциозности состава присяжных заседателей до приведения их к присяге (ст.330 УПК РФ). Например, по уголовным делам об

¹ См.: Пищальникова В.А. Психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных заседателей. – Барнаул, 1998. – С.33.

изнасиловании в коллегии оказались одни мужчины или одни женщины, что ставит под сомнение объективность будущего вердикта. Отметим, что уже при формировании коллегии присяжных могут создаваться условия для постановления незаконного, в том числе оправдательного, приговора. В юридической литературе такие судебные прецеденты получили название «рандомизированных судебных ситуаций» от английского слова «random – случайный», т.е. с ярко выраженным и присущим любой жеребьевке игровым началом¹.

Так, при рассмотрении судом присяжных Алтайского краевого суда уголовного дела по обвинению Сыропятова в совершении изнасилования и убийства, предусмотренных ч.1 ст.117 и п.п. «е», «и» ст. 102 УК РСФСР, была сформирована коллегия присяжных из 12 женщин и 2 мужчин. Защитник и подсудимый сделали заявление о тенденциозности коллегии, в результате чего судья в соответствии со ст. 441 УПК РСФСР распустил ее своим постановлением. Были приглашены еще 30 присяжных – 16 женщин и 14 мужчин. В результате жеребьевки состав коллегии распределился следующим образом – 10 женщин и 4 мужчины. Подсудимый вновь заявил, что коллегия в таком составе не способна вынести объективный вердикт, т.к. в силу женской солидарности будет сочувствовать потерпевшей. Судья, вторично рассмотрев заявление, нашел, что мотив отвода всему составу коллегии присяжных заседателей предположителен. Сыропятов предполагает, что коллегия по признаку пола не может быть объективной. Такой мотив для отвода является необоснованным ввиду его предположительности. Кроме того, мужчины в коллегии присутствуют, поэтому сомнений в объективности присяжных у других участников процесса не возникает. Исходя из этого, судья нашел заявление о тенденциозности присяжных необоснованным и в ходатайстве о роспуске коллегии отказал. Здесь закономерен вопрос о мотивированности такого решения судьи. По нашему мнению, мотив судьи был предельно

¹ См.: Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде.– Барнаул, 2000. – С. 36.

прост – предположение того, что результаты следующей жеребьевки будут еще хуже. Это и определило пределы судейского усмотрения в описанном примере¹.

2. В случае, когда обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора (ч.5 ст.348 УПК). Очевидно, что во всех ситуациях вынесения оправдательного вердикта судья права лишен и этой возможности – исправить судебную ошибку коллегии присяжных заседателей.

Возвращаясь к проблеме судейского усмотрения, полагаем, в качестве одного из основных критериев, устанавливающих пределы усмотрения судей права и факта в суде присяжных, выступает обоснованность приговора.

Обоснованность приговора – это прежде всего выводы, имеющие в качестве основания надежную платформу из допустимых доказательств, достоверно устанавливающих фактические обстоятельства по делу.

Надо признать, что состязательность имеет не только сильные стороны, которые проявляются, когда речь идет о разграничении функций в процессе, о равенстве прав сторон в отстаивании ими своих интересов перед судом. Состязательность сама по себе еще не гарантирует правильного по существу решения вопроса о виновности. Слово «состязательность» близко по смыслу со словами «соревнование», «соперничество», «противоборство», в которых выигрывает сильнейший соперник. Такое положение не всегда может быть оправдано в юридическом или нравственном аспектах. Гарантия защиты интересов личности в уголовном судопроизводстве заключается в определенном сочетании принципа состязательности с требованиями установления объективной истины, от которой законодатель, по нашему мнению, преждевременно отказался как цели доказывания. Так называемая «чистая» состязательность ставит под угрозу справедливое разрешение дела по существу. Компромиссный вариант здесь просто неизбежен.

¹ См.: *Гавло В.К., Воронин С.Э.* Указ.соч. – С.36-37.

Не случайно, что присяжных называют судьями факта. В числе возражений против суда присяжных высказывалось и то, что в ходе судебной деятельности нельзя строго разграничить вопросы, относящиеся к фактической стороне деяния, и собственно правовые вопросы. Поэтому присяжные в отдельной от профессионального судьи коллегии не смогут разобраться во всех сложностях дела и разрешить вопрос о виновности, который, строго говоря, скорее вопрос права.

Вопросы факта, как они обычно именуется, – это вопросы о тех фактических обстоятельствах реальной жизни, которые совпадают с признаками конкретной нормы Уголовного кодекса. Формулируются вопросы, позволяющие выявить наряду с объективной стороной состава преступления и конкретную форму вины, наличие мотивов, если он предусмотрен в качестве обязательного элемента состава преступления. Причем все вопросы формулируются без употребления юридических терминов и потому вполне доступны пониманию присяжными заседателями. Практика рассмотрения дел с участием присяжных показала, что, если вопросы сформулированы ясно, четко, в определенной логической последовательности, то они не представляют сложности для присяжных. Ответы, данные на них, позволяют профессиональному судье квалифицировать деяние по соответствующей статье УК РФ.

Основным вопросом, который разрешают присяжные, является вопрос о виновности. На него дается ответ при утвердительных ответах о доказанности деяния и совершении его подсудимым. Это вопрос не о вине лица как элементе состава преступления, а в целом о том, подлежит ли лицо уголовной ответственности. Доказанность обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях подсудимого вины в качестве элемента состава преступления, не предрешает для присяжных вывода о виновности указанного лица. Здесь в практике суда присяжных отмечены интересные прецеденты: были вынесены вердикты, в которых присяжные на вопрос о виновности отвечали отрицательно, признавая вместе с тем доказанными все фактические обстоятельства совершенного преступления, в том числе и обстоятельства, характе-

ризующие наличие конкретной вины лица (по имевшим место делам присяжные признавали доказанным намеренный характер действий, что свидетельствовало о прямом умысле). При этом сами подсудимые часто признавали свою вину.

Например, получил известность приговор суда присяжных по делу Краскиной, вынесенный Ивановским областным судом. Присяжные, признав доказанными фактические обстоятельства преступления, т.е. то, что Краскина заранее приготовленным ножом нанесла один удар Смирнову в шею, от чего последовала его смерть, на вопрос о виновности Краскиной ответили: «Невиновна». В журнале «Российская юстиция» были опубликованы и приговор суда, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных, и определение Кассационной палаты, не усмотревшей оснований для отмены данного приговора, поскольку он постановлен без нарушений законодательных норм¹. Приведенный случай – не единственный. В Ростовском областном суде присяжными были вынесены два аналогичных вердикта: по делу Панчишкина и Филиппова и по делу Текунова². Верховный Суд РФ, пересматривая такие приговоры по кассационным протестам, занял позицию, в соответствии с которой присяжные имеют право ответить отрицательно на вопрос о виновности и тогда, когда они утвердительно ответили на вопросы, касающиеся доказанности всех обстоятельств совершенного деяния.

С профессиональной, юридической точки зрения закону соответствовал бы вывод именно о виновности, потому что в деянии признаны доказанными все признаки состава преступления. Доказанность фактических обстоятельств, которые совпадают с признаками состава преступления, логически подводит к выводу о виновности, что означает возложение на лицо уголовной ответственности за деяние, им совершенное. Но в суде присяжных судит

¹ Суд присяжных: возвращение в Россию // Российская юстиция. – 1995. – №8. – С. 4-7.

² См.: *Золотых В.В.* Каким быть российскому суду присяжных по новому УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы. – М., 1997. – С. 183.

народ в лице своих представителей. Решение вопроса о виновности они не воспринимают как чисто юридическую задачу. Их вывод о виновности – это не юридическая оценка деяния, а скорее его социально-нравственная оценка, оценка с позиций того, представляет ли при данных конкретных обстоятельствах деяние, совершенное подсудимым, и сам подсудимый общественную опасность, в связи, с чем он и должен нести уголовную ответственность.

Вывод присяжных о виновности или невиновности в конкретной ситуации основывается не только на законе, который им разъясняет председательствующий в напутственном слове, но во многом на нравственных оценках, на их собственном понимании справедливости и общественной опасности тех или иных действий. Краскина была оправдана ими в том, что убила своего сожителя, который долгие годы издевался над ней. Аналогичные ситуации возникают, когда присяжные склонны быть снисходительными к подсудимым, оказавшимся в трагических обстоятельствах, которые сыграли определенную роль в мотивации преступного поведения. Оправдательные вердикты присяжных при указанных обстоятельствах следует рассматривать в качестве нормального исхода правосудия, осуществляемого судом присяжных. Это своего рода милосердие по отношению к подсудимому, особая милость, которую может оказать только народ, если он является судьей. Такой народ и есть «суд общественной совести», как часто в литературе характеризуют суд присяжных.

Следует заметить, что согласно тексту присяги присяжные заседатели обязуются «разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку» (ч.1 ст. 332 УПК РФ). В процитированном тексте требование разрешать дело на основе закона отсутствует. Отрицать право присяжных на оправдание по совести, а не по закону – значит ограничивать их внутреннюю свободу при разрешении дела. Даже профессиональные судьи, для которых нет ничего иного, как судить по закону, признают за присяжными право на подобное проявление милосердия.

Указанная проблема не нова, она возникла вместе с появлением суда присяжных. Такого рода оправдательные вердикты были нередки в России после введения суда присяжных в соответствии с судебной реформой 1864 г. и вызывали резкую критику. Отрицательно относился к возможности выносить оправдательный вердикт не на основе закона, а на основе суждений по совести И.Я. Фойницкий, хотя он высоко оценивал суд присяжных как справедливую и демократическую форму правосудия. И.Я. Фойницкий видел большую опасность для общества в том, что одни судьи судят только по закону, а другие – только по совести¹.

Новым уголовно-процессуальным законодательством в отличие от УПК 1960 г. предусмотрено основание для постановления оправдательного приговора в случаях, если в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

Согласно регламентации производства в суде присяжных присяжные заседатели не участвуют в выборе меры наказания. Но возможность влиять на приговор в этой части они получили, высказывая мнение о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения. При этом закон устанавливает специальные правила назначения наказания судьей. Однако закон не указывает оснований для решения вопроса о снисхождении присяжными. Очевидно, обстоятельства, влекущие снисхождение, не могут быть конкретизированы, так как основание для снисхождения может быть найдено при оценке любых обстоятельств совершения преступления: обстановки, времени, места, ситуации, предшествующей преступлению; поведения подсудимого до и после совершения преступления и т.д. – здесь возможно самое широкое усмотрение присяжных. Вместе с тем в законе четко изложены последствия при назначении наказания подсудимому, заслуживающему снисхождения присяжных (ст.65 УК РФ и ст.349 УПК РФ). Признание лица заслуживающим снисхождения

¹ См.: *Ветрова Г.Н.* Суд присяжных и проблемы уголовного судопроизводства // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право.* – 1999. – №3. – С. 26.

может повлечь для него наказание более мягкое, чем предусмотрено за данное преступление санкцией уголовной нормы.

Однако запрет (содержащийся в ч.8 ст.335 УПК РФ) на исследование в присутствии присяжных обстоятельств, относящихся к характеристике личности подсудимого, если только они не связаны с обстоятельствами совершения преступления, создает определенные сложности при решении этого вопроса. Практике известны случаи, когда присяжные высказывались за снисхождение в отношении лиц, неоднократно судимых за тяжкие преступления, судимость которых не была снята или погашена. А впоследствии, узнав об этом факте, были разочарованы своим решением. Нельзя отрицать, что часто вопрос о снисхождении во многом решается по впечатлению, которое могут произвести на присяжных подсудимый и его защитник.

Однозначно не может быть решен вопрос о том, в какой мере в присутствии присяжных должны исследоваться обстоятельства, относящиеся к личности подсудимого. Некоторые ограничения оправданы, поскольку проистекают из опасения создать у присяжных предубеждение против подсудимого. Но справедливое решение вопроса о виновности не может не учитывать личностных характеристик, и далеко не все может быть выяснено в рамках обстоятельств совершенного преступления.

Самое уязвимое место в производстве суда присяжных – это немотивированность вывода о виновности, так как весь путь, каким присяжные пришли к выводу о виновности либо о невиновности подсудимого, остается неизвестным. Как они разрешили проблему противоречивых сведений, какие доказательства признали достоверными и почему – не представляется возможным узнать, а, следовательно, и проверить обоснованность суждений присяжных. Отсюда невозможность обжаловать вердикт по мотиву его необоснованности.

Закон устанавливает контроль председательствующего судьи за обвинительным вердиктом присяжных. Судья может не согласиться с обвинительным вердиктом, если он придет к выводу о том, что имеются основания

для постановления оправдательного приговора (ч.5 ст.348 УПК). Например, если судья признает, что по делу не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления, то, несмотря на утвердительные ответы присяжных по этим вопросам, он выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направляет дело на новое рассмотрение в ином составе суда со стадии предварительного слушания. Таким образом, судья отвергает вердикт, если он иначе, чем присяжные заседатели, оценивает доказательства. При этом постановление судьи не подлежит обжалованию в кассационном порядке.

Уважение к вердикту присяжных, к их роли при осуществлении правосудия должно поддерживаться и с помощью соответствующих законодательных положений. Усмотрение судьи при его несогласии с вердиктом можно ограничить требованием: обосновать и мотивировать свое несогласие. Однако логичнее будет ситуация, если председательствующий получит возможность оценить доводы, лежащие в основе вердикта. По-видимому, было бы целесообразно, чтобы присяжные излагали доводы, на основе которых они пришли к окончательному решению. Это представляется особенно важным, когда решение принимается не единогласно, а большинством голосов с небольшим перевесом, например 7 против 5. Тогда судья мог бы обоснованно отвергнуть ошибочный обвинительный вердикт.

Уважение мнения судей требует, во всяком случае того, чтобы судья не просто не согласился с нашедшими отражение в вердикте коллегии присяжных оценкой доказательств и установленными на их основе выводами, а, ссылаясь на доводы присяжных, пришедших к ошибочным выводам о виновности подсудимого, мог бы обоснованно не согласиться с вердиктом. Данное решение проблемы возможного ошибочного обвинительного вердикта представляется нам наиболее удачным.

Здесь необходимо обратить внимание на проблему рассмотрения с участием присяжных дел о преступлениях несовершеннолетних. Принимая во внимание рекомендации, содержащиеся в международных документах (в ча-

стности, в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, от 10 декабря 1985 г.), по нашему мнению, необходимо отказаться от такой формы судопроизводства для несовершеннолетних по следующим основаниям:

1. Суд присяжных предполагает проявление наибольшей гласности. При производстве по делам несовершеннолетних она неуместна и с точки зрения психологического самочувствия несовершеннолетнего во время судопроизводства, и с позиций возможности будущей ресоциализации личности. По оценкам социальных психологов, гласное судопроизводство затрудняет в будущем процесс социальной адаптации подростка.

2. Форма производства по делам несовершеннолетних должна быть понятной для ее восприятия подростками и создавать возможность для их активного участия в процессе. Слишком большое количество судей (в нашем случае это 12 комплектных и присутствующие здесь же 2 запасных присяжных заседателя), а также сложная процедура разбирательства может психологически восприниматься несовершеннолетним как «публичное судилище» и отразиться в его сознании так, словно все окружающие настроены против него, что затрудняет участие несовершеннолетнего в процессе, сковывает его активность, препятствует контактам в ходе допроса.

3. Исчерпывающе полное выяснение обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, составляет важнейшую особенность производства по делам несовершеннолетних. Ни на одном из этапов разрешения дела судом, в том числе на этапе решения вопроса о виновности, неприемлемы ограничения в исследовании указанных обстоятельств.

С учетом изложенного, по нашему мнению, для производства по делам несовершеннолетних в большей степени подойдет форма коллегиального суда из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

По сложным, запутанным делам установить достаточное количество доказательств, свидетельствующих либо о несомненной виновности, либо о

несомненной невинности, не всегда удается по объективным причинам. Дело в том, что преступление как событие прошлого может быть познано (раскрыто) только опосредованным путем – на основании совокупности следов, в которых отобразились признаки, свойства, факты расследуемого события и причастных к нему лиц. Однако очевидно, что «след события всегда фрагментарен и неполно характеризует событие, его оставившее... обязательно найдутся свойства событий, которые будут отсутствовать в совокупности соответствующих следов. «Отсутствовать» в смысле невозможности обоснованно утверждать ни то, что эти свойства были, ни то, что их не было»¹.

В таких нестандартных ситуациях, в которых переход вероятностного (сомнительного или правдоподобного) знания в достоверное невозможен по объективным причинам, на «авансцену» принятия решения в суде присяжных выходит совесть. Совесть не только подсказывает субъектам доказывания, что они имеют моральное право признать себя побежденными возникшим у них сомнением в виновности заподозренного человека, но и напоминает им, что в соответствии с презумпцией невинности они юридически обязаны оправдать его, даже если им кажется, что более справедливым является обратное.

В суде без участия присяжных заседателей более «убедительными» становятся правдоподобные доводы обвинителя, поскольку сформировавшаяся у председательствующего и двух судей под влиянием изучения материалов дела обвинительная установка предрасполагает его к тому, что он, сам того не замечая, уделяет повышенное внимание доводам обвинителя.

Совершенно другая обстановка в суде присяжных, в котором 12 народных представителей самостоятельно решают вопросы о виновности, не знакомясь с материалами уголовного дела. Это побуждает их внимательно, пыт-

¹ Анисимов А.М. О специфике познания прошлого // Познание возможности: Тезисы международной науч.-практич. конференции. – М., 1994. – С. 187.

ливо и всесторонне оценивать доказательства, критически анализировать содержание речей адвоката и прокурора.

Однако у этого процесса есть и обратная сторона. Как показывает судебная практика, совесть присяжных заседателей, являясь весьма неконкретным мерилom справедливости и обоснованности приговора, иногда может стать причиной сложной проблемной ситуации, противоречащей не только задачам уголовного судопроизводства, но и всем традиционным представлениям общества о долге, чести и справедливости.

Примером такой проблемной ситуации может служить уголовное дело, возбужденное по ч.2 ст. 317, ч.2 ст. 222 УК РФ в отношении Ермохина А.А. и Чулкова В.С. Органами предварительного следствия Ермохину и Чулкову было предъявлено обвинение в посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов Ефремова, Некрасова и Мясникова в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Так, 10.09.1999 г. около 21 часа 30 минут к подъезду дома 40 по ул. Мерлина г. Бийска Алтайского края, где на первом этаже расположен пункт охраны общественного порядка Восточного РОВД, в котором находились участковые инспектора милиции на двух автомобилях подъехали Чулков и Ермохин. Последний взял с собой карабин «Сайга –20К» и зашел в подъезд дома, где в этот момент его увидел участковый инспектор Мясников, который принял карабин, из-за его внешней схожести, за автомат. О факте появления в жилом доме человека с оружием Мясников сообщил своим сослуживцам на опорном пункте милиции. В целях выяснения причины ношения огнестрельного оружия и обстоятельств появления с ним на улице и в доме, Ефремов представился и потребовал документы у Ермохина, последний с целью противодействия сотрудникам милиции произвел выстрелы из карабина в Ефремова, а Чулков причинил ножевые ранения участковым милиционерам Ефремову, Мясникову и Некрасову, впоследствии от совокупности полученных ранений наступила смерть Ефремова. Ермохину помимо того органами предварительного след-

ствия было предъявлено обвинение в незаконном приобретении, передаче, хранении, перевозке и ношении огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенных группой лиц по предварительному сговору с Чулковым. Уголовное дело вызвало большой общественный резонанс. Оно рассматривалось на выездной сессии Алтайского краевого суда с участием коллегии присяжных заседателей, сформированной из жителей г. Бийска. Судебное заседание продолжалось более 2 недель, присяжные заседатели признали доказанным, что выстрелы с причинением огнестрельных ранений в Ефремова произвел Ермохин, а удары ножом Ефремову, Мясникову и Некрасову, с причинением телесных повреждений, нанес Чулков. При этом коллегия присяжных заседателей признала Ермохина и Чулкова не виновными в совершении вышеизложенных действий, приняв версию Чулкова и Ермохина, согласно которой они защищались от совершенного на них нападения, что послужило основанием для оправдания как Ермохина, так и Чулкова за отсутствием в их деянии состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ. Кроме того, отрицательные ответы коллегии присяжных заседателей на вопросы о доказанности действий Ермохина по обращению с двумя патронами калибра 5,6 мм и 7,62 мм к боевому оружию «Сайга – 20К» послужили основанием для оправдания Ермохина за недоказанностью его участия в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 222 УК РФ. Однако в ходе судебного разбирательства присяжные заседатели повели себя неадекватно и подвергли сомнению все основные обвинительные доказательства по уголовному делу. На основании вердикта 29.03.2001 г. судья постановил оправдательный приговор в отношении Ермохина и Чулкова.

Спустя год, 23.04.2002 г., Ермохин и Чулков вновь предстали перед судом. На этот раз судебное разбирательство состоялось в Алтайском краевом суде с участием коллегии присяжных заседателей, сформированной из жителей г. Барнаула. Вскоре от них поступило обращение к председателю Алтайского краевого суда о том, что в отношении каждого из присяжных были совершены попытки подкупа и шантажа в целях изменить судебное решение в

пользу Ермохина и Чулкова. В результате проведенной операции правоохранными органами был задержан житель г. Бийска Д., который сознался, что применил, и весьма успешно, тактику шантажа в отношении всех присяжных заседателей также и по делу об убийстве участкового инспектора милиции Ефремова. Оправдательный приговор от 29.03.2001 г. в порядке надзора был отменен, Ермохин и Чулков результате нового судебного рассмотрения были осуждены соответственно к 13 и 16 годам лишения свободы, Д. – к 2 годам лишения свободы по ч.1 ст. 294 УК РФ за «воспрепятствование осуществлению правосудия»¹.

Приведенный выше пример наглядно иллюстрирует нестандартную нравственно-конфликтную ситуацию, при которой в ходе судебного разбирательства присяжными заседателями откровенно попираются нормы морали и этики, а соблюдение нравственных или, как их еще называют ученые-процессуалисты, духовных начал уголовного судопроизводства становится невозможным. О каком справедливом и обоснованном приговоре в этом случае может идти речь? Поэтому представляется не случайным, что законодатель в главе 42 УПК РФ уделяет столь пристальное внимание подробной регламентации процессуальной формы, а тенденциозность коллегии присяжных заседателей в соответствии со ст. 330 УПК РФ является самым серьезным основанием для ее роспуска.

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать вывод, что при разрешении дела в нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях главным психологическим барьером, препятствующим формированию у присяжных внутреннего убеждения «по совести» о виновности подсудимого, их нравственно-психологической готовности вынести обвинительный вердикт при наличии в деле серьезных улик, является обусловленное неполнотой дела, дефицитом и (или) противоречивостью доказательств, неправильной последовательностью их разработки состояние субъективной неуверен-

¹ Уголовное дело №2-26/ 2001 // Архив Алтайского краевого суда за 2001 г.; уголовное дело №2-05/ 2002 // Архив Алтайского краевого суда за 2002 г.

ности. Оно эмоционально ощущается присяжными как чувство тревожного сомнения и страха осудить невиновного человека, что нравственно психологически предрасполагает их к вынесению оправдательного вердикта. Этот психологический барьер представляет собой труднопреодолимый для обвинения своеобразный «бастион сомнений и страха», хорошо укрепленный и совокупным интеллектуальным, и нравственным потенциалом здравого смысла и совести 12 присяжных заседателей, и их присягой, и напутственным словом председательствующего.

В процессе разрешения рассматриваемых в суде сложных уголовных дел нередко возникают нестандартные проблемные ситуации, когда формальная юридическая правда противоречит житейской правде (нравственной правде), налицо конфликт права и морали. Правильное и справедливое разрешение подобных нравственно-конфликтных ситуаций возможно только в суде присяжных.

Л.Е. Владимиров писал: «общественная... совесть под справедливостью как целью уголовного правосудия понимает истую, нравственную справедливость, при которой вникают и в основательность, разумность карательного закона, и жизненную правду приводимых виновником оправданий»¹.

При рассмотрении и разрешении уголовного дела по вопросам о виновности в сложных нравственно-конфликтных ситуациях присяжные, прежде всего, стараются понять, насколько основателен, разумен, нравственно справедлив уголовный закон, карающий подсудимого. Если этот закон предусматривает ответственность за деяния, не представляющие общественной опасности, или неразумную санкцию, несоразмерную общественной опасности определенного деяния, совесть присяжных заседателей реагирует на эту форму социальной несправедливости оправдательными вердиктами, побуждающими законодателя скорректировать уголовный закон, привести его в соответствие с требованиями жизни: пересмотреть санкцию в сторону смягче-

¹ Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. – С. 34.

ния или вообще отменить уголовную ответственность за данный вид деяния, переведя его в разряд административных правонарушений.

По свидетельству А.Ф. Кони, «многими из своих оправдательных, систематически повторяющихся приговоров присяжные заседатели сослужили службу законодательству, указав ему на противоречие жизни с требованиями закона. Так было с паспортами, так было с некоторыми видами краж. Так делается и теперь по наболевшему вопросу о несовершеннолетних преступниках»¹.

Если же действующий закон не противоречит требованиям жизни, существующим в обществе представлениям о справедливом наказании, при решении вопроса о виновности совесть и здравый смысл подсказывают присяжным, чтобы они, «основываясь исключительно на «убеждении своей совести» и памятуя свою великую нравственную ответственность, наполнили... промежуток между фактом и виной... соображениями, в силу которых подсудимый оказывается человеком виновным или невиновным»².

При этом они особенно тщательно взвешивают жизненную правду приводимых подсудимым и его защитником оправданий, вникают в те бытовые и нравственно-психологические обстоятельства, которые подтолкнули подсудимого к совершению рассматриваемого общественно опасного деяния, и с учетом всех этих конкретных обстоятельств определяют, справедливо ли признать подсудимого виновным со всеми вытекающими из такого признания последствиями, в том числе с необходимостью отбывать предусмотренное уголовным законом наказание. Вместе с тем нельзя не признать, что в тех случаях, когда «преступное состояние подсудимого» детерминировано совокупностью неблагоприятных общественных, бытовых, психофизиологических и других не зависящих от подсудимого движущих сил, приведших его к преступлению, то взаимодействие этих факторов, если личность подсудимо-

¹ Кони А.Ф. За последние годы: Судебные речи (1888-1896 г.): Юрид. сообщения и заметки: Воспоминания и биограф. очерки: Приложения / А.Ф. Кони. – 2-е, доп. изд. – СПб.: Тип. Суворина, 1898. – С. 357.

² Там же. – С. 357.

го в целом характеризуется положительно, может существенно снижать степень его виновности, опуская ее до того предельно низкого уровня, за которым дальнейшее уголовное преследование, уголовное наказание теряет социальный смысл. Но поскольку все эти социально бессмысленные последствия наступают только после формального признания виновности подсудимого, то присяжные в подобных ситуациях, нередко не вменяют подсудимому вину по нравственным соображениям и выносят ему оправдательный вердикт.

Однако и в прошлом, и сейчас «милостивые» оправдательные вердикты присяжных не вызывали и не вызывают всеобщего энтузиазма, потому что среди лиц, оправданных по нравственным основаниям, по мотиву нецелесообразности, бессмысленности дальнейшего уголовного преследования, были и те, кто умышленно совершил убийство или другое опасное преступление.

Так, Московским областным судом в 1996г. рассматривалось уголовное дело по обвинению Фролова В.А. в убийстве с особой жестокостью своей двадцатилетней дочери. Из фабулы дела: 16.06.1995 г. 45 летний Фролов, преподаватель физкультуры в средней школе г. Орехово-Зуево, перебирая личные вещи своей дочери - студентки, обнаружил 2500 долларов. Решив самостоятельно прояснить ситуацию с деньгами, Фролов стал следить за дочерью. Вскоре выяснилось, что она занимается проституцией и, кроме того, принимает участие в съемках порнофильма под «крышей» московской коммерческой фирмы. Дождавшись вечером возвращения дочери домой, Фролов нанес ей более 50 беспорядочных ножевых ранений, причинив смерть. Суд присяжных Московского областного суда вынес в отношении Фролова оправдательный приговор¹.

В нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях, например, когда подсудимый признает свою причастность и виновность в совершении преступления, но заявляет, что действовал не по злой воле, а под давлением

¹ Уголовное дело №2-103/97 // Архив Московского областного суда за 1997 г.

не зависящих от него внешних обстоятельств, безнравственных и противозаконных действий потерпевшего, защищая от его глумления и преступных посягательств свои жизнь, здоровье, честь и человеческое достоинство. Такие оправдательные вердикты, небыстречные с точки зрения абстрактной правовой нормы, трудно признать неправильными с точки зрения лежащих в основе права общечеловеческих представлений о добре и справедливости, особенно если учесть, что именно потерпевшие своим откровенно наглым, дерзким, вызывающим поведением, унижающим честь и достоинство подсудимого как человека, мужчины, супруга или отца, довели его до того критического, несчастного состояния, в котором даже добропорядочный и законопослушный человек плохо контролирует свое поведение, временно теряет способность к нравственной саморегуляции и самоконтролю в соответствии с требованиями общества и закона, становится в определенной степени нравственно невменяемым, не способным отдавать себе отчет в совершаемых нетипичных для него насильственных действиях¹.

Поэтому не случайно, что в суде присяжных, в отличие от других форм судебного разбирательства, не выясняются личные качества подсудимого и потерпевшего. Полагаем, это позволяет сосредоточить внимание присяжных заседателей не на личности подсудимого, а на оценке ситуации преступления. Однако сложная процедура судебного разбирательства здесь может также стать причиной проблемных ситуаций, связанных с реализацией принципа состязательности в суде.

Дело в том, что защита имеет право протестовать против вопросов стороны обвинения, направленных на выяснение негативных качеств личности подсудимого, и председательствующий обязан такие вопросы снимать. Но такой запрет действует только до тех пор, пока защита не выясняет положительные стороны подсудимого. В этом случае обвинение уже вправе задавать вопросы и приводить факты, свидетельствующие об обратном. Точно так же

¹ См.: Дружинин В.В. Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях. – Минск: Изд-во Минского ун-та, 1985. – С. 6.

прокурор имеет право протестовать против вопросов, направленных на компрометацию потерпевшего, но это правило действует лишь до тех пор, пока обвинение само прибегнет к выяснению положительных сторон личности потерпевшего, что, естественно, приводит к возможности опровержения этих фактов.

Гуманистическая совесть и здравый смысл присяжных подсказывает им, что в период этого нравственного «затмения» униженный и оскорбленный человек едва ли способен по настоящему правильно и свободно избрать наиболее разумный вариант поведения в экстремальной ситуации, вызванной самими потерпевшими¹.

По мнению А.М. Бобрищева-Пушкина, при разрешении дел в подобных нравственно-конфликтных ситуациях «совершенно неустранимо действие... общего судебного закона, по которому и коронные, и присяжные судьи, решая по совести, вопрос о виновности, решают на самом деле вопрос о наказуемости. Мнительные умы склонны видеть в этом узурпацию и потрясение основ правосудия; но первое мнение отпадает само собой: пусть закон не формулирует это право судьи – оно не только нравственно необходимое, но и оказывается законом природы, против которого все усилия законодателей бесплодны...»².

Представляется, что данное высказывание нуждается в уточнении: в подобных ситуациях вопрос о виновности решают «по совести» обычно только присяжные заседатели, а судьи-профессионалы чаще всего руководствуются формальными юридическими соображениями и разъяснениями вышестоящих судебных инстанций, как правило, без учета нравственных соображений, свидетельствующих о бессмысленности дальнейшего уголовного преследования подсудимого при разрешении дела в сложных, нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях.

¹См.: Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. – М.: Дело, 2000. – С. 272.

²Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. – М.: Журн. Рус. мысль, 1896. – С. 342-343.

При разрешении в подобных ситуациях дел об убийствах и других опасных преступлениях профессиональный судья в обычном суде не может позволить себе признать подсудимого невиновным по нравственным основаниям, предусмотренным в Уголовном кодексе, потому что он знает, что такой оправдательный приговор неизбежно будет отменен кассационной инстанцией, где заседают высококвалифицированные, профессиональные судьи, чье представление о справедливом приговоре для человека, совершившего умышленное убийство или иное тяжкое преступление, не идет дальше справедливого наказания.

По этому поводу судья Курского областного суда И. Колоколов отмечает: «В уголовно-правовом аспекте справедливость как этическая категория рассматривается главным образом как гармоническое соотношение между преступлением и наказанием. Именно справедливого наказания ждут от суда потерпевшие, их родные и близкие, все сопричастные к чужому горю люди. Более того, сам уголовный и уголовно-процессуальный закон основной целью применения наказания провозглашает восстановление социальной справедливости»¹.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы о сущности, содержании, процессуальных и нравственно-психологических условиях проявления в суде присяжных правосудия – подлинного, правильного и справедливого правосудия, в полной мере соответствующего человеческому стремлению к справедливости:

1. Внутреннее убеждение присяжных заседателей в правильности и справедливости вывода о виновности подсудимого и соответствующая этому убеждению психологическая готовность вынести обвинительный вердикт формируется только тогда, когда присяжные заседатели не сомневаются:

– в относимости, достоверности и достаточности, положенных в основу этого вывода доказательств;

¹ Колоколов И. Смертная казнь глазами судьи // Российская юстиция. – 1998. – № 7. – С. 27.

– в том, что этот вывод соответствует праву, требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов (юридической правде);

– в том, что вывод о виновности нравственно справедлив, т.е. соответствует не только формальной юридической правде, но и нравственной правде, требованиям общественной гуманистической совести, лежащим в ее основе представлениям о добре и справедливости, основанным на понимании, сочувствии и сопереживании, т.е. на общечеловеческих потребностях и чувствах.

2. Отсутствие хотя бы одного из этих компонентов внутренней убежденности нравственно-психологически предрасполагает присяжных заседателей к сомнениям, внутренним колебаниям и страху несправедливо осудить невиновного или лишь формально виновного человека, вынесение обвинительного вердикта в отношении которого было бы только формально-юридически правильным, а по существу – попранием истинного правосудия и общечеловеческих представлений о добре и справедливости.

3. Указанные сомнения, внутренние колебания и страх несправедливо осудить невиновного или лишь формально виновного человека нравственно-психологически подводят присяжных заседателей к вынесению в отношении подсудимого оправдательного вердикта или же, когда имеются нравственные и юридические основания для признания его виновности, обвинительного вердикта с признанием его заслуживающим снисхождения.

4. Вероятность формирования у присяжных заседателей всех указанных компонентов внутреннего убеждения о виновности подсудимого, нравственно-психологически предрасполагающих их к вынесению обвинительного вердикта, возрастает, когда предварительное и судебное следствие проведены качественно, в процессе судебного следствия в оптимальной последовательности разработано достаточное количество относимых, достоверных и допустимых доказательств, на основании которых полно и всесторонне, с учетом позиции защиты и обвинения, исследованы вопросы о виновности и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию.

И, наконец, необходимо остановиться еще на одной ситуации в суде присяжных, могущей стать причиной оправдательного приговора и влияющей на пределы судейского усмотрения. В условиях состязательности уголовного судопроизводства, провозглашенной в ст.15 УПК РФ, большое значение приобретает речь сторон обвинения и защиты. По сути, суд присяжных – это «театрализованное действие», в котором идет мощное апеллирование к чувствам присяжных заседателей. Неубедительная речь государственного обвинителя или защитника могут совершенно непредсказуемо изменить судебно-следственную ситуацию даже при наличии достаточной доказательственной базы обвинения.

Примером такой судебно-следственной ситуации может служить уголовное дело, возбужденное в отношении М. 16.02.1993 г. по признакам состава преступления, предусмотренного п. «з» ст. 102 УК РСФСР, т.е. убийство двух и более лиц. Это был момент, когда в Алтайском крае только сформировался суд присяжных, штат государственных обвинителей в прокуратуре Алтайского края полностью обновился и сторона обвинения была представлена работником прокуратуры со сравнительно небольшим стажем практической работы. Из материалов уголовного дела: ранее судимый М. в период с 11.01.1992 г. по 16.02.1993 г. совершил в г. Барнауле ряд нападений с последующим убийством на водителей такси. Последнему потерпевшему – водителю такси Смирнову – удалось освободиться от «удавки», выпрыгнуть из автомобиля и сообщить в ближайший пост ГАИ о совершенном на него нападении. Вскоре М. был задержан и на окончании предварительного расследования заявил ходатайство о рассмотрении его уголовного дела судом присяжных на территории Алтайского края. Судебное заседание длилось более трех недель. Защитник, умело используя пробелы в материалах предварительного расследования, выстроил тактику защиты на том, что М. в принципе не мог души́ть С., так как во время отбывания наказания в г. Магадане в 1986 г. он отморозил руки, с последующей атрофией нервов конечностей. Этот вопрос следователем в досудебном производстве по какой-то причине

остался не исследованным. Слабо подготовленная и неубедительная речь государственного обвинителя привела к тому, что в отношении М., обвиняемого в совершении двух убийств, суд присяжных вынес оправдательный вердикт, а судья постановил оправдательный приговор¹.

Понятно, что после промашек, ставящих под сомнение благоразумие судебного оратора, он едва ли может рассчитывать на доверие присяжных заседателей, а значит, и на их внимание к его позиции и доводам, на которых она основана.

С этим необходимо считаться и председательствующему судье, ибо если он при произнесении напутственного слова окажется несостоятелен как судебный оратор, то это может основательно подорвать его авторитет как судьи-профессионала, и ему вряд ли удастся надлежащим образом разъяснить присяжным содержание обвинения, уголовного закона, исследованные в суде доказательства, как уличающие, так и оправдывающие, и другие юридические вопросы.

Более того, не владеющий ораторским искусством председательствующий судья не способен выполнить в состязательном уголовном процессе с участием присяжных заседателей свою главную миссию – скорректировать и поднять нравственное и правовое сознание присяжных заседателей до уровня решаемых ими задач – сложных и ответственных вопросов о виновности.

В связи с этим уместно привести высказывание судьи Московского областного суда Н.В. Григорьевой, имеющей большой опыт работы в суде присяжных: «Работа в суде присяжных предполагает, что профессиональный судья наделен высоким интеллектом и хорошо владеет ораторским искусством. Тот образовательный уровень, который требовался для работы в традиционном суде с двумя народными заседателями, как показывает опыт, явно недостаточен. В суде присяжных судья из должностного лица, пишущего штампо-

¹ См.: Гавло В.К., Воронин С.Э. Указ. соч. – С. 17 – 18.

ванные приговоры, превращается в общественного деятеля, говорящего публично от лица права. А потому ему надо владеть красноречием, уроки которого в юридических вузах, к сожалению, либо вовсе отсутствуют, либо проводятся на недостаточно высоком уровне... для присяжных заседателей профессиональный судья – весьма авторитетное лицо, сочетающее в себе мудрость и культурность, и, если его речь обманывает их ожидания, представители народа чувствуют разочарование и их доверие к словам председательствующего падает»¹.

Живая, свободная речь более эффективно воздействует на слушателей, потому что обеспечивает не только доказательность, но и внушающее воздействие. Именно этим отличается речь подлинного оратора от сообщения докладчика. «Психологическое воздействие речи оратора обычно сильнее речи докладчика, так как оратор наряду с сообщением и убеждением использует прямое внушение, вызывая более сильную активизацию эмоций аудитории»².

В состязательном уголовном процессе живая, свободная, естественная, экспромтная речь подлинного оратора, сопровождающаяся внушающим воздействием, выполняет роль своеобразного «смазочного масла»³, облегчающего установление и поддержание психологического контакта между сторонами, председательствующим и присяжными заседателями, что имеет особенно важное значение во время прений сторон, произнесения речей и напутственного слова председательствующего.

Защитник или обвинитель, привыкший озвучивать заранее заготовленные речи, повышенно уязвим в состязательном уголовном процессе, так как

¹ Григорьева Н.В. Напутственное слово председательствующего судьи // Состязательное правосудие: Труды науч.-практич. лабораторий. – Вып. 1. Ч. 1. – М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. – С. 161-162.

² Бетс Г. Искусство говорить на суде. – М., 1896. – С. 15.

³ Как отмечал А.М. Пешковский, «умение говорить – это смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины и без которого она просто остановилась бы». Цит. по: *Основы культуры речи: хрестоматия* / сост. Л.И. Скворцов. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 246.

шаблонная речь может столкнуться с непредвиденной ситуацией судебного следствия.

Кроме того, это лишает его способности быстро воспринимать, перерабатывать, понимать, запоминать и использовать в речи и репликах текущую доказательственную информацию, доводы своих процессуальных противников, особенно когда содержание быстро меняющейся оперативной информации не вписывается в заранее подготовленную речь.

Неумение судебных ораторов в состязательном уголовном процессе уловить точку зрения присяжных заседателей, повлиять на нее своей искусной по приемам и содержанию речью – одно из типичных проявлений функциональной безграмотности обвинителя и защитника, обусловленной их низкой общей и профессиональной культурой. Следует особо отметить, что этот недостаток, лишаящий оратора способности предвидеть, как его речь воспримется слушателями, адекватно реагировать на ситуации судебного следствия, снижает эффективность публичного выступления в любых видах ораторского искусства, а не только в судебных речах.

В состязательном уголовном процессе эта проблема приобретает особую значимость, в связи с тем, что обвинитель и защитник, не владеющие ораторским искусством, – это источник повышенной опасности и для подсудимого, и для потерпевшего, и для интересов правосудия в целом, особенно когда этим недостатком страдает адвокат. Такой адвокат в состязательном процессе создает угрозу для интересов подзащитного и правосудия еще на подступах к судебным прениям, в процессе судебного следствия тем, что вследствие своей неспособности предвидеть влияние своих вопросов на формирование внутреннего убеждения присяжных заседателей и председательствующего судьи, он предрасположен задавать опасные дополняющие, уточняющие и контрольные вопросы, которые могут вызвать неблагоприятные для подзащитного ответы, склоняющие весы правосудия в сторону обвинения. А это особенно опасно при исследовании вопросов о виновности в нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях.

По мнению Р. Гарриса, молодые адвокаты повышено предрасположены к подобным ошибкам из-за недостатка жизненного опыта, плохого знания людей. Он писал: «Я видел людей, признанных виновными только вследствие ошибок их защитников, видел немало несомненных преступников, уходивших на свободу вследствие неумелости обвинителей. Можно быть превосходным законником и плохим адвокатом. Не зная людей, не обладая большой опытностью, нельзя быть настоящим адвокатом... Одно знание закона не сделает вас адвокатом, как длинный шест не научит ходить по канату»¹.

Для того чтобы «выиграть дело», т.е. достичь реальных целей защиты и обвинения, адвокат и обвинитель должны не только дотошно изучить дело, знать, о чем говорить в своей судебной речи, но и детально продумать, как говорить, чтобы склонить к своему мнению слушателей, прежде всего присяжных заседателей и председательствующего судью. По словам А.Ф. Кони, «в вопросе: как говорить? – на первый план выступает уже действительное искусство речи»².

По мнению А.Ф. Кони «в основании судебного красноречия лежит необходимость доказывать и убеждать, т.е. иными словами, необходимость склонять слушателей к своему мнению»³.

Цицерон суть этого вопроса сводил к методам построения убедительной речи: «...Все построение убедительной судебной речи основывается на трех вещах: доказать правоту того, что мы защищаем; расположить к себе тех, перед кем мы выступаем; направить их мысли в нужную для дела сторону»⁴.

Нетрудно заметить, что по своей социально-психологической сущности последние два способа убеждения представляют собой словесное воздей-

¹ *Гаррис Р.* Школа адвокатуры: Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. – СПб., 1911. – С. 185.

² *Кони А.Ф.* Избранные произведения: Статьи и заметки; Судебные речи; Воспоминания / А.Ф. Кони; сост. А.Б. Амелкин. – М.: гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – С. 97.

³ Там же. – С. 96.

⁴ *Цицерон М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – С. 152.

ствие в форме внушения. Но это «не банальное плутовское внушение, рассчитанное на некритическое восприятие и принятие слов, выраженных в них мыслей и воли, а убеждающее внушение, один из моментов, сторон, способов убеждения, подчиненных главному способу убеждения в судебной речи – доказательству при помощи рациональных логических доводов»¹.

В процессе духовного общения внушение как дополнительный способ убеждения особенно широко применяется в политике, публицистике, в любых видах публичных выступлений, рассчитанных на эффективное воздействие на массовую аудиторию. М.И. Скуленко в монографии, посвященной комплексному исследованию закономерностей убеждающего воздействия публицистики, подчеркивает: «Внушение является способом формирования убеждений. Пусть не сразу, не единичным воздействием, а постепенно, исподволь внушение ведет человека к прочным образованиям сознания – убеждениям. Внушение в своем широком значении выступает, следовательно, как часть процесса убеждения, а не самостоятельный, отдельный от убеждения способ психического воздействия»².

Все это относится не только к публицистике, но и к ораторскому искусству. Попытки оратора оказать на слушателей психологическое воздействие без внушения, одними рациональными доводами, снижают эффективность такого воздействия, особенно когда приходится вести полемику. В процессе полемики доказательность речи, являясь основой построения убедительной речи, еще не гарантирует формирования у слушателей внутреннего убеждения о правильности и справедливости положений и доводов оратора. Специалисты по современной риторике отмечают: «Практика полемических выступлений показывает, что в споре... можно доказать какое-то поло-

¹ Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. – М.: Дело, 2000. – С. 292.

² Скуленко М.И. Убеждающее воздействие публицистики: Основы теории. – Киев: Вища шк.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1986. – С. 125.

жение, но не убедить в его истинности окружающих и, наоборот, убедить, но не доказать»¹.

Неискренний тон судебной речи, разрушающий ее убедительность, обычно бывает следствием душевного нравственно-психологического разлада с самим собой. «Человек лжет в жизни вообще часто, – писал А.Ф. Кони, – а в нашей русской жизни и очень часто, трояким образом: он говорит не то, что думает, – это ложь по отношению к другим; он думает не то, что чувствует, – это ложь по отношению к себе, и, наконец, он впадает в ложь, так сказать, в квадрате: говорит не то, что думает, а думает не то, что чувствует. Присутствие каждого из этих видов лжи почти всегда чувствуется слушателями и отнимает у публичной речи ее силу и убедительность. Поэтому искренность по отношению к чувству и делаемому выводу или утверждению должна составлять необходимую принадлежность хорошей, т.е. претендующей на влияние, судебной речи. Изустное слово всегда плодотворнее письменного: оно живет слушающего и говорящего. Но этой животворной силы оно лишается, когда оратор сам не верит тому, что говорит, и, утверждая, втайне сомневается или старается призвать себе на помощь вместо зрелой мысли громкие слова, лишённые в данном случае внутреннего содержания»².

Р. Гаррис отмечал: «Как только у присяжных явится подозрение, что их хотят провести, все их доверие пропадает, и они не станут слушать самых убедительных ваших соображений, самое здоровое и правдоподобное из ваших рассуждений будет казаться им лишь самым лживым»³.

Об этом говорит и П. Сергеич: «Если мы хотим, чтобы вызванное нами чувство оказало более или менее продолжительное влияние на слушателей, то должны прежде всего подумать о том, чтобы склонить на свою сторону их рассудок и здравый взгляд на вещи... надо доказать им, что имеются дейст-

¹ Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – С. 466-467.

² Кони А.Ф. Избранные произведения: Статьи и заметки; Судебные речи; Воспоминания. – М.: гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – С. 66-67.

³ Гаррис Р. Указ. соч. – С. 29-30.

вительные и достаточные основания для того, чтобы они горячо приняли дело к сердцу. Надо, чтобы они имели перед собой логическое и нравственное оправдание чувства, ими овладевающего, и были уверены, что не ошибаются, отдаваясь ему»¹.

Сегодня сохраняет актуальность та высокая оценка суда присяжных, которую ему в начале XX века дал известный российский судебный деятель и ученый-процессуалист И.Я. Фойницкий. Он писал: «В той форме народного участия, которая известна под именем суда присяжных, судебные достоинства его получают самое высшее развитие, которого до сих пор достигало человечество, так что до наших дней суд присяжных представляется наиболее близким к идеалу суда... возражения против суда присяжных... говорят, собственно, в пользу этого института до тех пор, пока не будет изобретен и испробован другой, с которым его можно было бы сравнить»².

В своем исследовании мы ограничились некоторыми аспектами деятельности суда присяжных, касающихся постановления оправдательного приговора. Перейдем к исследованию проблем судейского усмотрения, возникающих при постановлении оправдательного приговора в суде районного звена.

Резюмируя изложенное, кратко сформулируем выводы по данному параграфу:

1. Особенности принятия присяжным заседателем судебного решения (оправдательного вердикта) далеко не всегда связаны с качеством расследования. Они более связаны с особенностью восприятия и их правосознания, качеством работы защитника и государственного обвинителя. Кроме того, специфика видится еще в том, что закон не требует для реализации вердикта, его мотивировки (обоснования), т.е. тех абсолютно необходимых требова-

¹ *Сергей П.С.* Искусство речи на суде. – М., Юридическая литература, 1988. – С. 262-263.

² *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. – Т.1. 4-е изд. – СПб., 1912. – С. 342.

ний, которые предъявляются к приговору вообще, и оправдательному в частности.

2. Отсутствие хотя бы одного из компонентов внутренней убежденности нравственно-психологически предрасполагает присяжных заседателей к сомнениям, внутренним колебаниям и страху несправедливо осудить невиновного или лишь формально виновного человека, вынесение обвинительного вердикта в отношении которого было бы только формально-юридически правильным, а по существу – попранием истинного правосудия и общечеловеческих представлений о добре и справедливости.

3. Указанные сомнения, внутренние колебания и страх несправедливо осудить невиновного или лишь формально виновного человека нравственно-психологически подводят присяжных заседателей к вынесению в отношении подсудимого оправдательного вердикта или же, когда имеются нравственные и юридические основания для признания его виновности, обвинительного вердикта с признанием его заслуживающим снисхождения.

2.3. Пределы судейского усмотрения при постановлении оправдательного приговора иными судами общей юрисдикции

Отмечая роль внутреннего убеждения судьи, известный процессуалист дореволюционной России В.К. Случевский отмечал, что «внутреннее убеждение должно быть продуктом критического отношения судьи как к наблюдаемым им фактам, так и к тому психологическому процессу, при помощи которого он их воспринял и оценил»¹. Данное положение особенно актуально при рассмотрении уголовного дела в составе судьи и двух народных заседателей, от которого отказался УПК РФ. Дело в том, что при указанной форме судебного разбирательства происходило практически всегда полное совпадение мнения народных заседателей с мнением судьи. То же самое наблюдается

¹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – Судопроизводство. Изд. 4-е, испр. и доп. – СПб., 1913. – С. 379.

в суде присяжных заседателей, где происходит эмпатическое отождествление личности судей факта с личностью подсудимого, т.к. присяжные заседатели судят, опираясь на свой жизненный опыт, так называемый «архив казуистики». Поэтому не случайно, что апелляция к чувствам присяжных сторонами обвинения и защиты иногда приносит такие ошеломляющие, порой неожиданные результаты при вынесении вердикта вопреки объективной логике доказывания события преступления. Ранее мы уже отмечали, что истинное внутреннее убеждение «по совести» у присяжных формируется только тогда, когда они «пропустят» содержащуюся в исследуемых доказательствах и речах информацию через свои «архивы казуистики» и оценят ее достоверность в контексте выстраданных своим житейским опытом знаний и представлений о причинно-следственных, пространственно-временных и вероятностных связях между предметами и явлениями объективной действительности.

Данное обстоятельство подтверждают и данные исследований. Проведенные нами социологические опросы народных заседателей в г. Красноярске показали, что 27 % из них при постановлении обвинительных приговоров имели свое особое мнение, однако особое мнение ими не было написано, в остальных случаях происходило полное совпадение мнений народных заседателей с мнением председательствующего. В ситуациях постановления оправдательных приговоров наблюдалось 100 % совпадение мнений народных заседателей с мнением председательствующего, т.е. они полностью доверяли его судейскому усмотрению. По-видимому, не случайно на жаргоне криминального мира народных заседателей называли «кивалами», т.е. всегда согласными с юридическими оценками председательствующего.

Полагаем, это можно объяснить рядом причин.

Во-первых, институт народных заседателей в своем генезисе пережил несколько достаточно сложных этапов. Сформировавшись в годы Советской власти, по сути, он задумывался государством как институт народного представительства в процессе отправления правосудия. Классический состав из 3-х человек предполагает равенство голосов и судейских мнений, но это бы-

ло совершенно нереально в условиях, когда только один из судей имел юридическую квалификацию. Иначе говоря, логика исторического развития данного института неизбежно ставила народных заседателей в зависимое положение от председательствующего и от его опыта судьи. Ни о каком судейском усмотрении народных заседателей в такой ситуации не могло быть и речи.

Так, проанализировав судебную практику Кировского района г. Красноярска, мы установили, что за 5 последние лет рассмотрения уголовных дел в этом суде, иногда весьма сложных и запутанных, ни разу народные заседатели не сформулировали своего особого мнения в приговоре.

В 1992 г. государство отказалось от «услуг» народных заседателей, отдав предпочтение профессиональному составу судей. Однако в силу причин, преимущественно экономических, государство в 1993 г. реанимировало данный институт, пролонгировав полномочия ранее избранных народных заседателей. То есть, иначе говоря, к процессу отправления правосудия вновь были привлечены все те же «старые кадры» без самостоятельного судейского усмотрения и юридического образования. Несмотря на то, что УПК РФ формально отказался от института народных заседателей, в силу объективных, в том числе экономических причин, такие составы судов сохранялись вплоть до июля 2004 г. современное судопроизводство полностью отказалось от услуг народных заседателей. Однако в ретроспективном плане в соответствии с концепцией настоящего исследования изучение данного состава суда, на наш взгляд, представляет несомненный научно-практический интерес.

Во-вторых, в отличие от суда присяжных, где ответственность за принятое решение как бы «распыляется» на коллегия из 12 человек, в исследуемом составе суда народные заседатели несут всю полноту юридической ответственности за принимаемое решение, в том числе и за оправдательный приговор. Это, в свою очередь, вновь детерминирует ситуацию, когда народные заседатели вынуждены полностью полагаться на опыт и юридическую квалификацию председательствующего.

В-третьих, судьи районного звена комплектуются в основном из бывших прокурорско-следственных работников, что во многом предопределяет обвинительный уклон и судейского усмотрения, и процесса принятия окончательного решения по уголовному делу. Полагаем, это обстоятельство отчасти объясняет значительно меньшее количество оправдательных приговоров в судах районного звена по сравнению с судами присяжных заседателей.

Так, анализ судебной практики Алтайского края показал, что на одинаковое количество уголовных дел, отобранных методом случайной выборки, на долю судов районного звена приходится лишь 1,4 % оправдательных приговоров; на долю судов присяжных – 17,5 % оправдательных приговоров от общего количества изученных нами дел.

Однако, на наш взгляд, зоны судейского усмотрения в составе суда районного звена значительно шире, чем в суде присяжных. Председательствующий имеет здесь гораздо больше возможностей и для восполнения пробелов в материалах предварительного расследования, и для оценки доказательств по уголовному делу. Связано это, в первую очередь, с более «щадящей» процессуальной формой, чем в суде присяжных, с действием здесь принципа процессуальной экономии в рассмотрении сравнительно несложных уголовных дел, а также с возможностями суда знакомиться со всеми материалами уголовного дела, в том числе и с материалами, характеризующими личность. Иначе говоря, в отличие от суда присяжных в суде районного звена объектом исследования является не только ситуация преступления, но и личность подсудимого в комплексе ее положительных и отрицательных качеств. Зоны процессуальной самостоятельности судьи районного звена во многом определяются предоставленными ему законом возможностями восполнения пробелов в материалах предварительного расследования.

Восполнение пробелов в материалах предварительного расследования

Попытки исследовать ситуации судебного следствия, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного расследования, уже

предпринимались в научной литературе¹, однако по данной проблеме, полагаем, в науке только намечаются пути исследования.

Понятие «пробелы предварительного расследования» неизвестно уголовно-процессуальному закону, однако оно получило широкое распространение в уголовно-процессуальной литературе и судебной практике.

В литературе понятие «пробелы предварительного расследования» употребляется в широком и узком смыслах.

Ю.В. Корневский использует термин «пробелы следствия» как синоним его недостатков², т.е. в широком смысле, а также в узком смысле для обозначения неполноты проведенного расследования³.

П.С. Элькинд употребляет термин «пробелы» для характеристики ущербности доказательственного материала⁴.

В.П. Божьев оперирует этим термином для характеристики недостатков предварительного расследования, связанных с неполнотой дознания и следствия⁵.

М.И. Бажанов, С.В. Бородин, Е.Г. Мартынчик, Т.А. Михайлова, Я.О. Мотовиловкер, И.В. Тыричев, И.Д. Перлов пользуются рассматриваемым понятием для характеристики лишь определенной части недостатков предварительного расследования – его односторонности и неполноты⁶.

¹ См.: *Веретехин Е.Г.* Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. – Казань, 1988; *Гавло В.К., Воронин С.Э.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. – Барнаул, 2000.

² См.: *Корневский Ю.В.* Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 23.

³ Там же. – С.74.

⁴ См.: *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С.* Пределы доказывания // Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – С. 90.

⁵ См.: *Божьев В.П.* Основания внесения и порядок рассмотрения дела в распорядительном заседании // Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / под ред. А.Ф. Горкина, В.В. Куликова, Н.В. Радутной, И.Д. Перлова. – М.: Юридическая литература, 1972. – С.144.

⁶ См.: *Бажанов М.И.* Предание суду в советском уголовном процессе. – Харьков, 1965. – С.14; *Мартынчик Е.Г.* Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. – Кишинев: Штиинца, 1975. – С.102; *Михайлова Т.А.* Предание суду в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1981. – С.33; *Мотовиловкер Я.О.* Некоторые вопросы теории уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. –

Большинство ученых оперируют этим понятием для характеристики только части недостатков предварительного расследования, т.е. используют его в узком смысле.

Полагаем, пробелы предварительного расследования – это такие его недостатки, которые выражаются в односторонности, неполноте и необъективности исследования обстоятельств дела.

В литературе существуют различные точки зрения относительно трактовки понятия односторонности и неполноты исследования обстоятельств дела.

Л.А. Богословская пишет, что односторонним и неполным является дознание, предварительное следствие, в котором не установлены такие обстоятельства, которые входят в предмет доказывания, не привлечены, не использованы или неправильно использованы доказательства, с достоверностью устанавливающие наличие или отсутствие этих доказательств¹.

О. Темушкин считает, что неполнота или односторонность предварительного расследования или судебного следствия проявляется в неисследованности различных сторон состава преступления².

По мнению В.И. Баскова, односторонним или неполным является предварительное расследование, если не установлены такие обстоятельства, которые имеют существенное значение³.

Общепризнанной трактовки понятия односторонности в литературе не существует.

Кемерово, 1962. – С. 77; *Перлов И.Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М., 1955. – С. 53; *Тырчев И.В.* Кассационные основания // Советский уголовный процесс. – М., 1980. – С. 416.

¹ См.: *Богословская Л.А.* Основания к отмене или изменению приговоров. – Харьков: Харьк. юрид ин-т, 1981. – С. 43.

² См.: *Темушкин О.* Основания отмены или изменения приговора в кассационном и надзорном производстве // Советская юстиция. – 1976. – №19. – С. 7.

³ См.: *Басков В.И.* Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. – М., 1980. – С.160.

В.А. Познанский считает, что односторонне исследованным дело будет в том случае, если следователь или лицо, производящее дознание, выясняют обстоятельства дела только под углом зрения обвинения или защиты¹.

И.И. Потеружа пишет, что односторонность следствия выражается в оправдательном или обвинительном подходе к выяснению обстоятельств дела².

По мнению Е.Г. Веретехина, В.А. Познанский и И.И. Потеружа смешивают понятия односторонность и необъективность, определяя одно через другое. Мы разделяем данную точку зрения, полагая, что здесь имеет место формально-логическая ошибка.

В литературе правильно отмечается, что «невыполнение требования всесторонности проявляется в увлечении одной версией, в подчинении этой версии всего производства по делу, исследовании не всех вопросов, входящих в круг исследования»³.

Односторонне проведенным предварительное расследование можно считать в том случае, если остались не исследованными какие-либо следственные версии, если не были установлены какие-либо обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Пробелы предварительного расследования, как систему определенного уровня, можно рассматривать в качестве структурного элемента системы более высокого уровня, охватывающей все недостатки предварительного расследования. Изучение системы пробелов предварительного расследования, состоящей из определенных элементов, предполагает и системный метод их исследования.

¹ См.: Познанский В.А. Односторонность или неполнота предварительного и судебного следствия как основание к отмене или изменению приговора // Уч. зап. Саратов. юридическ. ин-та. – Вып. VIII. – Саратов: Саратов. юрид. ин-т, 1959. – С. 34.

² См.: Потеружа И.И. Роль суда второй инстанции в укреплении законности. – Минск: Наука и техника, 1980. – С.106.

³ Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.Н. Судопроизводство по новому УПК РСФСР. – Свердловск, 1962. – С.40.

По характеру встречающихся пробелов предварительного расследования их можно подразделить на:

- 1) пробелы в установлении обстоятельств, составляющих предмет доказывания;
- 2) пробелы в доказательствах;
- 3) пробелы в версиях.

По признаку возможности или невозможности их восполнения в суде I инстанции пробелы предварительного расследования можно подразделить на:

- 1) пробелы, невозполнимые ни в стадии подготовки к судебному заседанию, ни в стадии судебного разбирательства;
- 2) пробелы, невозполнимые в стадии подготовки к судебному заседанию, но восполнимые в стадии судебного разбирательства;
- 3) пробелы, восполнимые в стадии подготовки к судебному заседанию, предварительного слушания и в стадии судебного разбирательства¹.

Анализ главы 37 УПК РФ показывает, что арсенал процессуальных средств доказывания в суде значительно меньше, чем в досудебном производстве. Очевидно, что жестко формализованная процедура судебного разбирательства не позволяет производить ни эксгумацию, ни проверку показаний на месте. И все же законодатель предоставляет возможности суду в отдельных случаях восполнить пробелы в материалах предварительного следствия и в ходе допросов (ст.ст. 275, 277, 278, 282 УПК), и в ходе следственного эксперимента (ст.288 УПК), и в ходе освидетельствования (ст.290 УПК), и в ходе осмотра местности и помещения (ст.287 УПК). Последний, хотя и применяется в судебной практике крайне редко, является весьма эффективным способом разрешения сложных судебно-следственных ситуаций.

Так, в больницу скорой медицинской помощи г. Хабаровска был доставлен с огнестрельным ранением гр-н Поляков Г.Д., который перед смертью

¹ См.: *Веретехин Е.Г.* Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. – Казань, 1988. – С.15-16.

сообщил работникам больницы, что был ранен из мелкокалиберной винтовки ТОЗ-16 своим братом Поляковым П.Д. на почве личных неприязненных отношений. Это заявление было косвенно подтверждено данными, полученными при осмотре места происшествия, согласно которым на двери, ведущей из кухни в коридор квартиры, имелось сквозное пулевое отверстие, а также показаниями ряда свидетелей о том, что незадолго до происшествия между братьями произошла ссора. На предварительном следствии Поляков П.Д. признал себя виновным и Краснофлотским районным судом г. Хабаровска был приговорен к 9 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Однако в кассационной жалобе Поляков П.Д. указал, что оговорил себя, не выдержав психологического и физического давления со стороны работников уголовного розыска. Кассационная инстанция возвратила дело на новое судебное рассмотрение, поскольку собранные доказательства полностью не исключали ранения потерпевшего в результате самоубийства, хотя факт ссоры действительно имел место, а два брата в момент происшествия находились в одной квартире. Основная причина возникшей судебной ситуации – некачественно проведенный первоначальный осмотр места происшествия. И тогда в ходе судебного следствия в порядке ст.293 УПК РСФСР был произведен повторный осмотр места происшествия, но уже с участием специалистов в области баллистики, трасологии и судебной медицины, определивших, что направление выстрела, было таким при котором его производство посторонней рукой полностью исключалось. Основываясь на данных судебного осмотра и заключениях повторных экспертиз, а также назначенных в ходе судебного следствия, суд пришел к выводу о самоубийстве Полякова Г.Д., постановив оправдательный приговор в отношении его брата¹.

Пробелы предварительного расследования следует отнести к невозможным в судебном заседании, если в результате такого восполнения не-

¹ Уголовное дело №1-277-89 // Архив Краснофлотского районного суда г. Хабаровска за 1989 г.

обходимо существенно изменить обвинение по фактическим обстоятельствам по сравнению с тем, по которому обвиняемый предан суду: если вместо одних деяний (ранее вмененных) вменяются в вину другие, хотя бы по объему обвинения не превышающие первые.

Изъятие из УПК РФ института направления уголовного дела судом на дополнительное расследование существенно сузило пределы судейского усмотрения при принятии окончательного решения по существу дела. В защиту данного института высказались 47 из 50 опрошенных нами судей районных судов г. Красноярск. По мнению судейских работников, признание незаконным практики возврата судом уголовных дел на дополнительное расследование подготавливает условия для их необоснованного прекращения либо постановления несправедливого оправдательного приговора, что делает весьма проблематичным решение задач уголовного судопроизводства, декларированных ст. 6 УПК РФ.

Оценка доказательств в суде и ее влияние на постановление оправдательного приговора

По нашему мнению, основные проблемные ситуации здесь возникают в связи с оценкой косвенных доказательств и их роли в процессе доказывания. Новый УПК РФ существенно усложнил процесс проверки, оценки и использования косвенных доказательств в уголовном судопроизводстве, ужесточив требования к допустимости доказательств вообще, хотя общеизвестно, что отечественный процесс доказывания по уголовным делам в 98 % случаев базируется именно на косвенных доказательствах.

Какова природа косвенных доказательств и в чем состоит специфика доказывания с помощью таких доказательств? В уголовном процессе принято несколько определений этого понятия. Одним из первых его научное обоснование дали авторы монографии «Косвенные доказательства в советском уголовном процессе». В основе их определения лежит классификация доказательств на прямые и косвенные через их отношение (прямое и опосредованное) к доказыванию так называемого главного факта, факта, который

дает основания для вывода о виновности или невиновности лица в совершении преступления¹.

По мнению И.М. Комарова, с которым следует согласиться, определение косвенных доказательств через их отношение к «главному факту» представляется не вполне удачным и, в первую очередь, по причине отсутствия в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе достаточного научного обоснования содержания этого специального термина².

Как известно, доказывание косвенными доказательствами представляет собой длящийся процесс, в котором можно достаточно четко выделить по меньшей мере две ступени (два этапа).

На первом этапе достигается достоверное знание о промежуточных фактах. На втором – на основании этих фактов делаются выводы о наличии или отсутствии события преступления, его юридической квалификации, виновности лица, совершившего преступление, и всех других обстоятельствах, имеющих правовое значение.

«Задача суда, – писал М.М. Гродзинский, – заключается в том, чтобы путем рассмотрения и оценки соответствующих источников доказательств решить вопрос о доказанности тех фактов, которые могут служить уликами в данном деле. Когда же все такие факты установлены, доказывание заключается уже в анализе каждого отдельного факта, рассматриваемого как улика по делу, в установлении взаимоотношения различных улик и в разрешении вопроса о возможности – на основе всей совокупности улик, взятых в их взаимной связи, – признать доказанным событие преступления и виновность обвиняемого»³.

Полагаем, в большей мере отвечает концепции нашего исследования определение, данное А.А. Хмыровым. По его мнению, «косвенные доказа-

¹ См.: Винберг А.И., Миньковский Г.И., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1956. – С. 7.

² См.: Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве. – Барнаул, 2002. – С. 259.

³ Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе. – М., 1964. – С.78.

тельства – это полученные и закреплённые в определенном законом порядке данные о фактах, не имеющих материально-правового значения и не входящих в предмет доказывания, т.е. данные о промежуточных фактах, которые в силу объективной связи с предметом доказывания в своей совокупности позволяют прийти к выводу о наличии или отсутствии события преступления, виновности лица, его совершившего, и других обстоятельствах, имеющих юридическое значение»¹.

Достоверное установление промежуточных фактов, являющееся задачей первой ступени доказывания, почти никогда не достигается с помощью одного доказательства. Каждый промежуточный факт устанавливается обычно несколькими доказательствами. Даже такое «бесспорное» косвенное доказательство, как следы пальцев рук на месте преступления, устанавливает факт пребывания на этом месте определенного лица лишь в сочетании с заключением эксперта о том, что следы оставлены именно данным лицом. В большинстве же случаев для установления каждого промежуточного факта требуется не два, а более косвенных доказательств, их совокупность (частная система)².

Таким образом, на первой ступени доказывания происходит собирание и проверка доказательств, их оценка в пределах частных систем, необходимых для достоверного установления каждого промежуточного факта. На второй ступени доказывания делаются выводы о наличии или отсутствии всех обстоятельств, образующих предмет доказывания по делу.

При оценке и использовании косвенных доказательств в процессе доказывания совесть, ее эмоциональные сигналы не только помогают синтезировать, правильно объяснить фрагментарную доказательственную информацию, имеющую значение косвенных доказательств, построить на ее основе «мозаичную» картину расследуемого события, но и выступают в роли эмоционального «стража», контролирующего, чтобы при оценке и использова-

¹ Хмыров А.А. Косвенные доказательства. – М.: Юридическая литература, 1979. – С.16

² Там же. – С.19.

нии доказательств субъекты доказывания не рисовали в своем воображении, в своем обвинительном заключении, в своей обвинительной или защитительной речи произвольные картины расследуемого прошлого события, не соответствующие объективной реальности¹.

Известный российский ученый-процессуалист Л.Е. Владимиров процесс доказывания на основании достаточного количества косвенных улик, на заключительном этапе которого формируются правильная картина расследуемого события, образы причастных к нему лиц, сравнивал с реконструкцией разбитой вазы: «Ваза разбита, осколки ее – улики. Осколки, вместе собранные, должны восстановить вам эту вазу, хотя с трещинками, но в прежнем объеме. Осколки должны складываться в одно. Там, где такого согласия нет, где улики не направляются к одной общей цели, там нет места убеждению, что они имеют общее происхождение в том преступлении, в том изменении во внешнем мире, от которого полетели осколки в разные стороны»².

Таким образом, в процессе доказывания по вопросам о виновности «...здравый смысл и совесть признают достаточным такое количество доказательств, при котором их неполнота несущественна, она на уровне «трещин» при реконструкции разбитой вазы, которые по своим размерам могут даже приближаться к «выбоинам», если только они не препятствуют сделать несомненный однозначный вывод, что все «осколки», «черепки» (следы-отображения, доказательства) из одной и той же конкретной «вазы» (расследуемого события, действий причастных к нему лиц)»³.

Необходимость достаточного количества доказательств для формирования правильного внутреннего убеждения по вопросам о виновности, правильного осмысления значения единичных доказательств, их взаимосвязей, мысленной реконструкции на этой основе «мозаичной» картины расследу-

¹См.: Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. – М.: Дело, 2000. – С. 206

² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части общая и особенная. – СПб.: Изд-е книжн. магазина «Законоведение», 1910. – С. 380.

³ Мельник В.В. Указ. соч. – С. 251.

мого события, образов причастных к нему лиц и других фактов вызывается тем, что каждый факт, его признаки отражаются на различных объектах неполно, фрагментарно, что требует некоторого их количества для получения цельной картины устанавливаемого факта, события преступления, образов причастных к нему лиц и других фактов, обстоятельств, подлежащих доказыванию¹.

При наличии достаточного количества относящихся к делу процессуально-доброкачественных и достоверных косвенных доказательств у судьи правильное внутренне убеждение по вопросам о виновности формируется даже в тех случаях, когда отдельные доказательства, фактические данные искажены или фальсифицированы. Как справедливо отмечает В.Я. Колдин, «информация, содержащаяся в отдельном источнике, может быть искажена или фальсифицирована, фальсификация же или однозначное искажение отражаемого процесса в системе источников невозможны»².

На «весах» здравого смысла и совести достаточным для формирования правильного внутреннего убеждения судьи о виновности подсудимого и нравственно-психологической готовности постановить обвинительный приговор является такое количество и качество (доказательственная ценность) косвенных доказательств, такая полная их комбинация, которые в своей совокупной взаимосвязи могут быть объяснены только преступными умышленными или неосторожными действиями обвиняемого и исключают гипотезу (версию) о случайном совпадении этих улик по другим причинам. Как справедливо заметил А.А. Эйсман, чем полнее комбинация улик, «тем меньше здравый смысл допускает возможность ее случайного образования»³.

Таким образом, при достаточном количестве косвенных улик и правильной интерпретации их взаимосвязи между собой и с расследуемым про-

¹ См.: Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Свердловск: Уральский ун-т. – 1991. – С. 73.

² Колдин В.Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Сов. гос-во и право. – 1974. – № 11. – С. 87.

³ Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе // Советское государство и право. – 1966. – № 6. – С. 96.

шлым событием, действиями причастных к нему лиц, используемыми ими силами и средствами и другими обстоятельствами, которые учитываются при решении вопросов о виновности, содержащиеся в каждой улике предположительные, вероятностные знания о виновности подсудимого на завершающем этапе доказывания преобразуются в достоверное знание. Такое знание выступает в качестве надежной информационно-логической базы духовной деятельности на основе здравого смысла и совести по формированию непоколебимого, спокойного, искреннего внутреннего убеждения о виновности подсудимого.

Как правильно отмечает Г.М. Резник, «в судебном доказывании обоснование тезиса протекает в виде индуктивного накопления аргументов. Каждое косвенное доказательство, взятое само по себе, подтверждает доказываемый тезис, но подтверждает его не достоверно, а с некоторой степенью правдоподобности. С присоединением к первой улике, второй, третьей, четвертой и т.д. наша уверенность в истинности доказываемого тезиса крепнет, первоначальная его проблематичность переходит в высокую степень вероятности и, наконец, в достоверность – содержательную достоверность вывода о совершении обвиняемым преступления»¹.

Следует только уточнить, что в процессе доказывания на основании косвенных улик содержащееся в каждой улике предположительное, вероятностное знание преобразуется в достоверное лишь в том случае, если эти улики обладают достаточной доказательственной ценностью, т.е. качествами, свойствами, исключающими вероятность случайного совпадения улик по причинам, не связанным с расследуемым событием, с действиями обвиняемого, а также исключающими возможность использования этих улик для обоснования иных проверяемых версий и контрверсий. На последние в ситуациях постановления оправдательного приговора необходимо обратить особое внимание.

¹ Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. – М.: Юридическая литература, 1977. – С. 74.

Как известно, применение версионного метода в судебном разбирательстве имеет свои особенности, связанные со спецификой познавательной деятельности в суде.

Так, познавательная деятельность судьи при отправлении правосудия тесно переплетается с конструктивной (т.е. деятельностью по принятию решений), так что определить границы между ними можно только теоретически. И хотя ситуации в суде, так или иначе, корреспондируют с ситуациями преступления, по сути, это – вторичная реконструкция события преступления, т.к. все мысленные операции в судебном разбирательстве осуществляются на основе производной, вторичной модели прошлого события. Поэтому если следователь имеет дело с первоначальной моделью расследуемого события преступления, то судья – с «моделью модели», где в качестве «заместителя оригинала» выступают не факты преступления и следовая картина, а модель преступления, уже построенная следователем. Полагаем, усмотрение следователя, сформировавшееся под воздействием его внутреннего убеждения в виновности лица, во многом определяет пределы судейского усмотрения в процессе судебного разбирательства. Иначе говоря, познание судьи всегда носит опосредованный характер, что накладывает отпечаток на всю поисково-познавательную деятельность в суде. Отсюда – производный, вторичный характер и судебных версий по отношению к следственным версиям¹.

Несмотря на то, что судебная версия носит производный характер, это вовсе не означает, что она является точной копией следственной версии. Напротив, сложная гносеология внутреннего убеждения судьи, детерминированная необходимостью принятия ответственного решения по делу, заставляют судью испытывать выводы предварительного следствия «на прочность», выдвигая контрверсии. При этом судья должен оценивать эти выводы

¹ См.: *Гавло В.К., Воронин С.Э.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. – Барнаул, 2000. – С. 9.

как версию обвинения, что обязывает его выдвинуть собственное, противоположное по своей направленности предположение.

Контрверсия не имеет фактической базы, абстрактна и образуется не свойственным для подлинных версий путем – операцией логического отрицания версии обвинения (убийство совершенно Н. – версия обвинения; убийство совершено не Н. – контрверсия)¹.

Полагаем, особое значение выдвижения судьей контрверсий имеет при оценке такого классического с точки зрения доказательств косвенного доказательства, как заключение эксперта. Судебная практика показывает, что не выдвижение либо несвоевременное выдвижение контрверсий при оценке качества проведенных экспертиз может привести к несправедливому, незаконному и необоснованному оправдательному приговору.

Так, в Индустриальном районном суде г. Хабаровска рассматривалось уголовное дело по факту дорожно-транспортного происшествия. Из фабулы дела: в августе 1998 г. в г. Хабаровске Никифоров Н.А. совершил наезд на автомобиле «ВАЗ-2106» на пешехода, причинив смерть последнему. По делу была назначена и проведена автодорожная экспертиза, в заключении которой содержался вывод о том, что Никифоров в силу особенностей дорожного покрытия не мог предотвратить наезд на пешехода. Основываясь на выводах эксперта, судья постановил оправдательный приговор в отношении Никифорова. Однако по протесту прокурора кассационная инстанция отменила приговор Индустриального районного суда, направив уголовное дело на новое судебное рассмотрение. В кассационном протесте отмечалось, что при расчете тормозного пути эксперт-автотехник применял коэффициент скольжения в условиях зимнего гололеда в то время, как ДТП произошло в августе месяце. Суд I инстанции в описанной ситуации не ознакомился с исследовательской частью экспертного заключения, ограничившись выводами эксперта, что и

¹ См.: *Борзов В.М.* Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – С.12.

привело к незаконному, необоснованному и несправедливому оправдательному приговору¹.

Как показывает практика, оценка судьей экспертного заключения должна идти по следующим направлениям:

- 1) оценка личности эксперта, его беспристрастности и компетентности;
- 2) оценка объектов экспертного исследования;
- 3) оценка полноты экспертного исследования;
- 4) оценка характера выводов эксперта (в категорической или вероятной форме) и определение в связи с этим их места в общей системе судебных доказательств;
- 5) оценка законности и обоснованности экспертного заключения, данного на предварительном следствии.

Проведенные нами исследования показывают, что невыполнение судом районного звена правил оценки также может стать причиной незаконного оправдательного приговора.

Таким образом, при доказывании на основании косвенных улик информационно-логической базой, на которую опираются здравый смысл и совесть народных заседателей и судьи-профессионала, «стремясь выйти из состояния неуверенности и найти нечто прочное и неподвижное» (Ф. Бэкон), являются не сами по себе косвенные доказательства, не их арифметическая совокупность, а их система, объективная взаимосвязь, которая как бы увеличивает в геометрической прогрессии доказательственную ценность каждого доказательства и их совокупности.

Именно объективная взаимосвязь системы косвенных доказательств позволяет нейтрализовать у народных заседателей и председательствующего судьи один из главных психологических барьеров для формирования их внутреннего убеждения по вопросам о виновности на основании косвенных

¹ См.: Гавло В.К., Воронин С.Э. Указ. соч. – С. 29.

доказательств, на который указывал А. Жиряев: «не недостаток в основаниях убеждения, но раздробленность их в сознании судящего производит то, что для него трудно решиться произнести обвинение по одним уликам... большее колебание, большая нерешительность, большая, так сказать, робость судьи при применении доказательства уликами происходит не от недостатка или нетвердости оснований убеждения, не от трудности представить их себе вдруг, слить их в сознании в нераздельную силу, которая одним сокрушительным ударом уничтожила все сомнения насчет вины подсудимого»¹.

Полагаем, данное высказывание нуждается в существенном уточнении: судьям трудно решиться постановить обвинительный приговор на основании косвенных доказательств чаще всего из-за их недостаточного количества и качества. Именно в этом недостатке улик, в отсутствие надежной информационно-логической основы, на которую судья мог бы опереться, и кроется главная причина раздробленности таких доказательств в сознании судьи, и особенно у народных заседателей, которым при недостаточном количестве косвенных доказательств трудно «представить их себе вдруг, слить их в сознании в нераздельную силу, которая одним сокрушительным ударом уничтожила все сомнения насчет вины подсудимого», что и порождает подмеченные А. Жиряевым «большее колебание, большую нерешительность, большую... робость судьи при применении доказательства уликами»². Обычно это случается тогда, когда из-за низкого качества предварительного расследования из судебного разбирательства исключаются недопустимые (процессуально недоброкачественные) доказательства.

Следует отметить, что процесс доказывания по вопросам о виновности на основании косвенных доказательств гораздо сложнее банальной реконструкции разбитой вазы хотя бы потому, что для мысленной реконструкции «мозаичной» картины расследуемого прошлого события, можно использовать не любые относящиеся к делу «осколки-улики». Здесь пригодны не вся-

¹ Жиряев А. Теория улик. – Дерпт: Тип. Г. Лаакманна, 1855. – С. 70.

² Там же. – С. 72.

кие, а только допустимые, процессуально доброкачественные сведения, доказательства, полученные с соблюдением конституционных и процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого и других участников процесса и процессуального порядка расследования, т.е. такие улики, которые обнаружены, зафиксированы, отражены в материалах дела с соблюдением процессуальной формы¹.

При невосполнимом дефиците доказательственной информации, вследствие чего она приобретает неясный, противоречивый характер и по ней невозможно сформировать внутреннее убеждение судьи и народных заседателей о виновности подсудимого, у них возникает нравственно-психологическая предрасположенность к постановлению оправдательного приговора.

Резюмируя изложенное, сформулируем выводы по данному параграфу:

1. Судейское усмотрение при рассмотрении дел в составе председательствующего и двух народных заседателей, от которого отказался законодатель, с точки зрения очерченных законом пределов такого усмотрения практически ничем не отличается от усмотрения судьи при единоличном рассмотрении уголовного дела.

2. Исследования показывают, что при рассмотрении дела в составе председательствующего и двух народных заседателей происходило эмпатическое отождествление личности народных заседателей с личностью председательствующего, что негативно сказывалось на формировании так называемого «особого мнения». В тех случаях, когда народный заседатель был все-таки не согласен с председательствующим, это не нашло своего отражения в «особом мнении», хотя это было объективно необходимо.

3. Изучение практики районных федеральных судов показывает, что в таких судах возможности судьи, восполнить пробелы предварительного рас-

¹ См.: Мельник В.В. Указ. соч. – С. 255.

следования и устранить следственные ошибки в процессуально-тактическом плане значительно больше, чем в суде присяжных заседателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного нами исследования, можно сформулировать следующие теоретические положения.

1. Свойства оправдательного приговора определяют его внутреннюю форму (структуру), при этом внешнюю форму образуют требования, предъявляемые к нему законом как уголовно-процессуальному решению.

2. Требованиями к оправдательному приговору являются его законность, обоснованность, мотивированность, справедливость, а также культура (язык и стиль) процессуального акта.

3. Законность оправдательного приговора подразумевает исключительность, преюдициальность, обязательность и его неизменность, т.е. включает в себя свойства данного процессуального решения. В этом как раз и состоит диалектическое единство внутренней и внешней формы оправдательного приговора, где свойства приговора и требования, предъявляемые к нему, внутренне обусловлены и взаимозависимы.

4. Мотивированность приговора тесно связана с его обоснованностью. На наш взгляд, мотивированность является внешней объективированной формой обоснованности приговора. Само значение слова «мотив» означает побудительную причину, повод к какому-нибудь действию. В исследуемой проблематике такой потребностью является постановление приговора, т.е. принятие обоснованного решения по существу дела.

5. Обоснованность приговора и допустимость доказательств находятся в тесной взаимосвязи. Одной из проблем такой взаимосвязи является «асимметрия» правил о допустимости доказательств, согласно которым процессуальные нарушения, допущенные при получении доказательств, должны влечь разные последствия для обвинения и защиты. На наш взгляд, такая «асимметрия» подобна неисправным качелям, амплитуда «раскачивания» которых в условиях состязательности процесса будет изменять судебную ситуацию в интересах стороны защиты. Обоснованным решением судьи в

условиях существующих правил допустимости доказательств будет только тогда, когда он даст этим доказательствам сбалансированную оценку без учета корпоративных интересов участников уголовного судопроизводства.

6. Справедливость и совесть являются морально-этическими категориями и не могут быть отнесены к понятийному аппарату уголовно-процессуального права. Это, полагаем, во многом определяет их оценочный характер, порождающий многочисленные толкования понятий, особенно их связи с категорией «внутреннее убеждение». На наш взгляд, справедливость, устанавливая границы судейского усмотрения при постановлении приговора, выступает внешним критерием, относящимся к гносеологии внутреннего убеждения судьи. Внешним данный критерий является потому, что все субъективные оценки криминального деяния и принимаемого решения по делу судья сверяет с общественными представлениями о справедливости, морали и гуманизме.

7. УПК РФ 2001 г. впервые в ст. 302 дал исчерпывающий перечень оснований постановления оправдательного приговора.

8. Анализ п.п. 1, 2, 3 ч.2 ст. 302 УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель в них ведет речь либо о следственных ошибках, либо о некачественно проведенном предварительном расследовании, которые как раз и призван преодолеть суд путем постановления законного, обоснованного и справедливого оправдательного приговора.

9. При постановлении оправдательного приговора и применении п.1 ч.2 ст. 302 УПК необходимо четкое разграничение события преступления и события в бытовом смысле слова для правильного определения предмета и пределов доказывания, для достижения полноты исследования обстоятельств дела.

10. Под судейским усмотрением следует понимать зоны процессуальной самостоятельности судьи, принимающего на основе доказательств и своего внутреннего убеждения, а также руководствуясь законом и совестью, окончательное решение по уголовному делу в соответствии с требованиями

законности, обоснованности и справедливости, предъявляемыми к приговору и другим решениям по уголовным делам.

11. Внутреннее убеждение и совесть являются элементами судейского усмотрения, образуя его содержание. Иначе говоря, судейское усмотрение – это внутреннее убеждение судьи, облеченное в процессуальную форму. Если внутреннее убеждение – это «зона» психологической свободы судьи при принятии решения, то судейское усмотрение – это «зона» его процессуальной самостоятельности.

12. Ядром мотивационно-смысловой структуры личности судьи, принимающего процессуальное решение по уголовному делу, является его совесть как элемент судейского усмотрения, который выступает в качестве основы человеческого фактора в состязательном процессе.

13. Пределами судейского усмотрения являются законность, обоснованность и справедливость решения, т.е. требования, предъявляемые к приговору вообще и оправдательному, в частности, которые как раз и призваны ограничить процессуальную и психологическую свободу судьи.

14. Судейское усмотрение при рассмотрении дел в составе председательствующего и двух народных заседателей, от которого отказался законодатель, с точки зрения очерченных законом пределов такого усмотрения практически ничем не отличается от усмотрения судьи при единоличном рассмотрении уголовного дела.

15. Исследования показывают, что при рассмотрении дела в составе председательствующего и двух народных заседателей происходило эмпатическое отождествление личности народных заседателей с личностью председательствующего, что негативно сказывалось на формировании так называемого «особого мнения». В тех случаях, когда народный заседатель был все-таки не согласен с председательствующим, это не нашло своего отражения в «особом мнении», хотя это было объективно необходимо.

16. Исходным пунктом формирования судейского усмотрения является совокупность знаний, позволяющих выдвинуть судебную версию. При этом

обоснованность решения является основным количественным критерием для определения достаточности доказательств. Полагаем, достаточность составляет внутреннее содержание (внутреннюю форму) обоснованности приговора. Сама этимология слова «обоснованность» связана с оценкой достаточности чего-либо, в данном случае уголовно-процессуальных доказательств для обоснования каких-либо выводов.

17. Пределы судейского усмотрения в суде присяжных обусловлены жестко регламентированной процессуальной формой, в которой проходит судебное разбирательство. При этом вопрос о природе оправдательного приговора здесь необходимо рассматривать в контексте проблемы соотношения пределов усмотрения судей права и судей факта.

18. Особенности принятия присяжным заседателем судебного решения (оправдательного вердикта) далеко не всегда связаны с качеством расследования. Они более связаны с особенностью восприятия и их правосознания, качеством работы защитника и государственного обвинителя. Кроме того, специфика видится еще в том, что закон не требует для реализации вердикта, его мотивировки (обоснования), т.е. тех абсолютно необходимых требований, которые предъявляются к приговору вообще, и оправдательному в частности.

19. Пределы судейского усмотрения в составе суда районного звена, представляется, значительно шире, чем в суде присяжных. Председательствующий имеет здесь больше возможностей и для восполнения пробелов в материалах предварительного расследования, и для оценки доказательств по уголовному делу. Связано это, в первую очередь, с более «щадящей» процессуальной формой, чем в суде присяжных, с действием здесь принципа процессуальной экономии в рассмотрении несложных уголовных дел, а также возможностями суда знакомиться со всеми материалами уголовного дела, в отличие от суда присяжных, в том числе и с материалами, характеризующими личность подсудимого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**I. Нормативные и иные официальные материалы**

1. *Конституция* Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. *Международный пакт о гражданских и политических правах* от 19 декабря 1966 г. Ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 23 марта 1976 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. № 17. – Ст. 291.
3. *Уголовно-процессуальный кодекс* Российской Федерации // Утвержден Федеральным законом Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 2001– № 52 (ч.1) – Ст. 4921. с изменениями и дополнениями на 30.12.04 г. / ФЗ-№187 от 28.12.04. // Российская газета. – 2004. – 30 дек.
4. *Уголовно-процессуальный кодекс* Российской Федерации и УПК РСФСР (в сравнительных таблицах) / Красноярск: Издательство «Буква», 2002. – 574 с.
5. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ» от 5 марта 2004 года №1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5. – С. 2-7.
6. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 года №8 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 4-11.
7. *Постановление* Пленума Верховного Суда СССР «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» от 18 марта 1963 года №2 с изменениями // Сборник постановлений Пленумов Верховно-

го Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 305-311.

8. *Постановление* Пленума Верховного Суда СССР «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» от 5 декабря 1986 года №15 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 330-335.

9. *Постановление* Пленума Верховного Суда СССР «О соблюдении судами законодательства и руководящих разъяснений пленума Верховного Суда СССР при постановлении оправдательных приговоров» от 27 июля 1990 года № 6 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 371-373.

10. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 года №1 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 393-404.

11. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» от 20 декабря 1994 года №9 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 443-454.

II. Решения судебных органов

12. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 января 2004 г. № 53-003-84 сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 11. – С. 14-15.

13. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 января 2004 г. № 4-003-188 сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 11. – С. 15-16.

14. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2003 г. № 4-кп 003-82 сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 7. – С. 16-17.

15. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. № 4-кп 003-13 сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 7. – С. 17-18.

16. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. № 55-003-16 сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 10. – С. 19-20.

17. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. № 19-004-6 сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 1. – С. 15-16.

18. *Постановление* Президиума Верховного Суда РФ № 30п99пр по делу Митителова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – №7. – С. 15.

19. *Обзор* практики кассационной палаты Верховного Суда за 2002 год по делам, рассматриваемым краевыми и областными судами с участием присяжных заседателей // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 5. – С. 20-24.

20. *Обзор* по делам, рассмотренным судами с участием присяжных заседателей в 2003 году // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 6. – С. 28-32.

21. *Обзор* кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2002 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 8. – С. 14-23.

22. *Обзор* кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1998 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 11. – С. 13-20.

23. *Обзор* кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2003 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 9. – С. 22-32.

24. *Обзор* надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2003 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 10. – С. 21-32.

25. *Определение* Военной коллегии № 4 н – 27 / 1998 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – №7. – С.22-24.

26. *Оправдательный* приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, подлежит отмене лишь в случаях, предусмотренных ст. 385 УПК // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5. – С. 23-24.

27. *Приговор* суда присяжных отменен в связи с нарушением требований ст.449 УПК РСФСР (ст.339 УПК РФ) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 8. – С.14-15.

28. *Необоснованный* отказ в рассмотрении судом присяжных явился основанием к отмене приговора, с направлением дела на новое судебное рассмотрение со стадии назначения дела к судебному разбирательству в порядке предварительного слушания // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1995. – №1. – С.14-15.

29. *Пашин А.С.* Проблемы статуса судей и возрождения суда присяжных в контексте российской судебной реформы // Нормативные материалы о судьях и суде присяжных / Под ред. Ю.Х. Калмыкова, А.А. Котенкова. – М., 1994 – 112 с.

30. *Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 696 с.*

31. *Уголовное дело № 1-232/2001// Архив Березовского городского суда Кемеровской области за 2001 г.*

32. *Уголовное дело № 1-380/2000// Архив Березовского городского суда Кемеровской области за 2000 г.*

33. *Уголовное дело № 1-1457/2000 // Архив Киселевского городского суда Кемеровской области за 2000 г.*

34. *Уголовное дело № 1-182/2002 // Архив Федерального суда г. Шарыпово Красноярского края за 2002 г.*

35. *Уголовное дело № 1-195/ 1998 // Архив Гурьевского городского суда Кемеровской области за 1998 г.*

36. *Уголовное дело № 1-2/2003 // Архив Федерального суда Тасеевского района Красноярского края за 2003 г.*

37. *Уголовное дело № 1-267/1999 // Архив Анжеро-Судженского федерального суда Кемеровской области за 1999 г.*

38. *Уголовное дело № 1-287/2003 // Архив Федерального суда г. Ачинска Красноярского края за 2003 г.*

39. *Уголовное дело № 1-3/2001 // Архив Юргинского городского суда Кемеровской области за 2001 г.*

40. *Уголовное дело № 1-302/2001 // Архив Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области за 2001 г.*

41. *Уголовное дело № 1-385/2002 // Архив Гурьевского городского суда Кемеровской области за 2002 г.*

42. *Уголовное дело № 1-400/1998 // Архив Л-Кузнецкого городского суда Кемеровской области за 1998 г.*

43. *Уголовное дело № 1-601/2000 //Архив Юргинского городского суда Кемеровской области за 2000 г.*

44. *Уголовное* дело № 1-64/2000 // Архив Федерального суда Шушенского района Красноярского края за 2000 г.

45. *Уголовное* дело № 1-655/2000 // Архив Киселевского городского суда Кемеровской области за 2000 г.

46. *Уголовное* дело № 1-297/2003 // Архив Киселевского городского суда Кемеровской области за 2003 г.

47. *Уголовное* дело № 1-71/ 1998 // Архив Гурьевского городского суда Кемеровской области за 1998 г.

48. *Уголовное* дело № 1-784/2002 // Архив Рудничного районного суда г. Кемерово за 2002 г.

49. *Уголовное* дело № 1-811/1999 // Архив Федерального суда Заводского района г. Кемерово за 1999 г.

50. *Уголовное* дело № 1-95/1998 // Архив Новокузнецкого районного суда Кемеровской области за 1998 г.

51. *Уголовное* дело №1-277/1989 // Архив Краснофлотского районного суда г. Хабаровска за 1989 г.

52. *Уголовное* дело №2-103/1997 // Архив Московского областного суда за 1997 г.

53. *Уголовное* дело №2-26/2001 // Архив Алтайского краевого суда за 2001 г.

54. *Уголовное* дело №2-05/ 2002 // Архив Алтайского краевого суда за 2002 г.

55. *Шурыгин А.П.* Правоприменительная практика рассмотрения дел с участием коллегии присяжных заседателей // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – №1. – С. 20-24.

56. *Шурыгин А.П.* Суд присяжных в Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – №6. – С. 9-14.

III. Книги и монографии

57. *Адаменко В.Д.* Приговор и его изменение в кассации. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2000. – 196 с.
58. *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980. – 251 с.
59. *Бажанов М.И.* Предание суду в советском уголовном процессе. – Харьков, 1965.
60. *Басков В.И.* Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. – М., 1980. – 272 с.
61. *Белозеров Ю.Н., Чувилев А.А.* Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. – М., 1983. – 127 с.
62. *Бетс Г.* Искусство говорить на суде. – М., 1896. – 35 с.
63. *Божьев В.П.* Основания внесения и порядок рассмотрения дела в распорядительном заседании // Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / под ред. А.Ф. Горкина, В.В. Куликова, Н.В. Радутной, И.Д. Перлова. – М.: Юридическая литература, 1972. – 744 с.
64. *Бохан В.Ф.* Формирование убеждений суда. – Минск: Изд-во БГУ, 1973. – 160 с.
65. *Васильев Л.М., Ярославский А.Б.* Усмотрение следователя при расследовании преступлений и его влияние на установление истины по делу. Министерство сельского хозяйства и продовольствия РФ. – Краснодар., Изд-во КГАУ, 2000. – 128 с.
66. *Введенская Л.А., Павлова Л.Г.* Культура и искусство речи. Современная риторика. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 576 с.
67. *Веретехин Е.Г.* Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. – Казань, 1988. – 88 с.
68. *Винберг А.И., Миньковский Г.И., Рахунов Р.Д.* Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1956. – 217 с.
69. *Владимиров Л.Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. – 256 с.

70. *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части общая и особенная. – СПб.: Изд-е книжн. магазина «Законоведение», 1910. – 464 с.

71. *Власов В.И.* Расследование преступлений. Проблемы качества. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1988. – 199 с.

72. *Гавло В.К., Воронин С.Э.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. – Барнаул, 2000. – 41 с.

73. *Гаррис Р.* Школа адвокатуры: Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. – СПб., 1911. – 352 с.

74. *Гродзинский М.М.* Улики в советском уголовном процессе. – М., 1964.

75. *Грошевой Ю.М.* Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – 144 с.

76. *Грошевой Ю.М.* Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1986. – 183 с.

77. *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания. – Свердловск: Уральский ун-т, 1991. – 150 с.

78. *Дорохов В.Я., Николаев В.С.* Обоснованность приговора. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – 234 с.

79. *Дружинин В.В.* Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях. – Минск: Изд-во Минского ун-та, 1985. – 168 с.

80. *Ефимов В.Т.* Введение в этосологию. Нравы и нравственность. – М., 1993. – 487 с.

81. *Жиряев А.* Теория улик. – Дерпт: Тип. Г. Лаакманна, 1855. – 214 с.

82. *Каз Ц.М.* Правовая природа приговора в советском уголовном процессе. – Саратов, 1951.

83. *Каз Ц.М.* Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания). – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – 79 с.

84. *Касумов Ч.С.* Презумпция невиновности в советском праве. Под ред. В.М.Савицкого. – Баку: ЭЛМ, 1984. – 139 с.

85. *Кипнис Н.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. – М.: Юристъ, 1995. – 127 с.

86. *Кобликов А.С.* Судебный приговор. – М.: Юрид. лит, 1966. – 135 с.

87. *Комаров И.М.* Криминалистические операции в досудебном производстве. – Барнаул, 2002. – 345 с.

88. *Кони А.Ф.* За последние годы: Судебные речи (1888–1896 г.): Юрид. сообщения и заметки: Воспоминания и биограф. очерки: Приложения. – 2-е, доп. изд. – СПб.: Тип. Суворина, 1898. – 745 с.

89. *Кони А.Ф.* Избранные произведения: Статьи и заметки; Судебные речи; Воспоминания; сост. А.Б. Амелкин. – М.: гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – 889 с.

90. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред.: В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского; Т.1.: Из записок судебного деятеля. / ред. Г.К. Большакова. – 1966. – 565 с.

91. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред.: В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского; Т.4.: / сост. Тома и авт. коммент. М.М. Выдря; авт. вступ. ст. И.Д. Перлова. – 1967. – 542 с.

92. *Коренев А.П.* Нормы административного права и их применение. – М.: Юрид. лит., 1978. – 142 с.

93. *Кореневский Ю.В.* Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. – М.: Юрид. лит., 1974. – 112 с.

94. *Куцова Э.Ф.* Советская кассация как гарантия законности в правосудии. – М., 1957. – 225 с.

95. *Лазарев В.В.* Социально-психологические аспекты применения права. – Казань, 1982. – 144 с.

96. *Ларин А.М.* Презумпция невиновности. – М.: Наука, 1982. – 152 с.

97. *Ларин А.М.* Из истории суда присяжных в России. – М., 1995. – 104 с.

98. *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. – М., 1964. – 342 с.
99. *Лунев А.Е., Студеникин С.С., Ямпольская Ц.А.* Социалистическая законность в советском государственном управлении. – М., 1948.
100. *Лупинская П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе. – М., 1966. – 100 с.
101. *Лупинская П.А.* Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. – М.: ВЮЗИ, 1972. – 79 с.
102. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. – М.: Юрид. лит, 1976. – 168 с.
103. *Маликов М.Ф.* Эффективность приговора в советском уголовном процессе. Вопросы теории и практики. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 182 с.
104. *Мартыничук Е.Г.* Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Под ред. П.С. Никитюк, АН МССР, отд. философии и права. – Кишинев: Штиинца, 1975. – 220 с.
105. *Марфицин П.Г.* Усмотрение следователя: (Уголовно-процессуальный аспект): Монография. – Омск: Омская академия МВД России. 2002. – 234 с.
106. *Матвиенко Е.А.* Приговор суда и его исполнение. – Минск: «Вышэйш. школа», 1968. – 180 с.
107. *Матвиенко Е.А., Бибило В.Н.* Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – 206 с.
108. *Мельник В.В.* Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. – М.: Дело, 2000. – 496 с .
109. *Миньковский Г.М.* пределы доказывания в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1956. – 115 с.
110. *Мирецкий С.Г.* Приговор суда. – М.: Юридическая литература, 1989. – 109 с.

111. *Михайлова Т.А.* Предание суду в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1981. – 85 с.
112. *Мотовиловкер Я.О.* Некоторые вопросы теории уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. – Кемерово, 1962. – 151 с.
113. *Назаров А.Д.* Влияние следственных ошибок на ошибки суда: монография. – Санкт-Петербург, 2003. – 321 с.
114. *Оганесян Р.М.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1972. – 179 с.
115. *Пастухов М.И.* Оправдание подсудимого. – М.: Университетское, 1985. – 109 с.
116. *Перлов И.Д.* Приговор в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1960. – 262 с.
117. *Перлов И.Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М., 1955. – 247 с.
118. *Пищальникова В.А.* Психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных заседателей. – Барнаул, 1998. – 215 с.
119. *Потеружа И.И.* Роль суда второй инстанции в укреплении законности. – Минск: Наука и техника, 1980. – 192 с.
120. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. – М.: Высшая школа МООП СССР, 1967. – 288 с.
121. *Резник Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств. – М.: Юридическая литература, 1977. – 120 с.
122. *Савицкий В.М.* Перед судом присяжных: виновен или не виновен? – М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995. – 70 с.
123. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 1998. – 319 с.
124. *Сергеич П.С.* Искусство речи на суде. – М., Юридическая литература, 1988. – 384 с.

125. *Сереброва С.П.* Проблемы рационализации досудебного производства. – Н.- Новгород, 1997. – 291 с.
126. *Скуленко М.И.* Убеждающее воздействие публицистики: Основы теории. – Киев: Вища шк.: Изд-во при Киев. Гос. ун-те, 1986. – 174 с.
127. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – Судопроизводство. Изд. 4-е, испр. и доп. – СПб., 1913. – 509 с.
128. *Стецовский Ю.И., Ларин А.М.* Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. – М.: Наука, 1988. – 320 с.
129. *Строгович М.С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. – 319 с.
130. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. – Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М., 1968. – 471 с.
131. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. В 2 т. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – М.: Наука, 1970.– 525 с.
132. *Строгович М.С.* Избр. труды. В 3 т. – Т. 3. Теория судебных доказательств. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
133. *Теория доказательств в советском уголовном процессе.* – М.: Юридическая литература, 1973. – 736 с.
134. *Тихомиров Ю.А.* Управленческое решение. – М.: Наука, 1972. – 288 с.
135. *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1991. – 239 с.
136. *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и судебный приговор. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. – 532 с.
137. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2т. – Т.1. 4-е изд. – СПб., 1912. – 552 с.
138. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 415 с.

139. *Хмыров А.А.* Косвенные доказательства. – М.: Юридическая литература, 1979. – 184 с.

140. *Цицерон М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с лат. Ф.А. Петровского и др., под ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – 470 с.

IV. Статьи

141. *Анисимов А.М.* О специфике познания прошлого // Познание возможности: Тезисы международной науч.-практич. конференции. – М., 1994. – С. 187 – 189.

142. *Бобров М.И.* И законность, и справедливость // Советская юстиция. – 1993. – №5 – С. 2-3.

143. *Божьев В.П.* О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: сборник материалов научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001 г. - М., 2001. – 270 с.

144. *Бойков А.Д.* Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. – М., 1988. – С. 14-15.

145. *Бобрищев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. – М.: Журн. рус. мысль, 1896. – 642 с.

146. *Ветрова Г.Н.* Суд присяжных и проблемы уголовного судопроизводства // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право. – 1999. – №3. – С.16-30.

147. *Воскресенский В., Коньшева Л.* Количество склонно переходить в качество // Российская юстиция. – 1996. – №12. – С. 11-12.

148. *Воскресенский В.* Проблемы доказывания обвинения // Российская юстиция. – 1995. – №4. – С. 3-5.

149. *Гаврилов Ю.А.* Знания и убеждения // Известия Воронежского гос. педагогического ин-та. Т.83. – Вып. 3. – Воронеж, 1969. – С.64-79.

150. *Горобец В.* Законность, обоснованность и справедливость приговора в условиях состязательности процесса // Российская юстиция. – 2003. – №8. – С. 37-39.

151. *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Пределы доказывания // Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – С. 90.

152. *Григорьева Н.В.* Напутственное слово председательствующего судьи // Состязательное правосудие: Труды науч.-практич. лабораторий. – Вып. 1. Ч. 1. – М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. – С. 161-162.

153. *Громов Н.А., Колдин В.А., Ивенский А.И.* Порядок постановления и провозглашения приговора // Следователь. – 2004. – №. 5. – С. 9-11.

154. *Громов Н.А., Колдин В.А., Ивенский А.И.* Структура приговора // Следователь. – 2004. – №. 6. – С. 9-12.

155. *Демичев А.А.* Периодизация истории суда присяжных в России // Журнал российского права. – 2001. – №7. – С. 137-150.

156. *Дерюшев Ю.В.* Основные процессуальные ошибки, влекущие необоснованное привлечение к уголовной ответственности // Законодательство и практика. – 1998.– №1. – С. 19-21.

157. *Добровольская С.* Суд присяжных – центральное звено или исключительная форма // Российская юстиция. – 1995. – № 6.– С. 21-22.

158. *Дорохов В.Я.* Изменение обвинения в советском уголовном процессе // Учен. зап. Перм. ун-та. – Вып. 4. – Т.10. – 1955. – С. 139.

159. *Ершов В.В., Халдеев Л.С.* Проблемы рассмотрения уголовных дел судом присяжных // Гос-во и право. – 1994. – № 2. – С. 75-81.

160. *Жалинский А.Э.* О соотношении функционального и догматического подходов к уголовному праву // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. – М., 1987. – С. 25-26.

161. *Зажуцкий В.И.* О допустимости доказательств // Российская юстиция. – 1999. – №3. – С. 26-27.
162. *Золотых В.В.* Каким быть российскому суду присяжных по новому УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы. – М., 1997. – С. 183.
163. *Ивенский А.И.* Понятие и значение приговора суда как акта правосудия, осуществляемого по уголовным делам. Уточнение норм-дефиниций // Следователь. – 2004. – №7. – 25-29.
164. *Ивенский А.И.* Внутренние свойства приговора // Следователь. – 2004. – №8. – С. 4-6.
165. *Колдин В.Я.* Уровни уголовно-процессуального доказывания // Сов. гос-во и право. – 1974. – № 11. – С. 86-91.
166. *Колоколов Н.* Смертная казнь глазами судьи // Российская юстиция. – 1998. – № 7. – С. 26-27.
167. *Колоколов Н., Синяков И.* Законность, обоснованность и справедливость – неотъемлемые качества любого судебного решения // Актуальные проблемы судебной практики. – 2003. – №4. – С. 17-20.
168. *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Сов. гос-во и право. – 1969. – №4. – С.50.
169. *Комлев Б.* Нарушения закона, влекущие исключение показаний свидетеля, потерпевшего из процесса доказывания // Законность. – 1997. – №12. – С.16-19.
170. *Кондратьев П.Е.* О пределах усмотрения правоприменителя в процессе принятия уголовно-правовых решений // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. – М., 1987. – С. 28-29.
171. *Константинов Ю.* Суд присяжных – за и против // Социалистическая законность. – 1991. – №4 – С. 13 –15.
172. *Корневский Ю.В.* Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 1999. – №2. – С. 55-62

173. *Курченко В.* Отказ от института народных заседателей оправдан // Российская юстиция. – 2004. – С. 18-19.
174. *Курченко В.* Суд присяжных нуждается в корректировке // Законность. – 2004. – № 6. – С. 5-6.
175. *Курылев С.В.* О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. – 1968. – №1. – С. 63-75.
176. *Ланда Л., Неймарк М.* О методе и приемах убеждения // Советская педагогика. – 1959. – №2. – С. 130-140.
177. *Лупинская П.А.* Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. – 1994. – №11. – С. 2-5.
178. *Лупинская П.А.* Допустимость доказательств: пора обеспечить единство судебной практики // Российская юстиция. – 1998. – №11. – С. 23-24.
179. *Маньшиев Ю.Г.* Убеждение и знание, их общие черты, различия и соотношение // Проблемы научного коммунизма и философии. – Красноярск, 1968. – С. 200-224.
180. *Марасанова С.В.* Суд присяжных состоялся // Российская юстиция. – 1998. – №12. – С.8.
181. *Мельник В.* Поддержание обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Законность. – 1996. – №8. – С. 20.
182. *Мельник В.* Правозащитный потенциал суда присяжных в зеркале статистики // Уголовное право. – 2000. – №1. – С. 56.
183. *Мельник В.В.* Содержание конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей // Журнал российского права. – 2001. – №5. – С. 28-31.
184. *Некрасов С.* Допустимость доказательств: вопросы и решения // Российская юстиция. – 1998. – №1. – С.9.
185. *Некрасов С.В.* Принципиальные положения относящиеся к юридической силе доказательств в уголовном судопроизводстве России // Юрист. – 1998. – №1. – С. 14-15.

186. *Некрасов С.В.* Принципиальные положения, относящиеся к юридической силе доказательств в уголовном судопроизводстве России // Юрист. – 1998. – №2. – С. 31-32.

187. *Некрасов С.В.* Принципиальные положения, относящиеся к юридической силе доказательств в уголовном судопроизводстве России // Юрист. – 1998. – №5. – С. 8.

188. *Никандров В., Пономарев Г.* Лжесвидетельство – угроза правосудию // Советская юстиция. 1991. – №18. – С. 8-9.

189. *О рассмотрении* дел краевыми и областными судами: по данным кассационной практики Кассационной палаты Верховного Суда РФ за 2000 г. // Российский судья. – 2002. – №1. – С. 17-18.

190. *Овсянников И.В.* О категориях «недоказанности» и «доказанности» виновности в уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. – 1999. – № 3-4. – С. 103-108.

191. *Огилец А.А.* Теоретические проблемы усмотрения следователя // Следователь. – 2004. – №10. – С.43-44.

192. *Познанский В.А.* Односторонность или неполнота предварительного и судебного следствия как основание к отмене или изменению приговора // Уч. зап. Саратов. юридическ. ин-та. – Вып. VIII. – Саратов: Саратов. юрид. ин-т, 1959. – С.34.

193. *Руднев В.* Оправдан ли отказ от участия народных заседателей в отправлении правосудия? // Российская юстиция. – 2003. – №8. – С. 9-10.

194. *Сахаров А.Б.* Планирование уголовной политики и перспективы уголовного законодательства // Планирование мер борьбы с преступностью. – М. 1982. – С. 9-10.

195. *Селезнев М.А.* Некоторые аспекты допустимости доказательств // Законность. – 1994. – №8. – С. 37-41.

196. *Суд присяжных: возвращение в Россию* // Российская юстиция. – 1995. – № 8. – С. 4-7.

197. *Темушкин О.* Основания отмены или изменения приговора в кассационном и надзорном производстве // Советская юстиция. – 1976. – №19. – С.7-8.
198. *Тропин С.* Суд присяжных в России – 2 года перемен // Летопись суда присяжных (прецеденты и факты). – Вып 6-7. – М., 1995. – 92 с.
199. *Туровский Ф.* Биться за истину // Известия. – 1960. – 25 фев.
200. *Тыричев И.В.* Кассационные основания // Советский уголовный процесс. – М., 1980. – 568 с.
201. *Шаров А.* 12 стульев // Российская газета. – 2004. – 11 нояб.
202. *Шейфер С.А.* О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 60-67.
203. *Шурыгин А.П.* За пять лет суд присяжных дошел до девяти регионов // Российская юстиция. – 1998. – №12. – С. 5-7.
204. *Эйсман А.А.* Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе // Советское государство и право. – 1966. – № 6. – С. 92-97.
205. *Эксперты* оценивают эффективность нового судопроизводства // Российская юстиция. – 1995. – №6. – С. 2-4.

V. Авторефераты и диссертации

206. *Агеева Г.Н.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1952.
207. *Александров А.С.* Язык уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 56 с.
208. *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1969. – 24 с.
209. *Бажанов М.И.* Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. – 34с.

210. *Борзов В.М.* Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – 55 с.

211. *Грошевой Ю.М.* Законность и обоснованность приговора советского суда: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1965. – 21 с.

212. *Грошевой Ю.М.* Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Харьков, 1975. – 34 с.

213. *Грошевой Ю.М.* Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра. юрид. наук. – Харьков, 1975. – 403 с.

214. *Дудко Н.А.* Общие условия судебного разбирательства и система гарантий социалистического правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1985. – 24 с.

215. *Заблоцкий В.Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 1971. – 20 с.

216. *Карякин Е. А.* Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе принципа состязательности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2002. – 22 с.

217. *Корнеева И.В.* Функционирование суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2002. – 32 с.

218. *Кузнецов Н.П.* Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1998. – 34 с.

219. *Лагодина Е.Н.* Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – 23 с.

220. *Лантух Н.В.* Формы проверки не вступивших в законную силу приговоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 19 с.

221. *Ласточкина Р.Н.* Явная несправедливость наказания как основание к отмене или изменению приговора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1983. – 16 с.

222. *Лупинская П.А.* Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 1972. – 425 с.

223. *Маликов М.Ф.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1974. – 12 с.

224. *Марасанова С.В.* Организационные и процессуальные проблемы деятельности суда присяжных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 25с.

225. *Новикова А.А.* Соотношение обвинения и защиты в судебном разбирательстве (проблемы теории и практики на современном этапе): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.– М., 2003. – 27 с.

226. *Папкова О.А.* Судейское усмотрение в гражданском процессе: Дис. ... канд. юрид. наук.– М., 1997. – 175 с.

227. *Паршин А.И.* Судебная оценка материалов предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – 262 с.

228. *Петровский Н.К.* Вердикт присяжных заседателей и его социально-правовые последствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – 17 с.

229. *Петровский Н.К.* Вердикт присяжных заседателей и его социально-правовые последствия: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – 198 с.

230. *Пучковская М.Е.* Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.– Томск, 2004. – 25 с.

231. *Рахимов Ю.Р.* Системный анализ процессуальных решений (методология уголовно-процессуального подхода): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1989. – 21 с.

232. *Севастьянов А.П.* Пределы судейского усмотрения при назначении наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. – 23 с.
233. *Седлецкий Ю.Н.* Оправдательный приговор и его общественно-политическое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1988. – 23 с.
234. *Семененко М.Э.* Проблемы уголовного преследования, осуществляемого прокурором в суде: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 159 с.
235. *Скворцов Н.Н.* Оправдательный приговор и прекращение дела в суде по реабилитирующим основаниям в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1971. – 16 с.
236. *Снегирев Е.А.* Оценка доказательств по внутреннему убеждению: Дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2002. – 198 с.
237. *Судариков В.А.* Роль председательствующего судьи при осуществлении правосудия судом с участием присяжных заседателей в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 31 с.
238. *Сыщикова Т.М.* Уголовно-процессуальная деятельность народного судьи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1987. – 19 с.
239. *Толочко А.Н.* Роль мотивировки в обеспечении законности, обоснованности и справедливости актов социалистического правосудия, выносимых судом первой инстанции по уголовным делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1985. – 16 с.
240. *Тренбак О.Н.* Признание доказательств недопустимыми и исключение их из разбирательства дела в суде присяжных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 26 с.
241. *Тренбак О.Н.* Признание доказательств недопустимыми и исключение их из разбирательства дела в суде присяжных: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 234 с.
242. *Шумилин С.Ф.* Законность и обоснованность судебных решений, принимаемых в стадии предания суду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1981. – 17 с.

243. *Яцишина О.Е.* Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – 21 с.

VI. Учебная и справочная литература

244. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Курс лекций: Учебное пособие. – Вып. 1. – Свердловск, 1963. — 265 с.

245. *Баранов А.М.* Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения. Лекция. – Омск, 1996. – 42 с.

246. *Богословская Л.А.* Основания к отмене или изменению приговоров. – Харьков: Харьк. юрид ин-т, 1981. – 59 с.

247. *Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.Н.* Судопроизводство по новому УПК РСФСР. – Свердловск, 1962.

248. *Дубривний В.А.* Деятельность следователя по расследованию преступлений. – Саратов, 1987. – 95 с.

249. *Дудко Н.А.* Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: предварительное слушание: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 128 с.

250. *Зинатуллин З.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Учебное пособие. – Ижевск: Дектив-Информ, 1989. – 400 с.

251. *Зубарев В.С., Крысин Л.П., Статкус В.Ф.* Язык и стиль обвинительного заключения. – М.: Юридическая литература, 1976. – 87 с.

252. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – 878 с.

253. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР* / Под ред. А.М. Рекункова, А.К. Орлова. – М.: Юрид. лит, 1985. – 687 с.

254. *Краткий психологический словарь.* – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

255. *Марфицин П.Г., Безруков С.С.* Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя: Учебное пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2001. – 88 с.
256. *Мельниковский М.С.* Особенности осуществления защиты подсудимых в суде присяжных – приемы и методы: Методическое пособие. – М., 1998. – 64 с.
257. *Назаров А.Д.* Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: Учебное пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2000. – 256 с.
258. *Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В.А. Болдырева.* – М.: Госюриздат, 1963. – 796 с.
259. *Немытина М.В.* Российский суд присяжных: Учебно-методическое пособие. – М., 1995. – 218 с.
260. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1987. – 795 с.
261. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 9-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 847 с.
262. *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. – М.: «Проспект», 2000. – 144 с.
263. *Основы культуры речи: хрестоматия.* – М.: Высшая школа, 1984. – 312 с.
264. *Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие.* Отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 1998. – 288с.
265. *Словарь русского языка.* В 4 т. – Т.4: С-Я / под ред. Л.Л. Кутиной, В.В. Замковой. – 1088 с.
266. *Уголовный процесс БССР: Учебное пособие / С.П. Бекешко, Н.Н. Гапанович, А.С. Кобликов.* – Минск: Вышэйш. шк., 1979. – 544 с.
267. *Уголовный процесс западных государств: Учебник для вузов / К.Ф. Гуценко, Л.В. Гловко, Б.А. Филимонов.* – М.: «Зерцало – М», 2002. – 518 с.

268. *Уголовный процесс РСФСР* / Под ред. В.Е. Чугунова, Л.Д. Кокорева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. – 392 с.
269. *Уголовный процесс: Учебник для вузов* / Под общ. ред. П.А. Лупинской. – М.: Юрист, 1995. – 544 с.
270. *Уголовный процесс: Учебное пособие* / Под ред. П.М. Давыдова, И.Я. Дерюгина. – Екатеринбург, 1992. – С.218.
271. *Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия*. Рук. авт. колл. А.Б. Соловьев. – М., 1991.
272. *Халдеев Л.С. Судья у уголовном процессе: Практическое пособие*. – М.: Юрист, 2000. – 500 с.
273. *Хмыров А.А. Основы теории доказывания: Учебное пособие*. – Краснодар: Изд-во Кубан. Ун-та, 1981. – 111 с.
274. *Чельцов М.А. Советский уголовный процесс: Учебник для юрид. высш. учеб. заведений*. – М.: Госюриздат., 1962. – 512 с.
275. *Якубович Н.А., Громов С.М. Обвинительное заключение: Методическое пособие*. – М., 1987.

Приложение 1

Таблица 1. Сводная таблица данных статистической отчетности о рассмотрении уголовных дел судами общей юрисдикции (районными) и мировыми судьями Республики Хакасия, Алтайского края, Красноярского края, Кемеровской области, Ростовской области (по первой инстанции) за 1999-2003г.г.

Субъекты РФ	Суды	1999г.			2000г.			2001г.			2002г.			2003г.		
		Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удел.вес с оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удел.вес с оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удел.вес с оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удел.вес с оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удел.вес с оправданных от осужденных (%)
Республика Хакасия	Районные суды	6231	33	0,5	6428	43	0,7	6764	50	0,7	4368	56	1,3	3850	46	1,2
	Мировые судьи	–	–	–	–	–	–	130	2	1,5	380	23	6,0	649	39	6,0
Алтайский край	Районные суды	35211	225	0,6	32040	145	0,4	28138	164	0,6	15956	198	1,2	13857	192	1,4
	Мировые судьи	–	–	–	174	6	3,4	1866	94	5,0	1843	145	7,9	1943	151	7,8
Красноярский край	Районные суды	32922	78	0,2	34002	81	0,2	34117	75	0,2	22440	102	0,4	19916	107	0,5
	Мировые судьи	–	–	–	–	–	–	1573	28	1,8	2995	109	3,6	3152	100	3,2
Кемеровская область	Районные суды	32504	99	0,3	34375	84	0,2	34364	118	0,3	24621	100	0,4	20296	61	0,4
	Мировые судьи	–	–	–	–	–	–	–	–	–	131	5	3,8	1659	76	4,6
Ростовская область	Районные суды	35365	188	0,5	36365	152	0,4	31319	130	0,4	19724	158	0,8	16805	162	0,9
	Мировые судьи	–	–	–	616	14	2,3	5334	114	2,1	6025	222	3,9	5706	245	4,3

Таблица 2. Сводная таблица данных статистической отчетности о рассмотрении уголовных дел судами присяжных Алтайского края, Московской области, Ростовской области (по первой инстанции) за 1999-2003г.г.

Субъекты РФ	Суды	1999г.			2000г.			2001г.			2002г.			2003г.		
		Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удельный вес оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удельный вес оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удельный вес оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удельный вес оправданных от осужденных (%)	Общее число осужденных лиц	Общее число оправданных лиц	Удельный вес оправданных от осужденных (%)
Алтайский край	Краевой суд	274	8	2,9	218	7	3,2	273	11	4,0	229	1	0,4	201	3	1,5
	Из них с участием присяжных заседателей	39	8	20,5	33	7	21,2	10	8	80	22	0	0	30	2	6,7
Московская область	Областной суд	429	62	14,4	426	53	12,4	489	13	2,6	364	8	2,2	329	22	6,7
	Из них с участием присяжных заседателей	231	61	26,4	251	52	20,7	167	13	7,8	136	7	5,1	89	16	18
Ростовская область	Областной суд	353	14	4,0	377	12	3,2	384	27	7,0	294	18	6,1	248	37	14,9
	Из них с участием присяжных заседателей	77	13	16,9	48	9	18,7	57	25	43,8	59	14	23,7	52	33	63,5

Таблица 1. Сводные данные
по результатам анкетирования судей Красноярского края

1. Интересовались ли Вы мнением народных заседателей при обсуждении в совещательной комнате вопросов	
а) О доказанности (недоказанности) вины подсудимого:	
Да	98%
Нет	2%
б) О виде и мере наказания:	
Да	99%
Нет	1%
2. Согласовываете ли Вы перед началом судебного разбирательства или перед удалением суда в совещательную комнату с прокурорами позицию суда и прокуратуры по доказанности обвинения, квалификации, определению меры наказания	
Да	8%
Нет	92%
3. В формировании убеждения судьи по уголовному делу существенную роль играют следующие группы факторов (просьба указать не более 2 групп факторов)	
а) нравственная направленность личности судьи	3,6%
б) уровень его профессионального правосознания	3,4%
в) уровень профессионального мастерства, выражающийся, в частности, в надлежащей подготовке к судебному разбирательству, осознании обязанностей председательствующего по делу в суде первой инстанции	4,8%
г) морально-волевые и интеллектуальные качества личности	8,1%

судьи по профессии	
д) обстоятельства, которые условно можно назвать «вытекающими из уголовного дела» – предварительное изучение материалов уголовного дела, доказанность (недоказанность) обвинения в ходе судебного следствия	46,4%
е) обстоятельства, связанные с личностью подсудимого – прошлая преступная деятельность или его аморальное поведение и т.д.	11,2%
ж) социально-психологические факторы – общение в рамках требований процессуального закона с народными заседателями и участниками судебного разбирательства, поведение подсудимого в судебном разбирательстве	12,7%
з) обстоятельства, которые условно можно отнести к «внесудебным» – общественное мнение	7,1%
и) уголовно-процессуальный закон, который не только связывает воедино все названные выше факторы, но который в то же время является фактором, формирующим само убеждение судьи	2,3%
Иное	0,4%
4. Если в вашей практике имели место случаи, когда убеждение в виновности подсудимого у Вас сложилось до начала судебного разбирательства, укажите количество избрания на должность	
Избран впервые	8,3%
Избран во второй раз	10,1%
Избран в третий раз	12,2%
Избран в четвертый и более раз	13,4%
5. На каком этапе (в большинстве случаев) у Вас складывается вывод о виновности (невиновности) подсудимого	

После ознакомления с материалами уголовного дела	11%
В ходе судебного разбирательства	70%
После бесед с другими судьями	9%
После бесед с прокурорами (государственными обвинителями)	8%
После ознакомления с сообщениями СМИ	2%
6. Считаете ли Вы необходимым закрепить в УПК запрет на публикацию в СМИ доказательственной информации до вынесения приговора по делу либо его прекращения в установленном законом порядке	
Да	96%
Нет	4%
Затрудняюсь ответить	0
7. Оцените качество предварительного расследования по поступающим в суд уголовным делам	
Очень плохое	2,8%
Плохое	3,5%
Посредственное	75,5%
Хорошее	17,5%
Очень хорошее	0,7%
8. Оправдано ли изъятие из УПК РФ института направления уголовного дела судом на дополнительное расследование	
Да	6%
Нет	94%
Затрудняюсь ответить	0

Таблица 2. Сводные данные
по результатам анкетирования присяжных и народных заседателей
Красноярского края

1. Интересовались ли Вашим мнением судьи-профессионалы при обсуждении в совещательной комнате вопросов (вопрос для народных заседателей)	
а) О доказанности (недоказанности) вины подсудимого:	
Да	3%
Нет	97%
б) О виде и мере наказания:	
Да	72%
Нет	28%
3. На каком этапе (в большинстве случаев) у Вас складывается вывод о виновности (невиновности) подсудимого	
<i>Народные заседатели</i>	
После ознакомления с материалами уголовного дела	23%
В ходе судебного разбирательства	46,5%
После бесед с судьями	12%
После бесед с прокурорами (государственными обвинителями)	14%
После ознакомления с сообщениями СМИ	3,5%
Затрудняюсь ответить	1%
<i>Присяжные заседатели</i>	
В ходе судебного разбирательства	66,4%
После ознакомления с сообщениями СМИ	23,3%
Затрудняюсь ответить	10,3%
4. Возникали ли у Вас сложности (сомнения) при форми-	

ровании вашего убеждения в виновности (или невинности) лица в ходе рассмотрения уголовного дела (вопрос для присяжных заседателей)	
Нет	38,4%
Да, так как при рассмотрении уголовного дела имелась: <ul style="list-style-type: none"> • неопределенность сведений, содержащихся в исследованных доказательствах • недостаточная убедительность сведений, необходимых для достоверного вывода о наличии либо отсутствии обстоятельств, вмененных в вину подсудимому органами расследования • противоречивость проверенных и собранных судом доказательств 	52,4% 11,5% 23,5% 7,4%
Затрудняюсь ответить	9,2%
5. Были ли у Вас расхождения с мнением судьи в ходе постановления обвинительного приговора (вопрос для народных заседателей)	
Да, и было написано особое мнение	0
Да, но особого мнения писать не стал(а), так как: <ul style="list-style-type: none"> • Затруднял(а)ся его мотивировать или письменно изложить • Сдерживал авторитет судьи и его опыт • Уговоры или угрозы со стороны судьи • Затрудняюсь ответить 	27% 6% 18% 1% 2%
Нет	73%
6. Были ли у Вас расхождения с мнением судьи в ходе постановления оправдательного приговора (вопрос для народных заседателей)	
Да, и было написано особое мнение	0

Нет	100%
7. Считаете ли Вы необходимым закрепить в УПК запрет на публикацию в СМИ доказательственной информации до вынесения приговора по делу либо его прекращения в установленном законом порядке	
<i>Народные заседатели</i>	
Да	68%
Нет	31%
Затрудняюсь ответить	1%
<i>Присяжные заседатели</i>	
Да	56%
Нет	41%
Затрудняюсь ответить	3%
8. Считаете ли Вы, что внешний вид и манера поведения подсудимого в судебном заседании могут повлиять на оценку доказательств и меру наказания	
<i>Народные заседатели</i>	
Да	24,5%
Нет	21%
Затрудняюсь ответить	54,5%
<i>Присяжные заседатели</i>	
Да	28%
Нет	19%
Затрудняюсь ответить	53%